

Анна
СЕВЕР

Ты будешь
МОЕЙ

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

— Как за царапину извиняться будешь? “Мустанг” может и согласиться на пластырь на морде, а вот я — нет, — опасно щурится он. — Что вы...? — осекаюсь, глядя в темные, хищные глаза. Как же он близко. Недопустимо близко. Опасный, наглый и в то же время дьявольски притягательный. Нервно закусываю губу и замираю, когда его взгляд опускается к моему рту. — Нет, девочка. Так просто я тебя не отпущу. Плохих девочек надо наказывать.

Ты будешь моей!

Глава 1. На красный свет

— Как за царапину извиняться будешь? “Мустанг” может и согласится на пластырь на морде, а вот я — нет, — опасно шурится он.

— Что вы...? — осекаюсь, глядя в темные, хищные глаза. Нервно закусываю губу и замираю, когда его взгляд опускается к моему рту.

— Так просто я тебя не отпущу. Непослушных девочек надо наказывать.

За три часа до этого:

Кажется, я сейчас упаду. Идти на подработку в кафе через несколько часов после ночной смены то еще испытание. Не так я представляла себе это лето.

Думала, что буду готовиться к поступлению в ВУЗ и гулять с бывшими одноклассниками. Но они гуляют без меня. И вполне счастливо, я полагаю. Особенно, Коля.

Знаете это трепетное чувство, когда вас выбирает самый красивый мальчик в классе? А то чувство, будто вас заставили есть стекло, когда узнаешь, что все это было на спор?

“Лишить Недотрогу девственности”, — так назывался их дурацкий чат в “телеге”. Чат! С другими парнями, да.

Я думала, что мое сердце не выдержит, когда увидела это. Но еще большее стало тогда, когда Коля вместо того, чтобы попробовать хоть как-то оправдаться, вылил мне на голову ведро холодной воды. Вот в тот момент я окончательно протрезвела.

Как сейчас помню день, когда кто-то из парней сжалился и прислал мне скрин их переписки. Слезы топили глаза, а я все еще верила, что это какая-то ошибка. Ну, или, что все было задумано именно так, но стало настоящим для нас....

Не стало. Это все было игрой. А я — “девчонка из прошлого века, которая за свою целомудренность зубами держится”. Вообще-то, это не совсем так. Но для меня было важно, чтобы мой первый раз был с человеком, которому я всецело доверяю. И Коле я почти поверила, и если бы это все не вскрылось, то совершила бы самую большую ошибку в жизни.

До сих пор в ушах звенят его слова, сказанные с насмешкой при всех... Так что, теперь у меня есть еще одна причина не высовываться, помимо главной.

А главная — деньги, которых сейчас адски не хватает. Если бы Коля был хоть чуточку внимательным, то понимал бы, что человеку, у которого болеет младшая сестра как-то не до гулянок и тусовок.

Врачи долго не могли поставить ей диагноз, пока почки совсем не отказали. Все случилось слишком резко, но нам повезло, и уже зимой ей сделают операцию. Но из-за обследований в частных клиниках у нас куча кредитов, и теперь приходится работать везде, где берут.

Но это все мелочи. Главное, чтобы Варя поправилась и восстановилась. А в следующем году мы вместе поступим в институт.

— Не спи, замерзнешь, — шутит бармен, отдает мне, наконец-то, два латте, и я иду к дальнему столику с милой парочкой.

На моем пути словно из ниоткуда возникает изрядно подвыпивший мужчина и едва не сбивает меня с ног.

— Ой! — отчаянно пытаюсь удержать поднос в надежде не испачкать гостя.

Но поздно!

— Горячо, твою мать! — орет мужчина.

Вот только на его рубашке лишь пара капель, а все остальное — на мне.

— Простите! — тут приношу извинения, хотя знаю, что ни в чем не виновата. Но он ведь клиент и априори всегда прав. И если мне нужно стиснуть зубы и извиняться, я извинюсь. Потому что мне очень нужна эта работа.

— Уволена! — рывкает Петрович, наш управляющий, а я будто в ступор вхожу. Глаза щиплет от обиды, внутри все дрожит.

— Нет! Пожалуйста. Я ведь не специально. Гость слишком резко встал, — пытаюсь ему объяснить, но он будто не слышит. И ведь знает, как я нуждаюсь в работе.

— Да ну тебя! Еще проблем с начальством из-за тебя не хватало! Кстати, из твоей зарплаты вычтут за химчистку и битую посуду.

— Что? — охаю я, и чувство внутри такое, будто мне ударили под дых. — Но там ведь почти ничего не останется!

— Вот же неблагодарный народ пошел. Я тебя без опыта принял, а ты споришь? Выметайся! — орет на меня и хлопает дверью, а я так и остаюсь стоять в комнате для персонала, пытаюсь придумать, что же мне делать.

А что делать? Даже если в ногах буду валяться, Петрович не возьмет обратно. Да и вообще, когда он злится, лучше не подходить. Выходит, все?

Словно в тумане подхожу к шкафчику, молча сглатываю слезы и меняю униформу на белую футболку и синие немного потертые джинсы. Думаю, что же теперь сказать маме. Она ведь рассчитывает на меня.

Сама звонит. Как мысли читает. Только вот...

Она не звонит мне во время смены.... Хмурюсь, а внутри все сильнее нарастает чувство тревоги. Что-то с Варей случилось?

— Алло! Мам?! — выпаливаю я, наспех надевая балетки и готовясь бежать, куда скажут.

— Варю "скорая" забрала. Мы в больнице. Ты не пугайся....

Да так тут не испугаешься? Тут от ужаса поседеть можно!

Вылетаю из кафе, позабыв про трудовую книжку. Управляющий что-то кричит, но я не слышу. Лечу скорее к метро, которое на той стороне дороги.

Визг тормозов и рев гудка заглушают пиликающий сигнал светофора, я оборачиваюсь и успеваю увидеть серый спорткар и бледное лицо водителя за лобовым стеклом.

Все длится не больше секунды, а кажется, что мы целую вечность смотрим друг другу в глаза. А затем спорткар, чудом успеваает уйти в сторону и остановится, но все равно задевает меня по касательной, и я отлетаю в сторону.

Чувствую боль. Не острую. Приглушенную. Она растекается по всему телу.

Зрение теряется, но я все еще разбираю клочки белых облаков на голубом небе. И тут обзор заслоняет голова.

Сначала темная, так как свет падает сверху вниз. Я почти его не вижу, но чувствую дерзкий аромат парфюма. С нотками цитруса и древесины. Вкусный запах....

— Эй, ты меня слышишь? — доносится едва разборчиво.

Глаза. Теперь я их вижу, хоть все остальное словно в тумане. Большие. Миндалевидные. Карие. С каким-то вишневым оттенком.

Но они ускользают, и опускается темнота.

Глава 2. Я не мошенница!

— В рубашке родилась, — знакомый голос доносится почти чётко.

Спешно открываю глаза.

— Пара ссадин, переломов нет, — продолжает голос за белоснежной занавеской.

Я оглядываю помещение, в котором оказалась. Окно с вертикальными жалюзи кремового цвета. Светлые, окрашенные матовой краской бежевые стены. Тумбочка на колесиках. Капельница. Кровать, на которой я и лежу. Трудно с чем-то спутать антураж больничной палаты.

— Вы точно все проверили? — раздается другой голос за шторкой.

Такой низкий, обволакивающий, проникающий прямо под кожу и отчего вызывающий целый табун мурашек. Этот голос я уже слышала.

В памяти моментом всплывают выразительные миндалевидные глаза цвета горького шоколада, обрамленные густыми, черными ресницами.

— Мы провели все исследования. Ничего не упустили. Будьте уверены, — заверяет первый голос, и я уже не выдерживаю и выглядываю из-за шторки.

Как и ожидалось, отчитывался врач. По крайней мере, этот седовласый мужчина одет в медицинскую форму.

Вот только со мной и мамой медики так не любезничают, как с этим... кто он?

На вид лет двадцать пять. Каштановые волосы немного взлохмачены, отливают бронзой. Белая рубашка расстегнута на несколько верхних пуговиц, приоткрывая рельефную грудь. Рукава закатаны по локоть, обнажая сильные, исписанные жгутами вен, руки. Да и весь он в целом, будто полжизни в фитнес-центре проводит. Может, тренер?

С дорожками, судя по виду, часами на руке. Помню Колька на подобные слюни пускал, будучи при этом из обеспеченной семьи.

А этот экстремал-водитель не только телом хорош, но и лицом. Высокий ровный лоб, выразительные скулы, ровный нос и острый подбородок. Не люблю мужчин с щетиной, но этому типу она очень идёт. Очень.

А еще от взгляда на него внутри зарождается какое-то странное чувство. С одной стороны хочется спрятаться, будто хищника увидела, а с другой залипнуть на него еще минутку другую. И внутри все странно тянет. Даже в жар бросает.

Вот дает же природа кому-то все и сразу. И улыбается он чертовски сексуально, левым уголком рта.

Ой! Я же пялюсь на него, а он спалил! Мамочки, как это неловко.

Спешу опустить взгляд, но опять цепляюсь за приоткрытые пуговицы белоснежной рубашки и рельефную грудь и зависаю на секунду.

Я так сильно головой стукнулась? О чем я только думаю?

— Очнулась, камикадзе, — выдает незнакомец с легкой нагловатой ухмылкой.

— Я не камикадзе! — возражаю и тут же теряюсь под его пристальным взглядом. Вот не зря он мне хищником показался. Невольно начинаю чувствовать себя каким-то глупым кроликом при нем.

Ну а чего это он на меня так смотрит, будто съесть хочет? Не завтракал, что ли?

— А кто тогда? Ты ведь под машину мне бросилась, — утверждает он.

— Я бросилась? Это вы на меня наехали, когда я шла на "зеленый"! — возражаю я, и

незнакомцу это, явно, не нравится.

— Я вас оставлю, — тихо мямлит врач и сбегает за долю секунды.

Стой! Куда?!

Дверь за халатом закрывается, и теперь мы с незнакомцем одни. Не нравится мне его взгляд. Вот совсем. Так и хочется прикрыться.

Чего он злится-то? Это ведь он меня сбил, а не я его!

Я должна злиться!

— На "зеленый"? — переспрашивает незнакомец, и что-то внутри подсказывает, что с ним лучше не ругаться. — Ты сейчас серьезно или выкрутиться пытаешься?

Вновь пробегаю взглядом по его белоснежной рубашке, по темным приталенным, немного испачканным дорожной пылью на коленях, брюками.... Вспоминаю тот самый капот с лошадьё. В марках автомобилей я не сильна, но значок "Мустанга" любой дурак знает.

Во что же я вляпалась?

— Слушайте, ээ... — хочу оправдаться, но понимаю, что не знаю, как к нему обратиться.

— Кирилл, — подсказывает мне незнакомец.

— Кирил... эээ....

— Александрович.

Хочу продолжить, как вновь замечаю насмешку в глазах.

Он что издевается надо мной? Смеется, пока я тут места себе не нахожу? И это вместо "извини, что чуть по асфальту не раскатал"?

— Кирилл Александрович, — все-таки с трудом выдавливаю из себя. — Для пешеходов точно горел "зелёный"! Я своими глазами видела.

— Я бы проверил, в то, что ты перепутала цвет светофора, но дальтониками могут быть только мужчины, — заявляет он мне. — К тому же, там еще и человечки нарисованы. Не катит твоя отмазка. Давай лучше обсудим, как ты за царапину "извиняться" будешь?

Щурится и смотрит так, что становится не по себе. Будто меня как рыбку на крючок поймали. И еще эта его нездоровая хищная улыбочка.

— Какую еще царапину?

— Отбойник зацепил, когда пытался сохранить одной дуреке жизнь. "Мустанг" может и согласится на пласть на морде, а вот я нет, — усмехается он.

Не пойму, он сейчас подшучивает надо мной или, в самом деле, сейчас денег потребует? Да за что? Он ведь сам виноват!

— Знаете что, я на вас в полицию заявлю! И эту самую компенсацию потребую сама с вас потребую! Посмотрим, кто прав! — хмурюсь я, надеясь, что выбрала правильный курс, и тактика нападения окажется лучшей защитой.

Ой! Нет....

Игривый огонь в темных глаза вдруг гаснет, и взгляд становится подозрительным и холодным.

— Компенсацию? — хмурится он. — Не выйдет. Я уже оплатил твои больничные счета. Проверил от макушки до пят. Ты везучая.

Была бы везучей, нарвалась бы на типа по приятней! Внешность от бога, характер от дьявола!

— Или хитрая, — добавляет он, опасно прищурившись. На что это он намекает? — Тебе

ведь это не впервой?

— Что?

— Под капоты прыгать и компенсацию просить.

Едва ли не роняю челюсть.

Что, блин, простите! Он думает, что я мошенница?

Судя по тому, как подозрительно по мне скользит его опасный взгляд, так оно и есть.

Обида подскакивает к горлу. Вот же узколобый!

— Значит, у меня теперь целых два повода тебя наказать. — выдает он.

— Наказать? Не слишком ли вы много на себя берете? И платить вас никто не просил!

У меня полис ОМС имеется, как и у любого гражданина этой страны, если что! — заявляю я опасаясь, что мне с меня сейчас еще и деньги за мое лечение потребует.

Солидный с виду человек, а такой скупердяй!

— Это для меня. Чтобы ты ничего потом мне не предъявила по липовой справке, — отрезает он, а я задыхаюсь от обиды и возмущения.

Боже, а ведь пару минут назад я почти поверила, что мужчина мечты существует!

— Тело вы моё не повредили, не волнуйтесь! А вот планы..., — я вздрагиваю, вспоминая звонок мамы.

О боже! Варя!

Как я могла забыть о самом важном в этой суматохе? Надо бежать! Где же моя сумка? Вот!

Хватаю её, наспех натягиваю вязаную балетку на ногу. А где вторая? Нет? На дороге, что ли, осталась?

Бог с ней! Нужно спешить.

Кидаюсь к двери, но Кирилл перехватывает меня, обжигая предплечье своим прикосновением и в прямом смысле прижимает к стене.

От этой неожиданной близости я вся вздрагиваю. В нос бьет дерзкий аромат парфюма с нотками цитруса и древесины.

— Что вы...? — осекаюсь, глядя в темные, хищные глаза.

От его взгляда все внутри замирает, а затем вспыхивает, словно по щелчку. Как же он близко. Недопустимо близко для незнакомца.

Такого опасного, наглого и кто же время, как бы не хотелось этого признавать, дьявольски притягательного незнакомца.

Нервно закусываю губу и замираю, когда его взгляд опускается к моему рту.

— Нет, девочка. Так просто я тебя не отпущу. — склоняется, вновь заставляя меня изводиться от напряжения. — Непослушных девочек надо наказывать.

Глава 3. Сколько ты хочешь?

— Вы знаете, что удерживать человека против воли — преступление? — хочу звучать уверенно, но интонации больше похожи на мольбу.

Я не знаю, как он это делает, но я чувствую себя не то желе, не то воском, поднесенном к огню, когда он так близко. Мистика какая-то.

Кирилл смеется, будто я глупость сказала. Но все же потом становится относительно серьезным.

— Раз уж заговорили о преступлениях, подпиши бумаги, что не имеешь претензий, и разойдемся. Пока что, — говорит Кирилл Александрович, делая какой-то неоднозначный акцент на последних словах.

Что значит "пока что"?

Блин, некогда это выяснять, нужно скорее идти к маме и Варе.

— Хорошо. Давайте свои бумаги! — соглашаюсь я, чем, кажется, шокирую его. Конечно! Он, наверное, думал, что буду препираться и извиваться, раз уж мошенница и под колеса ради денег бросилась.

— Думаешь, я их в кармане ношу? — усмехается мужчина. — Иди за мной.

Он отступает от меня в полной уверенности, что я подчиняюсь беспрекословно. И честно сказать, есть в нем что-то такое, что вынуждает невольно прислушиваться и подчиняться. Но не сейчас.

Едва я получив обратно свое личное пространство, пытаюсь стряхнуть с себя это наваждение. Сложно так вести диалог. Ой как сложно.

— Куда? Мне срочно нужно идти, — встаю в позу. — Давайте потом?

— Потом? — переспрашивает он и опасно щурится.

Ага, теперь он опять считает, что я юлю?

— Потом. Сейчас у меня очень срочное дело, которому вы помешали. Из-за вас я, вообще-то....

— Сколько? — бесцеремонно прерывает он, а взгляд его моментом становится каким-то равнодушно презрительным взглядом.

— Что "сколько"? — лепечу я, хотя где-то под коркой возникают мысли, но я гоню их прочь. Даже думать не хочу, что этот тип сейчас пытается меня купить.

— Я терпеть не могу паразитов и с превеликим удовольствием оставил бы тебя с носом, но ты миленькая. Поэтому давай так. Я дам тебе компенсацию за "ущерб", а ты проедешь со мной и подпишешь все, что скажет адвокат. Мне скандалов на ровном месте не надо. — заявляет Кирилл, и у меня отвисает челюсть.

— Не нужны мне ваши деньги! — шиплю я на него, захлебываясь от возмущения. — И никуда я с вами не поеду! А если продолжите меня удерживать, то закричу!

— Цену набиваешь? Со мной этот номер не прокатит, — предупреждает он.

Ну и козел же!

— Не все в этом мире решается деньгами, Кирилл Александрович. И у меня нет цели наживаться на вас!

— Так в чем проблема поставить подпись и закрыть эту тему?

— Я уже сказала. Я спешу. Так что, вам придется поверить мне на слово! — говорю ему, и он уже собирается мне что-то выдать в ответ, но мелодия входящего звонка прерывает наш

спор.

Кажется, Кирилл Александрович собирает просто убрать звук и продолжить давить меня словом и взглядом, но вдруг хмурится, глядя на дисплей, и подвисает.

Не знаю кто этот звонивший, но я ему дико благодарна! Пользуясь заминкой, я тут же проскальзываю в дверь.

Лечу по коридору, шлепая босой ногой по холодному кафельному полу. Медсестры косятся, дико неловко. Нужно поскорее отсюда сбежать.

Этот тип ведь не пошел за мной?

Оборачиваюсь. Нет! И слава вселенной!

Выдыхаю, лишь когда забегаю в лифт. Хорошо, что хоть он пуст. Достаю из сумки телефон.

О, черт! Трещина! Как же так?! Поспешила я заявлять, что компенсация мне не нужна. Хотя нет. От такого лучше вообще ничего не брать, потом не отмоешься.

Смартфон, хоть и с трещиной, но все еще работает. Мой старичок многое пережил.

Срочно звоню маме.

— Милая, ты где? Я ведь беспокоюсь, — говорит она мне. А я не хочу тревожить ее тем, что недавно произошло. Ее сердце и так изнывает от тревоги за Варю.

Прикусываю щеку и лгу, что я в порядке. Спрашиваю, где она сейчас. Благо этот нахал привез меня в нужную больницу!

Бегу по двору с босой ногой. Вся опять пялятся. Какой же стыд.

Но куда больше меня сейчас заботит то, что я скажу маме, когда она меня такой увидит?

Ай! В пятку угодает мелкий камень. Больно до жути, нужно хоть чем-то ногу перемотать. Попозже. Сначала мама и Варя. Где же этот дуракий корпус? Ага, вот он. И мама тут. Вся в слезах.

— Что с твоей ногой? — спрашивает она, и я отмахиваюсь, что подошва от балеток отлетела. Мол, старые.

Но мама не спешит верить, знает, как я их любила. Становится стыдно, учитывая, что меня почти поймали на лжи, но раскрывать всех карт не хочу.

Нет. Я обязательно расскажу ей правду. Но потом. А сейчас....

— Как Варя? Почему ты здесь, а не в палате? — спрашиваю я о самом главном, и застываю, видя нечто страшное в глазах моей мамы....

Глава 4. Нашел

— Она в реанимации, солнышко, — шепчет мне мама, и я забываю, как дышать. Будто хватили за горло стальными пальцами и дали под дых.

Все настолько плохо?

Спешу обнять маму, как можно крепче.

— Что говорят доктора? — тихо спрашиваю я.

— Срочно нужна пересадка. Времени почти нет, — шепчет она, отвернувшись от меня. Слова сливаются с плачем притом, что мама пытается держать себя в руках.

— Но ведь донора еще не нашли. Наша очередь только в конце осени, — в ужасе шепчу я и готова уже свалиться на ватных ногах.

— погоди, нам ведь из Турции звонили. Там был вариант. Он подошел? — выпаливаю слова так быстро, будто секунда промедления может стоить мне жизни. Или Вареньке....

— По предварительным анализам, да. Но... мы не потянем перелет и оплату больницы. Что уж говорить об оплате донору, — говорит она и вновь отворачивается, чтобы я не видела слез.

Будто я не знаю, как ей сейчас больно. Будто не чувствую тот же испепеляющий ад внутри себя. Ту же отчаянную безысходность.

В голове мечутся мысли, я считаю каждую заработанную копейку, но этого точно не хватит.

— А если продадим квартиру? — хочу сказать я, но вспоминаю, что эта рухлядь в Подмоскowie по документам нам не принадлежит, а найти отца... в общем, проще застрелиться.

Это что же получается, выбора совершенно нет?

Есть! Можно ведь сделать бартер! Я отдам свою почку взамен на почку для Вари. Я бы сделала это тысячу лет назад, но она Варе не подошла! Теперь нужно только найти деньги. Нужно!

Долго уговаривать маму не приходится, но она настаивает, что донором станет она.

— Кого выберут, — заключаю я, чтобы не рисковать, и мы звоним в клинику.

Турецкие доктора велят прислать результаты исследований с официальным переводом на английский. А еще напоминают, что нужно будет пройти все обследования на месте. А это время и деньги.

Ни того, ни другого нет, но соглашаемся на все, уповая на какое-то пока еще не появившееся на горизонте чудо.

Ночь мы с мамой проводим в темноте и полной тишине, разбавляемой лишь хлюпаньем и тихим редким плачем. На утро болит голова от бесконечных тревог.

До смены в баре еще целый день, а из ресторана меня уволили. Значит нужно искать новую работу. Любую. Лишь бы деньга быстро отдавали.

Дожидаюсь рабочего времени и начинаю обзвон помеченных ночью кафе. Одно место совсем близко с домом, а другое как раз рядом с бывшим местом работы. Но там собеседование будет только в четыре часа.

В "Вечерке" с весьма специфичным "вырви глаз" интерьером меня встречает молодая женщина с "инстаграмным" лицом по всем пунктам: накаченные губы, острые скулы и

реснички 2д.

Она окидывает надменным взглядом и как-то слишком быстро говорит “Нет”. Притом до обсуждения опыта работы и наличия рекомендаций дело вообще не доходит. Все заканчивается на вопросах “Вы замужем?” и “Дети есть?”.

Жму плечами, сажусь на обшарпанную скамью и продолжаю гуглить вакантные места. На сегодня — ничего. Вот как будто все встали разом и в официантки записались.

Придется ждать 15.00 и идти в вечерок. А до этого попытаться не сойти с ума от тревог и отчаяния. Присаживаюсь на скамейку с облупившейся краской и хочу плакать, но даже на это сил нет. Кажется, что мы с мамой и Варей одни против целого мира, и даже бабушки с дедушкой с нами нет.

Пять лет, как их дом теперь на кладбище по дороге к новому метро. Обычно я прихожу к их могилам, чтобы рассказать о своих успехах, говорю с пустотой, будто они слышат меня, и на сердце становится легче.

Сегодня я иду туда плакать. Искать объятий и утешений, которых никогда уже не получу.

Не так я представляла нашу жизнь...

От мыслей отвлекает чей-то истошный стон. Вижу перед собой старичка, который поскользнувшись на влажной траве, растянулся во весь рост.

— Осторожно. Погодите. Я помогу, — кидаюсь к нему.

На лет этому дедушке лет семьдесят, но выглядит он совсем не так, как обитатели нашего двора. Одет в строгий деловой костюм, пахнет дорогим парфюмом. Белые, жидкие, полностью седые волосы отлично уложены. Щетины совершенно нет. Глаза цвета горького шоколада, как у того незнакомца с лошадьё на капоте. И чего он мне вспомнился в такой-то момент? Мало что ли на свете карих глаз?

— Вам куда? Давайте я помогу, — вызываюсь я, а дедушка смотрит на меня так, будто призрака увидел.

Он кивает в сторону могилы моих бабушки и дедушки. Вот только я не помню, чтобы среди их друзей водился кто-то подобный и статусный.

Дедушка все потерял еще задолго до моего рождения. Бабушка только-только вышла за него замуж и была беременной, когда "детище" деда отнял какой-то заклятый враг. Точнее бессовестный и подлый друг, ставший после этого врагом.

Может быть, этот дедушка один из старых партнеров? На подлеца совсем не похож.

— У тебя ее глаза. Васильки, — говорит он. — И сердце у тебя такое же мягкое.

— Вы знали мою бабушку? — уточняю я, его сухие тонкие губы растягиваются в улыбке, а в глазах боль и тоска.

— Знал. И дедушку твоего знал.

Как же хочется с ним подольше поговорить. Это как подарок, посланный бабушкой, но время поджигает. Собеседование. Прощаюсь с Валентином Игоревичем и спешу к метро. Пятка болит, кажется, мозоль натерла старыми балетками.

Точно. Опускаюсь на свободное место в поезде и смотрю на вздувшийся шарик. Хоть бы не лопнул. Пластыря с собой нет.

Дорога до старой работы занимает сорок минут, которые я трачу на то, чтобы проверить, не появились ли еще объявления. И, в конце-концов, просто припадаю затылком к стеклу.

Вот и нужная улица. Где-то здесь должно быть то самое кафе, тысячу раз мимо ходила. Сейчас вот на ту сторону перейду и....

Светофор горит красным, и в память врывается серый Мустанг и его наглый хозяин с этим своим пронзительным взглядом и хищной ухмылкой. Невольно вспоминаю все, что было в больнице. Этот пробирающий до костей взгляд. Дерзкий запах парфюма. Опаляющие прикосновения. Близость.

Я снова вспыхиваю и тут же спешу себя отчитать. Что еще за глупые мысли? Совсем с ума сошла? Мне о работе думать надо, а не о том хаме, который, на минуточку, меня мошенницей считает!

Пора идти. Вон "зеленый" горит. Точно "зеленый!"

Только перехожу на другую сторону, как "старичок" раздаётся звонком.

— Валерия, добрый день. На собеседование сегодня подходить не нужно. Место больше не вакантно.

Вот. Приплыли.

И что мне теперь прямо здесь зареветь? А раньше предупредить нельзя было?

С трудом сковываю порыв гнева и отчаяния внутри себя. Чем поможет истерика?

— Спасибо, поняла, — отвечаю дамочке, надеясь, что может быть позже мне еще посчастливится туда попасть.

Позже...

А сейчас-то что делать?

Смотрю с тоской на бывшее кафе и не нахожу ничего умнее, как пойти туда и умолять Петровича взять меня обратно. Может быть, он уже и не злится? А даже если злится, не прибьет же. По крайней мере книжку трудовую заберу....

— Нет, — отрезает Петрович. — И не смотри на меня своими жалостливыми глазами. Что я скажу клиенту, если он сюда придет?

— Да он не местный, Петрович, — вступается Светка. — Я его раньше тут не видела. Да и не помнит он. С утра датый был.

— Цыц. Раскудахталась, — шипит на нее босс. Вроде, приличный мужик, а иногда говорит так, что уши закрыть хочется. Потому за глаза и зовем его Петровичем. Хотя, он знает, но против ничего не имеет.

— Ладно, бери тряпку и протирай столы, — брякает он недовольно. А я готова прыгать от счастья. — Еще один косяк, и ноги твоей тут не будет.

— Поняла! — киваю я, хватаю заветную тряпку и бегу исполнять приказ.

Меню, стейшн, простуда. Все привычно. А вот ноги начинают болеть раньше времени. Отекают, и боль в месте, где натерта мозоль, становится все сильней.

— Лер, столик возьми, — кивает мне Светка с каким-то уж больно хитрым видом.

— Так это ж твой, — отвечаю я ей.

— Я замужем, — хихикает она и убегает нам кухню. Это вообще к чему?

Ну ладно. Жму плечами и подхватываю меню. Гость один, сидит ко мне спиной. С виду молодой, подкаченный. Рубашка белая с иголочки. Вряд ли, он будет есть один. Наверное, кого-то ждет. Прихвачу второе меню на всякий случай.

Делаю пару шагов и опять корчусь. Опять пятка. Как я ночью-то в клубе работать буду?

— Добрый день! — пересиливаю боль и выдавливаю улыбку, но она тут же слетает, когда я вижу, кто сидит за столом.

— Вот я и нашел тебя, — выдает Кирилл... Александрович.

Глава 5. Золушка

Смотрю на него во все глаза. Что еще значит: “Вот я и нашел тебя”? Он ведь сейчас шутит?

Сдалась я ему, искать меня. Он даже имени моего не знает. А даже если бы и знал, то мужчина его статуса точно не стал бы заморачиваться из-за какой-то... меня!

Точно! Он случайно в нашем кафе оказался и решил надо мной пошутить, раз уж его обслуживать подошла именно я! Так ведь, да?

— Сразу сделаете заказа или посмотрите меню? — обращаюсь к нему, как к любому другому посетителю.

— Два кофе. Ты капучино или латте пьешь? — уточняет он, опять сбивая меня с мысли.

— Я? — охаю я, а он будто и не замечает. Отворачивается, поднимает с сиденья бледно-розовый с золотистыми ручками пакет и ставит его на край стола поближе ко мне.

— Туфлю твою привез.

— Туфлю? Мою? Вы? — чувствую себя идиоткой, задавая так много вопросов, но все это в голове не укладывается.

— Ага, — ухмыляется он. — Девочка Лера удивлена?

— Откуда вы ...? — знаете мое имя” хочу спросить, но он взглядом указывает на мой бейдж.

— Ну, забирать будешь? — спрашивает он, протягивая мне пакет.

— За просто так? — уточняю я. Ну, мало ли, чего от него ждать?

— Конечно, нет, — смеется он. Вот же блин! Так и знала!

— Тогда не надо.

— Да брось, просто присядь, — он указывает на место напротив.

— Зачем? — хмурюсь я и инстинктивно хочу отойти от него подальше.

— Поговорить хочу. — с удивительным спокойствием, будто так и надо, заявляет он.

— О чем? — напрягаюсь еще сильнее, но тут же вспоминаю. — Если вы про те документы, то давайте я подпишу и разойдемся с миром.

— Даже так? Хорошо, разойдемся. Но кофе-то выпей.

— Нам неположено, — отрезаю я, но Кирилл кивает кому-то за моей спиной, а затем преспокойно говорит. — Никто не возражает.

Я спешно оглядываюсь. Петрович. Такой злой, что уже трижды поправил очки. Привычка у него такая. Однако давит улыбку. Гостю, конечно, не мне.

— Слушайте, мне работать надо, — пытаюсь отвязаться от него как можно мягче, пока босс не вlepил еще один выговор за траблы с богом, то есть с посетителем. Но для нас любой школьник с кошельком как Зевс, нужно преклоняться и улыбаться. Такова работа.

— Ты чего такая пуганная? Не съем я тебя. Просто поговорить хочу, — настаивает он. — Присядь.

Взглядом указывает мне на синий диванчик напротив него. Вот же прицепился! Смотрю на Петровича. Ууу... Лучше бы не смотрела. Наверное, все-таки придется сесть. Быстрее сделаю, что хочет от меня этот самоуверенный приставучий тип, быстрее вернусь к работе.

— Ну? — спрашиваю я его, а сама вся сжимаюсь.

Сидит улыбается, как кот, ставший хозяином рыбной лавки. А все вокруг на вас пялятся.

Вон и Светка что-то бармену шепчет. О чем они там говорят?

Боже, сейчас слухов будет.... Свалился мне на голову этот “мустанг”!

— Расскажи мне, откуда ты такая взялась? — ослепляет Кирилл своей наглой голливудской улыбкой, и это становится последней каплей. Я-то думала, он по делу, а он... просто издевается.

Ничего ему не говорю. Просто снимаю ручку с блокнота и пишу. А затем отрываю листок и победно преподношу.

— Что это? — хмурится гость. — “Я, Сафронова Валерия, не предъявляю никаких претен...”

— Фамилию свою сами впишите? — уточняю у него, а он тут же одной рукой сминает листок.

— Вы чего? — пугаюсь я. — Вы ведь поэтому меня мучаете! Хотели гарантии того, что не будет проблем — вот они. Так зачем же смяли?

— Думаешь, поэтому? — сверлит меня таким непонятным взглядом, что сердце подскакивает к горлу.

— А почему тогда? — шепчу я.

— Может, мне нравятся белые кролики.

Что?!

— Белые кро.... Вы меня сейчас обозвали? — хлопаю глазами, пытаюсь переварить услышанное. Он точно посмеивается надо мной!

— Это комплимент. Но кролик у нас коготками. Тогда, правильнее назвать тебя котенком. Вот, уже шипишь....

— Слушайте..., — взрываюсь я, подскакиваю, но Кирилл оказывается куда быстрее.

Он стремительно поднимается из-за стола и нависает надо мной, как гора.

Мамочки, какой же он высокий. Мне приходится задрать голову, чтобы видеть его опасные и в то же время манящие темные глаза.

— Нет, кудряшка, ты послушай, — говорит он мне. — Не знаю, к какому формату мямлей ты привыкла, но если мне нравится женщина, я вокруг да около не хожу. У меня совещание через час и надо идти. Но вечером я зайду и подвезу тебя до дома.

Выдает с такой уверенностью, будто все будет именно так, как он сказал.

— Да с чего вы взяли, что я соглашусь?! — бешусь я, но его это, кажется, лишь больше забавляет.

Он обходит стол и подходит так близко, что я утыкаюсь спиной в спинку дивана в попытках от него дислоцироваться.

О боже! На нас же смотрят. Или не смотрят. Я почти ничего не замечаю, кроме его карих глаз, взгляд которых пробирает до глубины души. Он на курсы, что ли какие-то, пикаперские ходил? Умеет же заставить нервничать.

Надо бежать, а я прирастаю к полу. Почти не дышу, но все равно улавливаю его аромат, который тут же кружит голову.

— Ты покраснела, — замечает он, и если я была красной, как он говорит, то сейчас уже наверное, пурпурная от смущения.

— Я тебе нравлюсь. Глаза выдают, — вот же самоуверенный нахал. — Ты тоже мне интересна, кудряшка. Зачем ходить вокруг да около?

От его слов я окончательно теряюсь. Мысли путаются, я не могу связать и пары слов. Но самое стыдное. Сердце грохочет. Как бешеное! Он считывает мое волнение, победно

улыбается и... наклоняется ко мне опасно близко....

Глава 6. Придет. Не придет

— Понятно, — чудом обретаю способность говорить и отшатываюсь от него. — Поиграть со мной хотите? Тогда подумайте трижды. Вы выбрали себе проблематичную и нервно неустойчивую жертву.

— Зато с чувством юмора у нее все в порядке, — заверяет он, а затем берет со стола пакет и вкладывает в мои руки. Будто намеренно он накрывает своей ладонью мою, и по телу идут мурашки. Да что же это такое?

— Я заеду вечером. Смена в восемь заканчивается? — уточняет он, но я даже не думаю кивать или оказываться. Я будто в трансе смотрю на его белоснежную улыбку, улавливаю опасный взгляд, словно говорящий: “Я тебя поймал”.

— До встречи, девочка, для которой не все решают деньги, — говорит он мне, и уходит, а я так и остаюсь стоять с открытым ртом, прижимая пакет к груди.

— Лер! — спешит ко мне Светка. — Кто это был? Ты, че, его знаешь?

— Нет, — машу головой, медленно отходя от шока.

— Да брось! Мы ж не чужие, — она тянет меня к барной стойке.

— Костян, пока никого нет, плесни нам кофейка по-братски, — обращается она к бармену, и уже через пару минут после жужжания кофемашины в моих руках теплая кружка.

Вдыхаю аромат перемолотых зерен, делаю глоток, и только сейчас окончательно прихожу в себя.

Тут же в панике оглядываясь.

— Где Петрович? — спрашиваю Светку.

— Босс позвонил, он в кабинет пошел. Дыши, бобер, — хочет она.

Ага, подышишь тут.

— Так что это за мужчина был? С виду такой солидный. Ты где его подцепила? В своем ночном клубе, небось? Слушай, а замолви за меня там словечко, — подмигивает она.

— Зачем? Ты ведь и так тут на полную смену.

— Ну, работа не волк. А вот мужчин красивых и таких импозантных мало.

— Ты же замужем, — напоминаю я, и она странно хихикает. Совсем ее порой не понимаю.

— Ну так, что? Расскажешь, что за мажор? — она допытывает меня еще несколько минут, но к счастью, в зале появляются посетители, и я сбегая, оборвав едва начатую историю на полуслове.

До самого вечера среди персонала только и разговоров о Кирилле. Саша даже фыркает при виде меня. Не знаю, чем я ей не угодила. Но она с первого дня такая.

А вообще, если быть честной, в среди официанток у меня нет близких подруг, так приятельницы, в основном. И их дружбу между собой я тоже не понимаю. То улыбаются, то ругаются и гадости говорят за спиной.

Ладно, не мое это дело. Работать надо, а то смена скоро кончится.

Вот же блин! Вздрагиваю, вспомнив угрозу того мужчины. Во сколько, он сказал, вернется?

Так, сейчас почти восемь. Может, он пошутил?

Нервы начинают играть. Я даже не могу решить, как мне с ним себя вести. Чего я точно не хочу, так это потерять работу.

Может, этот богач уже и забыл про меня? Хоть бы!

Глаза как приклеенные не отрываются от циферблата. 57, 58, 59, 60. Ровно восемь. Бросаю взгляд на входную дверь. Никого. Уххх.

— Ладно, я пошла, доброй ночи, — кидаю на прощание нашему молчаливому бармену, и иду в раздевалку.

Ноги ноют так, что я решаю опустить их дома в ледяную воду и подержать так минут десять. Иначе в рабочие туфли от униформы клуба не влезу.

Забираю вещи из шкафа и на секунду застываю, глядя на красивый пакет, в котором моя туфля.

Надо же. Этот тип в самом деле пришел, чтобы ее отдать. Не выкинул, не отправил какого-нибудь помощника. Странно это все. И еще более странно, что он решил проводить. Точнее, пошушил, как видно по факту. Но это и к лучшему.

Засовываю пакет в портфель и иду к черному входу, попутно прощаясь с коллегами, которые все еще награждают меня неоднозначными взглядами. Бог с ними.

— До свидания, — шепчу Петровичу тихо, боясь что высокие интонации тоже могут стать поводом для увольнения в моем нынешнем положении, и простальзываю в двери.

Странно, что шеф вообще не спрашивал меня о госте. Хотя, если подумать, он почти весь день в своей камерке просидел.

Ну ладно. Так даже лучше.

Выхожу из закутка и едва ли не налетаю на выпирающий низкий капот. Серый. С лошадью. Мустанг?

— Ты опоздала, — раздается уже знакомый голос, и я в шоке перевожу глаза на Кирилла.

— Я и не обещала, что приду, — говорю ему, отступая назад.

— Но пришла, — цепляет он свое, и в уголках губ появляется самодовольная улыбка. О боже, ему даже наглость к лицу!

Так, о чем я думаю?!

— Я домой вышла. — остаюсь на своем, пытаюсь выкинуть из головы ненужные и опасные мысли.

— Садись, подвезу. Домой. — он делает странный акцент на последнем слове, словно подшучивает. — Хотя лучше конечно, сначала перекусить. Ты хоть ужинала?

— Ужинала, — хочу соврать я, но желудок, как назло, предательски урчит.

Какая стыдоба! Можно, я под землю провалюсь! Вот прям сейчас!

— Понятно. Давай-ка я покажу тебе места, где действительно готовят для людей, — важно заявляет он, а затем поднимает упругую пятую точку с капота и как истинный джентльмен отворяет мне дверцу пассажирского сидения.

Я думала, так бывает только в фильмах. Или для таких, как он, это норма, которую, такая как я, выросшая среди колорита алкашей и наркоманов во дворе, никогда и не видела?

Смотрю на дорогуший кожаный салон, и понимаю, что я вряд ли когда-либо еще увижу в своей жизни подобную машину. Разве что если буду работать каким-нибудь менеджером по продажам авто, но и туда кого попало не берут. Так что, моя мечта так и останется всего лишь мечтой. А что, это ж не вредно. Мечтать.

Зато сохраннее буду. Мало ли что этот странный богач удумал.

— Извините, но я спешу, — говорю вежливо, чтобы не разозлить.

Обхожу капот автомобиля и ухожу в совершенно противоположную сторону от метро.

Вот же черт! Из-за этого типа придется идти теперь в обход через стройку.

И чего он пристал? Сдалась я ему! Хотя, чего тут гадать.

Вон сколько фильмов снято, про то, как мажоры любят поиграть с простушками. Вот только там по сюжету положено влюбляться в своих жертв, а в жизни все иначе. Десятки разбитых сердец и реки слез. Увы, мне мое сердце дорого, даже если на него нацелился такой красавчик.

Уф! Не нужно думать о нем. Лучше под ноги смотреть и по сторонам. Вроде время не позднее, а людей почему-то нет. Даже жутко как-то.

Делаю еще несколько шагов и тут же пячусь назад, когда из подворотни на меня вываливаются двое громил. Такие пьяные, что едва ли держатся на ногах.

— О ципа! Ты к нам? — выдает один из них, когда я испуганно отскакиваю назад.

С детства не переношу пьяниц, особенно после папы. Они... выглядят как люди, а внутри хуже зверей. И это вдвойне страшнее.

Пальцы от одного их вида начинают дрожать. Сжимаю кулачки, и пытаюсь проскочить как можно быстрее, но один из незнакомцев, даже криво стоя на своих двух, умудряется закрыть мне проход.

— Гля, зазналась ципа, — говорит он своему товарищу.

— Пропустите! — хочу сказать им, но страх так сковывает тело, что не могу даже шептать. Тут же кидаюсь в обратную сторону, но не успеваю сделать и пары шагов.

— А ну-ка стой! — рявкает второй и хватает меня за волосы. Ай!

Дорогие читатели, моя Муза или Муз очень хочет узнать, как вам история. Жду в комментариях!

Глава 7. Где мои вещи?

— Ты видел, как она на нас смотрела? — бросает он своему товарищу, а потом тянет меня за волосы так, что я корчусь от боли.

— Мы, че, не люди, по-твоему? — дышит мерзким перегаром прямо мне в лицо.

— Ничего подобного. Я так не смотрела. Отпустите, пожалуйста! — молю я, но мужлан настолько не в себе, что вообще не понимает моих слов. На своей волне. Хватает меня за шкуру и плющит к облупившейся стене с такой силой, что боль пронзает ребра.

— Ты че такая несговорчивая, ципа? — рычит он.

— Пожалуйста, отпустите! — умоляю я, смотрю на второго. Может, хоть у него разум прояснится?

Нет.

В его глазах не больше пугающей похоти, чем у того, что меня держит своими грязными ручищами.

От нездорового огня в их пьяных глазах мне становится еще страшнее. Колени не просто дрожат, а трясутся.

— Ты чего скулишь, как будто мы монстры какие? Мы ж полюбовно договориться хотим, — у него заплетается язык, но он выговаривает предложение до конца.

— Ага, а потом этой самой любовью заняться, — гогочет второй. — Тебе понравится, ципа.

— Нет! — пугаюсь я, хочу вырваться, но этот пьяный бугай припечатывает меня обратно к стене.

— Помогите! — кричу, что есть сил. Толкаю его в грудь, но тут же получаю такую оплеуху, что звенит в ушах.

— Ты че дерзкая такая? Не воспитывали что ли? Щас я воспитаю! — рычит он а затем тянет меня за блузку вверх так, что она трещит по швам и рвется.

Я пытаюсь отползти, теряя туфли. Он хватает меня за волосы, поднимает на ноги, заставляя выть от боли, и приписывает лицом в стены. Напирает всем своим немытым, грязным телом на спину.

— Помог..., — пытаюсь крикнуть я, но рот зажимают грубые пропахшие дешевым табаком и солидолом пальцы.

Из глаз рвутся слёзы, я реву, а они будто не слышат.

— Тащи ее на стройку, — говорит один другому, но его притивный голос заглушает визг тормозов.

Хлопок. Резкий. Это была дверца? А затем один из бандитов тут же отлетает в стену рядом со мной.

— Ты кто так..? — второй едва отстраняется от меня, как и его поганого рта тут же вырывается болезненный стон, а затем и вовсе визг.

Я стремительно оборачиваюсь и вижу, как мой обидчик падает на колени, перед тем, кто выкручивает ему пальцы до характерного хруста.

Сломал?

Кирилл откидывает поверженного на землю и тут же уворачивается от первого. В руках негодяя что-то мелькает. Сталь? Нож!

— Брось зубочистку, по-хорошему прошу, — предупреждает его Кирилл, но враг не

слушает, замахивается острием, и я уже хочу закрыть глаза и завизжать, но Кирилл ногой с разворота выбивает оружие, а затем одним ударом в нос отправляет бандита в нокаут.

— Давай руку, — командует он мне, а я словно в шоке. Только и смотрю на него огромными, полными слез глазами, а затем чувствую, как горячие пальцы Кирилла обжигают ладонь. Он тянет к машине, а я даже ног не чувствую, но как-то иду.

— Алло! — сквозь шок слышу голос Кирилла. Отрываю взгляд от негодяев и смотрю на спасителя.

Говорит по телефону. Называет адрес и велит отправить наряд. Кто он такой?

— Пять минут? Давай быстрее, — приказывает он, отключает телефон, открывает дверцу и подталкивает меня внутрь.

Как ведомая сажусь в автомобиль. Меня колошматит так, будто на улице минус двадцать. Во все глаза смотрю, как Кирилл обходит машину спереди, и занимает водительское кресло.

Смотрит на меня и его взбешенный взгляд становится несколько взволнованным.

— Тише, — шепчет он, и я понимаю, что не просто дрожу, а трясусь. Немые слезы топят щеки. Я, наверное, на сумасшедшую сейчас похожа. — Все будет хорошо.

Смотрю в карие глаза и завидую той уверенности, что в них живет. Хочу так же, но после первого шока, накатывает второй, и я с ужасом осознаю вновь и вновь, что эти люди могли со мной сделать, если бы не этот Мустанг....

Всклип вырывается из горла и я зажимаю рот руками.

— Лера, — зовет он меня по имени, касается ладонью плеча, будто внимательный взрослый успокаивает ребенка с истерикой. Я вздрагиваю, хоть и знаю, что он ничего мне не сделает.

— Меня не нужно бояться. Я на твоей стороне. Хорошо? — говорит мне Кирилл не отводя от меня внимательного пронзающего взгляда. Эти глаза... они словно гипнотизируют. Но я и рада подчиниться, потому что страх медленно, но верно угасает.

Кирилл крепче сжимает плечо, словно делаясь со мной своей уверенностью, и теперь мне хочется плакать не от страха, а от счастья, что я в безопасности.

— С-спасибо, — шепчу ему едва слышно, и слова прерывают слезы.

— Плачь, — разрешает он, наклоняется ко мне и прижимает к себе, словно пряча от всего мира в момент слабости. И я плачу, пока не слышу звука знакомых серен.

Стыдливо отстраняюсь от него и вытираю слезы.

— Дальше без нас разберутся, — говорит Кирилл, наблюдая, как на повороте появляется машина наряда ППС. Заводит мотор и переключает скорость.

— Разве нам не нужно остаться? — тихо спрашиваю я. Не то, чтобы мне хочется. Совсем наоборот.

Я хочу быть за тысячу километров отсюда. Но ведь, я свидетель, точнее жертва. Так это называется у правоохранителей?

— Я улажу, — обещает Кирилл, и Мустанг срывается с места.

Чем дальше мы отъезжаем, тем легче мне становится. Уже не реву, просто хлюпаю. И в полной тишине эти звуки смущают меня все сильнее.

— В бардачке фляжка. Выпей, станет лучше, — подсказывает Кирилл, затем наживает на панель, и бардачок открывается. Только сейчас замечаю, как чисто в него в машине. Ни пылинки, и в бардачке полный порядок. Матовая папка с документами, планшет и... фляжка.

Послушно тянусь к ней, открываю, и в нос бьет резкий запах.

— Что это? — хмурюсь я, хотя прекрасно знаю. Я подаю такое клиентам в клубе.

— Виски, — отвечает Кирилл. — Или ты не пьешь?

Вообще-то, не пью. Но сейчас мне эта идея не кажется такой уж плохой. Может, хоть успокоюсь. Делаю пару глотков, и горло начинает гореть.

Ух! Это я, кажется, зря.

Тут же закрываю фляжку и корчусь. Гадость какая!

— Понятно, нужно было предложить тебе воды, — говорит Кирилл, и я замечаю на его лице усмешку. Не злую. Напротив, смотрит так, будто у него на переднем сиденье не я сижу, скривившись, а котенок безобразничает.

— Вода, кстати, тоже есть, — продолжает он, пока я справляюсь с жжением во рту. — На заднем сидении.

Бросаю взгляд и невольно удивляюсь. Не думала, что в этом автомобиле вообще есть задний ряд. Но он тут. И вода тут. Вот только как дотянуться?

Ой. Стоп! О чем я думаю? И вообще, куда мы едем?

— Слушай, — зову я его, и в голову тут же бьет адская боль. Зажмуриваюсь.

— Что? — раздается ожидаемый вопрос после моей неожиданной паузы.

— Куда мы едем? — выдавливаю из себя слова, и чувствую, как в голове мутнеет все сильнее. Это коньяк так дал по мозгам?

— В больницу, — преспокойно заявляет он. — Обработают раны, отвезу тебя домой. Адрес какой?

— Не надо в больницу, — “сразу домой” — хочу сказать я, но на меня накатывает такая волна усталости, что я не могу договорить предложение до конца. Тьма окутывает зрение, и я последнее, что я чувствую, как тело растекается по спинке кресла, становясь все тяжелее и тяжелее.

Нет! Только не это!

Больно.

Голова раскалывается так, будто ее в колокол засунули и били по нему добрый час. Все тело ноет. Хочу открыть глаза, но свинцовые веки не подчиняются с первого раза.

Переворачиваюсь на бок, ощущая под собой пружинистый непривычно мягкий матрас вместо бугристого старого дивана. Еще этот запах цитрусов и древесины.... Что?!

Испуг током пробивает тело, и я распахиваю те самые глаза, которые упорно не подчинялись, вскакиваю с постели, и тут же зажимаю рот, чтобы не вырвало. Втягиваю воздух, успокаиваюсь и во все глаза таращусь на совершенно незнакомую комнату.

Серые стены, черная гитара, отполированный темный паркет, громадная кровать в мягкой обивке, на которой я сейчас и сижу.

Боже! Почему на мне чужая футболка?! Где мои вещи?

Что произошло?! Где я?!

Воспаленный слух улавливает приближающиеся шаги, и я тут же кидаю взгляд к белой двери. Черная матовая ручка тянется вниз, и я вздрагиваю. В комнату входит Он!

Глава 8. В его доме

Белая идеально выглаженная рубашка, обнимающая крепкие широкие плечи и мощные мышцы груди. Темно-синие приталенные брюки, подчеркивающие длину ног.

Идеально уложенные темные волосы. И как Кириллу всегда удается так отлично выглядеть?

— Проснулась, соня, — изгибаются в легкой ухмылке его губы, и он ловит мой растерянный взгляд.

— Д-да, — отвечаю я, и тут же думаю, куда себя деть, ведь нахожусь в одной лишь мужской футболке. — Почему я здесь? И в... этом?

— Сама как думаешь? — спрашивает он, в голосе проскальзывают веселые нотки, а вот опасный взгляд прищуренных глаз мне совсем не нравится.

Так Кирилл все больше похож на хищника, от которого еще никто не убежал. Но, хоть убейте, я чувствую, я знаю, что этот опасный зверь не причинит мне зла. Понятия не имею, откуда это глупое чувство! Я ведь знакома с ним все-то несколько дней.

— Я отключилась в машине, — тихо говорю ему, и он кивает.

— Ага, — подтверждает Кирилл, отмеряет длинными ногами несколько шагов в мою сторону и присаживается на край кровати.

Кажется, он не замечает, как внутри меня нарастает сейчас смущение. Я в таком виде, в чужой спальне, а этот приятно пахнувший мужчина сидит на одной кровати со мной. Хоть бы не покраснеть. Буду выглядеть полной дурой в своем-то возрасте.

— А потом тебя укачало, — добавляет он, и к смущению добавляется еще и стыд.

Меня, что, вырвало при нем? Только не это! Скажите, что это шутка! Я же не переживу. Можно прямо сейчас под землю провалюсь?

— Да не переживай ты, я нашел, во что тебя переодеть, — говорит он, и я вспыхиваю еще сильнее.

— Что?! — я в прямом смысле подпрыгиваю на месте. А Кирилл как сидит со спокойствием хозяина жизни, так и сидит. — Так это ты меня переодел?

— Угу.

Кажется, я сейчас взорвусь!

— Что, тебя никогда не раздевал мужчина? — подшучивает он, и я окончательно превращаюсь в помидор.

— Мне только восемнадцать!

— Мда, девочка. Я тебя, наверное, сейчас удивлю, но далеко не все восемнадцатилетние — девственницы. Даже скажу иначе, ты — редкость, — заявляет он, а я замечаю, что с его лица ушла та хищная улыбка. Он будто бы стал немного серьезней, но от него по-прежнему веет теплом.

Сижу и смотрю на него большими глазами, как кролик на удава. Удава, который передумал меня есть. Пожалел?

— Ладно, приводи себя в порядок. Позавтракаем, и я отвечу тебя домой, — говорит он, выходят из комнаты. — Родным позвони, они беспокоились.

Что?

Точно! Тут же оглядываю комнату в поисках мобильного. Вот он! Сколько пропущенных! Три от мамы. Она меня приберет!

И не только она. Наспех отправляю голосовое сообщение маме, а затем открываю целую простынь с руганью от Мегеры.

Вообще-то, её Алла Юрьевна зовут, но за спиной персонал зовет её именно Мегерой. Я вслух не произношу, но, если честно, то полностью согласна.

Дочитываю целый список угроз, заканчиваются фразой "Уволю нахрен!", и хочу ей позвонить, но вовремя останавливаюсь.

Вряд ли она обрадуется моему звонку в такой час после ночной смены в клубе. Но сообщение написать надо. Надеюсь, она меня простит и не уволит "нахрен", как она выразилась. Хотя....

От мыслей, что могу потерять еще одну работу, когда она так нужна, во рту появляется горечь. Но сидеть и грустить некогда.

Быстро одеваюсь в одежду, принесенную Кириллом, выстиранную, но без единого залома. И пахнет она вкусной отдушкой.

Выхожу из комнаты и, к собственному удивлению, обнаруживаю, что квартира двухэтажная, и столовая внизу.

От еды отказываюсь, хотя живот крутит от голода. Стыдно, да и мама ждёт.

— Хорошо, — в этот раз Кирилл не настаивает, но велит мне захватить тост с собой в машину.

Непривычно.

Когда с нами жил отец, он строго запрещал есть и пить в машине — крошки, грязь. Странно, конечно, что человек, который спокойно оставлял грязную посуду на столе после еды, пил кофе из-под чашки от чая, даже не сполоснув её, и носил носки до стадии, когда они стоят сами, так заботился о чистоте в машине. Но это факт.

Послушно беру то, что сказали и иду за Кириллом. Он совсем не смотрит на меня, думает о чем-то своем.

Ловлю себя на странной мысли, что мне от этого грустно. Будто я к нему успела привязаться, а тебя меня отстранили от себя. Из-за того разговора? Думал, что со мной все будет просто, а узнав, что я девственница, решил не обижать?

Вот теперь и понятно, насколько серьезным был его интерес. Вот и отлично! И ни разу не грустно! Ну, почти....

— Холодно. — отвлекает меня от мыслей Кирилл, когда мы выходим из огромного лифта на подземную парковку. Он скорее не спрашивает, а решает за меня, и тут же дает мне свой пиджак.

Больше ему не интересна, а вежливость все равно на высоте.

— А ты? — спрашиваю я. Ему, ведь, тоже холодно. В одной рубашке вышел.

Он смотрит так, будто я глупость сказала. Ну хоть не ответил шуткой про горячую кровь. Хотя у него, я уверена, она как раз такая.

В еще большем смущении и с комом непонятной обиды в горле я сажусь в машину.

— Ремень.

— Что?

— Ремень, — повторяет он, а затем не дожидаясь, когда я, наконец-то, начну быстро соображать, сам тянется за металлической застежкой ремня, тем самым оказываясь так близко, что я втягиваю воздух, заполненный нотками его парфюма, и больше не дышу.

Этот мой нервный порыв не остается без внимания. Кирилл останавливает, как назло, и поворачивается так, что мы оказывается лицом к лицу. Не знаю, краснею ли я сейчас, но

щеки горят адски. Сердце подпрыгивает к горлу и бешено стучит где-то там. От волнения я закусываю губу, и взгляд хищника опускается к моему рту. Становится еще более опасным.

Стук. И Тишина. Даже сердце сейчас не бьется. Не моргая смотрю на него в полной растерянности и не зная, чего ждать.

Глава 9. Прощай?

— Ик! — вырывается у меня от волнения, и Кирилл с трудом сдерживает усмешку.

— Спишем на то, что замерзла, — кидает он мне, а затем возвращается на свое место и щелкает пальцем по кнопке зажигания.

Спорткар уверенно выезжает с парковки, в глаза бьет свет нового дня, а я все еще напряженно вжимаясь в спинку.

Чувствую себя непонятно как. Хотя нет. Как раз понятно. Я злюсь. Не на Кирилла за то, что он со мной играет, как кот с мышкой. А на себя. Потому что в какой-то момент, мне стыдно в этом признаться, но, кажется, я хотела ощутить его губы на вкус.

О боже! Я идиотка! Совсем голову потеряла? Да я его совсем не знаю! И тем более уже подтвердилось то, что он хотел со мной поиграть! Не смей о таком даже думать, Лера!

— Значит, тебя вырубает от пары глотков? — вдруг заявляет Кирилл, вырывая меня из-под гнета собственных жующих мыслей, и тут же я окунаюсь целиком и полностью в лужу стыда.

— Нет, — машу головой, но его вздернутая бровь так и говорит мне: “Да ты что? А вчера я что наблюдал?”

— Ну, то есть, вообще-то, нет. Я спокойно пила шампанское на выпускном, и ничего не было, — сообщаю ему..

— Ну, шампанское и виски разные вещи. И переносимость, следовательно, разная. Ты с этим поосторожней.

Понимаю, что совет дельный, но почему-то дико злюсь.

— Буду, — заверяю я и тут же отворачиваюсь к окну, но слышу что-то похожее на усмешку.

Я, что, шут какой-то, чтобы постоянно веселить его?

Мы доезжаем в полной тишине до моего поцарапанного пятиэтажного дома, который после элитного жилого комплекса кажется еще более жалким и обшарпанным.

Ну вот и все. Пора прощаться.

— Спасибо, — шепчу я.

— Не пей больше крепкого. Без меня, — шутит он, но я понимаю, что с ним я вряд ли когда-то выпью.

Вряд ли вообще его встречу. Тем более после всего случившегося. Нужна ему проблемная девственница, которую вырубил от пары глотков крепкого алкоголя. Про то, что меня стошнило, лучше вообще не вспоминать.

Все хватит! Пора возвращаться в реальность, несостоявшаяся золушка.

Сглатываю ком, но в горле тут же образуется новый. Это еще что? Грущу о том, кого не знаю? Попалась на его очарование, как очередная дурочка?! Стыдно, Лера, соберись, пора домой... а пиджак?!

Тут же оборачиваюсь, чтобы вернуть одежду, к теплу которой уже привыкла, но Кирилл успеваает дать по газам. И как теперь ему вернуть? Или, может, он сам вернется? Исключительно за пиджаком, если не предпочтет просто о нем забыть. Мажер же. Эхх.

Открываю тяжелую железную дверь под противный писк домофона и захожу в сырой, пахнущей мусоропроводом и кошачьими экскрементами подъезд и тихо вздыхаю. Шикарный контраст после элитного свежего ЖК на западе столицы.

Все. Забудь.

Нужно думать о маме и Варе, а не забивать голову ненужной ерундой и страданиями. Поскольку обычно в этот день я смотрела за сестрой, в кафе стоит отгул. Но Варя сейчас в реанимации и к ней не пускают.

Решаю быть хоть как-то полезной и начинаю уборку. Потом готовлю ужин из того, что есть. После объяснений с мамой, а врать я ей не люблю и потому говорю, как есть, нужно спешить на работу.

Мама против “Вилледж Клуб”. ”Ночной клуб не для молодой девушки,” — говорит она, но сильно не спорит. Знает, что положение у нас не то, а здесь хороший чай.

— Добрый вечер, — шепчу я Мегере, едва переступив порог, и тут же утираю глаза в пол, готовясь к нагоняю.

Но Алла Юрьевна отчитывать не спешит. Вся взвинченная злая, но, кажется, не из-за меня. Она уже собирается от меня отмахнуться, но тут вдруг прищуривается и как-то не по-доброму меня разглядывает от макушки до пят. Я даже невольно хочу прикрыться.

— Выйдешь сегодня за Лилю! — заявляет она, и я округляю глаза.

— Что?

Лилия ведь не официантка. Она гоу-гоу танцует. Это почти как стриптиз, только девочки не раздеваются, но все равно танцуют в весьма откровенной одежде. То короткие шорты, то юбка, едва ли прикрывающая ягодицы.

— Девчонки потравились чем-то. Оксану с выходного вырвала, а остальные как сговорились, трубку не берут. Выйди ты, — велит мне она.

— Н-но я ведь не умею, — говорю я ей, опуская часть про “не хочу” и “мне стыдно” потому что знаю, что эта дама заявит в ответ. Хотя, она и так и говорит примерно тоже самое.

— Жопой вилять все умеют. У тебя хоть фигурка хорошая. Возьми Лилькину форму в шкафу!

— Но, Алла Юрьевна... — хочу возразить ей, но она и слушать не хочет.

— Работа нужна или нет? Я про твой вчерашний прогул еще не забыла! — сверкает она сердитыми глазами из-под тонких очков. — Либо сейчас идешь на сцену, либо собирай свои вещи, а о зарплате забудь! Пойдет на уплату штрафа. Ты все поняла? — выпаливает она, а я только то и делаю, что сжимаю от обиды кулачки.

Как это все меня достало. Так, что хочется кричать.

— Поняла, — киваю я.

— Вот и отлично. Переодевайся и за работу, — велит она мне, сверкая довольной улыбкой. Довольной, потому что раздавила меня.

Жду, пока эта женщина покинет комнату для персонала и тянусь к шкафу Лили. Не хочу.

Не хочу!

Но сглатываю ком и беру дурацкие кожаные шорты. В этот момент я даже не представляю, что сегодня сегодня произойдет.

Глава 10. Странный разговор

Кожаные шорты мне немного велики, но это не сильно заметно из-за фасона. Белый топ с глубоким декольте добавляет к тонне смущения еще тонну.

Мне неудобно, но корчится не смею. Рядом девчонки. Они во всю любят свои телами в откровенных нарядах. Вообще-то Тома и Катя хорошие, не стоит судить людей по обложке.

— Не дрейфь! Все у тебя получится, — кивает темной шевелюрой Катя, а затем бы идем в зал.

Музыка, которая приглушалась в обитых мягкой тканью стенах помещений для персонала теперь разрывает барабанные перепонки в ушах. Вот и подиумы, как островки среди танцующей массы нетрезвых людей.

В основном тут обитает элита, которая считает, что ей все дозволено. К тому, что я официанты для них сродни мышам я привыкла, но вот лезть к шестам на самое обозрение.... Лучше бы, наверное, меня уволили.

Варя. Помни о Варе!

Сжимаю кулачки и иду за Катей. Она умудряется здороваться и лукаво подмигивать незнакомцам, провожающий ее хищным взглядом. Из-за музыки не слышно, но и так понятно, что они умудряются даже посвистывать. Но большего себе не позволяют. Тут серьезные правила и надежная охрана. Этим и утешаю себя, когда забираюсь на чертов островок.

Танцевать я люблю. Но когда в своей атмосфере, когда уютно, а сейчас, я кажется, даже не могу поймать ритм. Тело как деревянное. Не слушается.

— Мегера смотрит, — шепчет на ухо Катя, и тянет меня за руки вовлекая в несложные движения.

В этот самый момент мне почему-то хочется плакать, но я силюсь улыбнуться накрашенными красной вырви глаз помадой и пытаюсь подражать Кате.

Кажется, начинает получаться. Мегера довольна, а Катя отпускает мои руки и идет в шесту.

Мне хочется закрыть глаза, потому что я не могу игнорировать взгляды. Не могу, как Катя игриво подмигивать незнакомцам. И не хочу. Потому предпочитаю водить взглядом по стенам, потолку, смотреть на диджея, занятого исключено установкой и толпой.

Он потягивает коктейль и я ему даже завидую. Но тут же вспоминаю, как весело закончилось знакомство с крепким алкоголем и велю себе не усугублять и без того дурацкую ситуацию.

Невольно перед глазами всплывает лицо Кирилла. Его взгляд, смотрящий на меня как на чистый лист, как на невинное дитя. А я тут....

Тошнота все сильнее поднимается к горлу. Стоять на каблуках, которые немного велики, становится все сложнее, но я заставляю себя держаться. До тех самых пор, когда какой-то пьяный молодой человек не решает, что я обязана спуститься и танцевать с ним. Игнорирую, но делать работу становится практически невозможно. И как девчонки вывозят весь этот стресс?

Блондин, явно, не хочет мириться с положением и решает сам взобраться на стойку. Черт возьми, где охрана?

Он хватается меня за руку, пьяный, даже не думает, что это мне неприятно. Я отшатываюсь. Нога подворачивается в неудобных туфлях, и я срываюсь вниз с воплем, который успешно заглушают басы музыки.

До пола так и не долетаю. Повисаю на чьих-то руках.

— Ого! Вот так счастье привалило, — усмехается шатен, глядя на меня. — Ну и как тебя зовут, мое ночное приключение?

Поскольку отпускать он меня не торопиться, приходится высвободиться самой.

— Простите, — шепчу я высокому мужчине со стянутыми в хвост темными волосами и плотоядным взглядом. Да он меня сейчас глазами раздевает!

Все, с меня хватит!

Нахрен такую работу! Лучше возьму у Мегеры тряпку и полы драить начну, но с шестом больше рядом не встану.

— Эй, ципа, че за дела? — лезет сквозь толпу тот самый белобрысый, длинный тип, из-за которого я и упала. Злится на меня, будто я в чем-то успела провиниться. А я вот не хочу узнавать перечень его претензий, и тут же ныряю в толпу.

— Остынь, — слышу голос шатена, поймавшего меня, но больше ничего. Музыка слишком громкая.

Пробираюсь сквозь массу тел. Чувство, будто селедка в банке устроила дискотеку. Ловлю на себе еще парочку скользких, неприятных взглядов и наконец-то выскакиваю за дверь с табличкой “Вход только для персонала”.

— Ты какого черта здесь? — рявкает Мегера. — До перекура еще час. Да ты ж не куришь!

— Алла Юрьевна, простите, я... я там не могу, — смотрю на нее во все глаза, и моя надежда, что что-то в женщине откликнется, стремительно тает. Плевала она на меня.

— Звягина, я тебе уже сказала....

— Алл Юрьна! — влетает следом за мной в дверь рыжая девчонка. О боже, кто бы знал, как я рада ее видеть! Лилька! — Прилетела быстро, как только смогла!

Мегера соизмеряет взглядом рыжую, затем меня, затем опять рыжую.

— Марш переодеваться, обе! Чтобы через пять минут каждая была на своем рабочем месте! И не думайте, что я вам эти выходки с рук спущу, — шипит она, а затем уходит тяжелым грузным шагом, хлопает дверью.

Мы с Лилькой тихонько переглядываемся и спешим исполнить то, что нам сказали.

Вот и форма, куда более привычная мне. Черная футболка, черный фартук, штаны. Скорее подбираю волосы резинкой, стираю яркую помаду, а вот умыться лицу времени нет. Да и ладно.

Уже через пару минут проползаю в толпе с подносом алкогольных напитков. Теперь я снова тень, и мне спокойно.

— Лер, помоги, — обращается ко мне Светка, едва подхожу к бару. Вся в мыле, пытается утащить разом два подноса. С ума сошла? тут же бутылки дорогие! — Помоги отнести это в люкс-лаунж на втором.

— Без проблем, — киваю я, хватая то, что не смогла взять она.

Я ошиблась. Напитки на подносе не просто дорогие, а очень дорогие. Не дай бог уроню! Фух! Обходится. Даже умудряюсь увернуться от какого-то активного танцора на верхних ступенях металлической лестницы.

Светка уже успевает к этому времени выйти из лаунжа, говорит, что сейчас вернется с

еще одним подносом, и просит разлить напитки за нее.

Ответ у меня тот же: “Без проблем”. Вхожу в помещение и уши тут же окутывает тишина.

Ну как “тишина”? Тут просто хорошая звукоизоляция, и потому музыка превращается в непонятный гул с эффектом “за стеклом”.

В мрачном помещении, освещенном желтым и сиреневым неоном, всего лишь двое молодых мужчин, а стол завален едой и алкоголем до отказа. Кого-то ждут?

Не мое дело. Принимаюсь тихо расставлять на стол то, что принесла, а гости меня, кажется не замечают.

— Дед совсем рехнулся. Двинулся на идее, что не оставит наследство, если не женюсь на внучке какого-то старого друга, — говорит коротко стриженный блондин своему другу.

— Из чьей семьи? — спрашивает второй. Кажется, им вообще наплевать, что тут греются мои уши. Поскорее бы отсюда уйти.

— Дворняга, — отвечает светлый затылок. — У деда там какие-то дела с ее предками были. Ошибки молодости, вся херня.

Угу, вот он привычный мне мажор. Господа и плебеи. Богачи и челядь. Как они еще таких, как я, называют?

“Повезет” же какой-то “дворняге” с таким женихом.

Невольно мысли уводят меня к Кириллу. Он совсем не такой. Добрый, воспитанный, хоть и немного нагловатый. Но у его дерзости и чертовской уверенности в себе есть определенный шарм....

Так! Чего это я?

Зачем я опять о нем сейчас вспоминаю? Он уже и думать забыл обо мне.

— Слушай, но можно же будет оспорить завещание?

— С мозгами у старика все в порядке, это с сердцем беда. Все не помрет, — от этой фразы становится тошно. Как можно так о собственном дедушке? Так, налью последний бокал и уйду. — Хуже всего, что кто первым из нас с Кириллом женится на этой безродной дурочке, того и тапки.

Кирилл?

Сердце вздрагивает, но я тут же говорю себе, что это просто совпадение. Один Кирилл что ли на свете есть?

Вот же сумасшедшая. Все на свете теперь буду к одному мужчине сводить?

К тому же, стоит отдать должное, вряд ли тот Кирилл, которого я знаю, будет водиться с типом вроде этого гадкого мажора. Точно!

Оставляю последнюю бутылку и уже тянусь к двери, чтобы поскорее стряхнуть с себя гадость, которая словно прилипла ко мне в этой комнате, как дверь она распаивается сама.

Бегло бросаю взгляд вперед и застываю. Потому что узнаю того, кто стоит на пороге....

Глава 11. Узел затягивается

На пороге стоит тот самый тип, что приставал ко мне и даже залез на подиум, с которого я по его вине и упала.

— Ты? — выдает он мне, прежде, чем я успеваю отвернуться. Надо же, пьяный, а узнал. — Цыпа, да ты полна сюрпризов. Ну-ка заходи.

— Оставь ее, Мэрс. Сюда иди, — рявкает блондин, который, видимо, у них тут главный. — Потом с бабами покувыркаешься.

— Ты подожди меня, крошка, — нарекает мне этот неприятный тип, заваливаясь внутрь, а я тут же спешу выскользнуть прочь.

Да что это сегодня за ночь. К счастью, мажоры уходят спустя час, и я мне больше не нужно с ними пересекаться. Отрабатываю смену и уже не чувствую ни рук, ни ног.

Как ватная доползаю до такси в пятом часу утра. счастье, что развоз оплачивает администрация.

На душ сил совсем нет и я заваливаюсь спать только поменяв джинсы с футболкой на пижаму.

глаза уже закрываются, а нос улавливает тонкий аромат, идущий от пиджака раскинутого на спинке старого советского стула. Кирилл.

Просьпаюсь по привычке спустя пять часов. Вот теперь точно надо в душ, чтобы прийти в себя. Вместо привычной теплой воды меня окатывает ледяной. Опять авария?

Рычать не на кого. Домываюсь, как могу, и замерзшая настолько, что стучат зубы, заворачиваюсь в полотенце.

Быстро высушив волосы феном и одевшись спешу в кафе. Вот она моя привычная жизнь. И нет в ней никакого Кирилла.

Тихонько вздыхаю, достаю из сумки смартфон, чтобы почитать что-нибудь в дороге, и замечаю несколько сообщений.

Сначала хочу смахнуть, но замираю, когда вижу текст.

“Золушка проснулась?”

Золушка?

Хмурюсь, пытаюсь понять, с чего вдруг такое обращение. Может, номером ошиблись.

“Я прихватил твою туфлю, а ты решила взамен оставить мой пиджак?”

Пиджак?

Я тут же вспыхиваю, когда понимаю, кто мне написал. В самом деле Он? Быть того не может. Сердце начинает колотиться как бешеное, но я велю себе успокоиться.

Может, он только по делу. Точнее за пиджаком.

“Я не знала, как тебя найти, чтобы вернуть”.

“Пообедаем вместе. В час ты свободна?”

Эхх, как же хочется написать, что да. Внутри все взрывается на части, но, увы.

“Я работаю до восьми почти без перерыва”.

“Тогда на старом месте, у черного входа в свою таверну” — приходит ответ.

Таверну. Ижъ как завернул.

Улыбаюсь, строчу ответ.

Слово за слово и вот уже десятки сообщений, но не успеваю ответить на последнее. В комнaут персонала заходит начальство и я живо прячу смартфон среди вещей.

Поправляю форму и иду в зал.

Время кажется настоящей резиной. Все тянется и тянется. Но как только стрелки часов указывают “восемь” мчусь к раздевалке и тут же обреченно вздыхаю. Батарея села. Опять. Уфф.

Но мы ведь договорились на восемь. Прихорашиваюсь, как могу и только потом иду к выходу. Никакого серого капота не вижу. И вообще никого и ничего.

Подождав еще минут пятнадцать решаю идти к метро. Вставляю зарядку в usb-разъем у кресел, а она ни в какую. Надеюсь, мой “старичок” не умер насовсем. У него такое бывает иногда. Потупит денек, и снова фурычит.

Домой дохожу, когда уже темнеет. В окнах свет не горит, значит, мама задерживается. Успею приготовить ей ужин.

Ага, только сначала обойду огромный черный автомобиль. Даже стекла в нем черные. И встал как хозяин прямо у подъезда, наплевав на всех.

Уж не по душу наших нерадивых соседей приехали большие люди? Пора закрыть этот притон.

В подъезд хочу войти тихо, чтобы проскользнуть незаметной на свой этаж. Не нужны мне проблемы. Своих хватает. Но дверь противно поскрипывает.

Сверху доносятся голоса.

— Видимо, нет дома. Может, в машине подождите?

— Нет, я здесь, — этот голос кажется мне знакомым. Где я могла его слышать?

Тихо поднимаюсь по лестнице и охаю, видя кого принесло прямо к нашим дверям. Тот самый дедушка, которого я встретила на кладбище?

Одет в дорогой серый костюм, на шее синий платок. А рядом с ним высоченный амбал, при взгляде на которого, только одна ассоциация — охранник.

— Ну, здравствуй, Лера. Тебя-то я и жду, — выдает дедушка, и внутри меня все напрягается.

Откуда он узнал, где я живу? А главное, зачем он здесь?

Глава 12. Предложение

— Валентин Игоревич, — с трудом вспоминаю имя дедушки.

— Можешь звать меня просто дедушкой. Тем более для этого скоро будет повод, — улыбается он, и глаза горят по-доброму, но вот слова меня эти пугают.

— Позволишь присесть или так и будешь держать на пороге? — кивает в сторону двери, и я тут же спешу отыскать ключи.

Запускать в дом незнакомца такое себе, но он, ведь, ничего плохого не сделает.

— Прошу, — наспех открываю дверь и впускаю дедушку. — Приходите, пожалуйста, на кухню.

Он кивает своему ... кто этот мужчина? Охранник? Вот ему он кивает, мол останься тут. Закрывает за собой дверь, и пока я разуваюсь, проходит на кухню... в обуви. Эмм. Ну, что поделывать? Он в возрасте.

Предлагаю чай. Соглашается. Пока заливаю заварку кипятком вся извожусь от вопроса, зачем же он пришёл. И ведь нашел меня. Может, про бабушку с дедушкой хочет что-то спросить?

Подаю чашку, господин отвлекается от обзора нашей маленькой кухни. Нет, не брезгует, но жалость в глазах есть уж точно. У него в доме туалет, наверное, и то больше.

— Тяжело тебе живётся, да?

— Нет, — отвечаю с ходу, потому что жаловаться на жизнь незнакомцам как-то не привыкла.

Улыбается.

— Ты хорошая девочка, Лера. Как и твоя бабушка. Вы очень похожи.

— Спасибо.

— Мне не так повезло с внуками. Зато я знаю, что хорошая жена в любом сердце может зажечь свет.

— О чем вы?

— Хочу чтобы ты стала моей невесткой, Лерочка.

— Что? — я чуть ли не подпрыгиваю на стуле.

— Не пугайся ты так. Разумеется, заставлять тебя никто не будет. Ты просто присмотришься, вдруг приглянется кто. У меня два внука, — говорит он.

Вот так сюрприз на голову. Свататься пришел еще сразу двух женихов предлагает.

— Валентин Игоревич, вы меня извините, но мне еще рано о таком думать.

— Почему это рано? Эта ваша мода в девках ходить до тридцати — глупость! — убеждает он, но я совсем другое имею в виду. Варю. Адрес нашел, а о состоянии сестры ничего не знает? Странно это как-то.

— Ты пойми меня, Лерочка, я ведь вечно не проживу. Меня уже давно на том свете ждут, но не спокойно мне будет, если хотя бы одного оболтуса в хорошие руки не пристрою.

— А сами ваши эти “оболтусы” пристроятся не могут?

— Не тех женщин они выбирают. Ты поймешь это чуть позже, — улыбается, а в глазах грусть. — Ну что, скрасишь жизнь старику?

Мда, вот так просьба. Я, конечно, все понимаю и искренне уважаю старших, но выходить замуж за непонятно кого из-за просьбы малознакомого, пусть и очень приятного дедушки, я совершенно не готова.

— Извините. Такое не для меня.

— Так и знал, что откажешься. Хорошо Зинаида тебя воспитала. Но ты подумай. Я ведь не принуждаю.

— Хорошо, — отзываюсь исключительно из вежливости и тут же отвлекаюсь на звуки в коридоре. Дверь хлопнула. Значит, мама вернулась.

— Лер, ты дома? — голос звучит взволнованно. — У нас там на лестничной клетке мужик какой-то стоит ты сама никуда не выхо....

Застывает, когда видит на нашей маленькой кухне дедушку. И если сначала мне кажется, что она теряет дар речи исключительно потому что не ожидала гостей, тем более незнакомых, но через секунду убеждаю, что она это дедушку не просто знает, а очень хорошо знает.

Брови хмурится.

— Что вы делаете в нашем доме? — ого! Я не слышала чтобы мама так грозно с кем-то говорила. Тем более со стариком.

— Добрый вечер, Наташа.

— Выйдите вон! Сейчас же! — вот это злость ее накрывает. И неспроста ведь. Чего я не знаю?

Глава 13. Ночной визитер

Валентин Игоревич не спорит. Молча поднимается со стула и уходит, тихо закрыв за собой входную дверь.

— Мам, кто это был? — спрашиваю я.

— Никто.

Но обманывает ведь.

— Ма-а-ам.

— Один человек, из-за которого твой дедушка все потерял, — говорит она, присаживаясь за стол.

Я помню эту историю.

Мой дедушка начинал дела с каким-то другом, а потом они оба влюбились в бабушку. Она выбрала дедушку, а второй пошел на подлость и отнял у дедушки все. Думал, что тогда бабушка от него уйдет. Но нет.

Так как любили друг друга мои прародители никто никогда не любил.

Дедушка ушел первым от сердечного приступа. Бабушка и год после этого не прожила.

Мда.

Кто бы мог подумать, что Валентин Игоревич и есть тот самый враг семьи.

— Чего он хотел? — спрашивает мама, и я даже не знаю, как ей теперь все объяснить.

— Просил, чтобы я познакомилась с его внуками, — тихо говорю ей, но она тут же вспыхивает.

— Зачем?!

— Сказал... эм... что хочет меня в невестки.

— Уму непостижимо! — хватает за голову, и я тут же спешу ее обнять. — Этот человек уже сломал нам жизнь! Теперь опять в нее лезет своими грязными ботинками!

Вот в этом она права. Валентин Игоревич не разулся.

— Мам, он ни к чему меня не принуждал. И вообще, кажется, жалеет о прошлом.

— Плевать, о чем он жалеет! Не смей с ним больше говорить! — выдает она, и я тут же киваю.

Мама немного успокаивается и идет переодеваться, а я быстро соображаю на ужин макароны по-флотски, но без мяса, а с луком и томатной пастой. Ага, это тоже вкусно.

Уже ложусь в кровать, как звонок, от которого замирает все внутри.

— Алло, — тихо шепчу я, чувствуя себя какой-то преступницей.

Нет, мама никогда ничего не имела против общения с мальчиками, но говорить ей сейчас о Кирилле, когда вокруг столько проблем, наверное, не стоит.

— Я внизу. Спускайся.

Пара слов, а я вспыхиваю, как свечка, и даже не знаю, что ему сейчас ответить.

Хотя что можно сказать человеку, который уже приехал к дому? Тем более у меня в заложниках его пиджак. Не постирала, блин. Так нравился запах хозяина, да и не думала, что вернется. К тому же, такое вещи, вроде, нужно в химчистку нести. Надеюсь, он не приедет.

Наспех натягиваю джинсы и футболку, забегаю к маме, чтобы сообщить, но она уже спит. Устала после работы. Ловлю себя на мысли, что так даже лучше. А еще на дурацком чувстве какой-то восторженности и окрыленности. И тут же поедает стыд. У нас в семье такие проблемы, а я ношусь, как глупая влюбленная с сердечками в глазах.

Эти мысли быстро отрезвляют, и я иду вниз уже спокойным шагом. Кирилл ждет снаружи, оперевшись упругой пятой точкой на бок автомобиля.

— Привет, — шепчу ему, Кирилл улыбается, оголяя белоснежную линию зубов, и внутри вновь все мешается. Стыд, радость и попытка одернуть себя. — Вот.

Протягиваю пиджак, а он не спешит брать. Смотрит на меня то под одним углом, то под другим, будто приценивается.

— Привет, — наконец-то отвечает он, а затем забирает свою вещь и открывает мне дверцу.

Внутри все неожиданно встает на дыбы. Я даже сумки с собой не брала, только мобильный, на случай, если мама проснется и заметит, что я вышла.

— Я не могу далеко уходить от дома, — сообщаю ему, и тут же чувствую себя маленькой глупой девочкой, которой на все нужно разрешение.

— Боишься меня?

— Нет, — тут же машу головой.

Как можно бояться того, кто тебя спас и не тронул, когда имел на это все шансы. Напротив, я ему отчего-то доверяю. Даже слишком.

— А если мы ненадолго? — спрашивает он.

— Зачем? Куда?

— Хочу показать тебе одно потрясающее место, — говорит он и взглядом велит уже залезть в автомобиль.

— Максимум час, хорошо? — шепчу я, и сажусь в автомобиль.

Дверца тихо захлопывается и я вновь попадаю в царство божественного запаха. Так бы и дышала им всю жизнь.

Кирилл быстро занимает водительское сидение, окидывает меня взглядом, отчего-то криво ухмыляется и тянется ко мне.

Он чего?!

Блин! Опять ремень забыла пристегнуть! И когда же я научусь. Хотя, надо ли? Будто я так часто в машинах езжу. С тех пор как папа ушел, весь мой транспорт состоял из поездов метро, автобусов, маршруток и такси на заднем сидении.

Когда Кирилл оказывается слишком близко, я вновь замираю и будто наливаюсь горячим свинцом до кончиков пальцев. Однако теперь к уже привычным чувствам добавляется еще одно — странное потягивание внутри живота.

Что-то мне это все не нравится. Или нравится. По крайней мере, это в новинку. Вот чтобы так, от одного запаха, от близости сносило крышу.

Кирилл ловит мой взгляд, и я понимаю, что совсем позабыла про свою броню и выгляжу сейчас... эм... как бы сказать? Одурманенной?

Он подмечает мою слабость, и его взгляд становится опасно хищным, как раньше, он опускает темный взгляд на мои губы, которые я нервно прикусываю. И я понимаю, сейчас он так просто от меня не отстранится.

Глава 14. Проблемы

Горячая рука касается моей щеки, и все внутри воспламеняется. Горячее дыхание обжигает кожу, а затем его губы впиваются в мои. Я вздрагиваю, пару секунд еще пытаюсь противиться, а затем понимаю, что не могу. А главное — не хочу. Он сминая мои губы, проникая умелым языком все глубже, а я чувствую себя полной неумехой и потому отдаю весь контроль ему. Не сопротивляясь, отзываюсь, и голова идет кругом, кажется я даже не дышу, не чувствую себя, мое тело — будто не мое. Зато я ощущаю жар его пальцев в моих волосах.

Он отстраняется на секунду, и я только сейчас я понимаю, что не дышала. Едва делаю вдох, как Кирилл вновь присваивает себе мои губы. И теперь уже я впиваюсь пальцами в его волосы.

Меня уносит на волнах страсти и блаженства черт знает куда. Я и подумать не могла, что могу быть такой чувственной. С ним. Только с ним.

Кирилл прерывает поцелуй, и я пугаюсь, что сделала что-то не так, но его довольная и в то же время мягкая улыбка, развеивает все сомнения.

Он отстраняется, и я тут же чувствую холод вокруг себя, хотя внутри по-прежнему пышет пожар. Щелкает по кнопке зажигания, переключает передачу, и тут же берет меня за руку. Это уверенное касание отгоняет из головы все сомнения по поводу того, правильно ли я поступила. Я чувствую, как таю здесь и сейчас. С ним.

— А куда мы все-таки едем? — спрашиваю я.

— На секретное задание. Будем вычислять, какую кухню ты предпочитаешь, — смеется он. — У нас все еще час или можем увеличить немного лимит и дожить до десерта?

— Можем, — смеюсь я, и тут же отвлекаюсь за звонок его мобильного.

Той пары секунд, на которые моя рука остается брошенной, мне хватает чтобы ощутить грусть. Вот же глупая! Гармоны на пределах играют!

— Алло, — отвечает Кирилл, и тут же хмурится от слишком громкого звука из динамика. Даже я его отсюда прекрасно слышу.

— Ты где есть? Совсем про нас забыл? — орет какой-то мужской голос, а на заднем фоне музыка и шум.

— Занят. — спокойно отвечает Кирилл.

— Чем? Своей Золушкой? — доносится из трубки, и я тут же обращаю взгляд на Кирилла. Это обо мне сейчас идет речь?

— Угу.

— Ну так привози ее сюда.

— Сейчас это не лучшая идея, — отвечает Кирилл, а я пытаюсь понять почему. Не хочет знакомить с друзьями? Или просто хочет провести время наедине.

— У меня вообще-то не каждый день рождения! Ты и в прошлом году пропустил! Друг еще называется! Или, что, боишься, что я отберу твою Золушку?

— Стас....

— Ладно, понял. Сорян. Но ты подумай. Может, ей тоже веселья хочется, а не занудных бесед.

— Давай уже, — отвечает Кирилл и кладет трубку, а затем переводит взгляд на меня.

Не знаю, что он там вычисляет в моих глазах, но вдруг спрашивает.

— На вечеринку хочешь?

— Что? — переспрашиваю как дурочка.

— Ты же слышала. Так что, выбирай: вечеринка у бассейна или тихий ужин.

А чего тут выбирать. Меня как-то не тянет к посторонним людям, мне бы к Кириллу хоть немного привыкнуть в этой своей новой роли... Так. Стоп. Кого? Встречаться мне ведь никто не предлагал.

А вваливаться на чужой праздник в статусе незнамо кого совсем не хочется. Но... у его друга день рождения “который не каждый день случается”. И тянуть одеяло на себя.

Жму плечами. Только собираюсь ответить — смс. Притом высвечивается на экране и я успеваю прочитать раньше, чем успеваю подумать, что делаю.

Зато текст “Мы ждем” помогает решиться.

— Мне везде нормально. Наверное, друга не стоит обижать, — отвечаю я, и тут же пытаюсь найти плюсы в том, на что подписалась. Ну, допустим тот, что Кириллу надо будет как-то меня представить. Просто Лерой, девчонкой, попавшей под колеса, подругой или... девушкой. От последнего я опять вспыхиваю, и ловлю на себе пристальный взгляд.

Кирилл будто считывает каждую мою мысль. А, может, понимает по-своему. Этого мне не понять. Зато конкретно ясен его легкий кивок, затем перестроение в левый ряд и разворот.

Многоэтажки за окнами исчезают, и уже через десять минут мы оказываемся возле загородного дома, украшенного огнями, точно елка. Музыка разбавляют смех и плеск воды.

— Не передумала? — он, вроде, спрашивает, но по факту мы уже приехали. Поэтому становится смешно. А потом неловко. Оглядываю футболку и джинсы, которые, наверное не совсем подходят для вечеринки такого уровня. И почему я не подумала об этом раньше?

Хотя точно так же убого я бы выглядела и в ресторане.

— Нет, — машу головой.

— Давай так. Поздороваемся, и если тебе будет неудобно, через пятнадцать минут уйдем, — говорит он, и я киваю.

Мы выходим из машины и подходим к огромной металлической калитке, украшенной кованными узорами. Кирилл по-хозяйски заходит во двор, берет меня за руку, и это маленькое касание вселяет больше уверенности в себя и в то, что все будет хорошо.

Здесь человек двадцать. К счастью, одеты почти так же, как я без “понтов” так сказать. Кто-то стоит у гриля, другие воркуют у барной стойки (о, да, она тут есть), а большая часть тусуется у бассейна до краев наполненного водой. Думаю, если бы ночь была не такой прохладной, то все давно бы переместились именно в него.

Да, таких вечеринок, я отродясь не видела.

К нам подходят какие-то люди. Жмут руку Кириллу, он их приветствует, но при этом не забывает придерживать меня за плечо, отчего мне несказанно приятно. Прямо тепло разливается по сердцу.

— Моя девушка, Лера, — представляет он меня товарищам, с которыми общается вежливо, но достаточно прохладно. Мужчины проявляют уважение и тянут руку, чтобы поприветствовать меня, а вот блондинка, за их спинами, кажется, совсем не рада моему появлению.

Кидает злобный взгляд и топает к другим девчонкам у бара.

Не знаю, о чем они говорят, но взгляды обращаются ко мне и уши начинают гореть.

— Кира! Ну, наконец-то! — выходит из дома высокий мужчина с бутылками

шампанского в каждой руке.

Внимательно смотрю на его темные, стянутые в хвост волосы, на черты лица и прихожу в ужас. Потому что знаю его. Это в его руки я свалилась, когда танцевала гоу-гоу!

— Стас, — лениво протягивает Кирилл. Чего?

Стас?! Так это он тот самый друг? Он меня узнает?

Глава 15. Друг

Неосознанно пячусь, и чувствую, как твердая поверхность под ногой закончилась. Теряю равновесие и заваливаюсь назад быстрее, чем Кирилл успевает среагировать. С громким “плюх” проваливаюсь в холодную воду. Тело пронзают тысячи игл. Вода вокруг пузырится и бурлит. Хочу оттолкнуться от дна, но внешняя сила выталкивает меня наружу куда быстрее.

Кирилл. Он за мной прыгнул.

Изо всех сил прижимаясь к нему, в носу и горле печет от хлора. Трудно дышать. Холодный воздух обдаёт кожу и липнущую к ней мокрую одежду. Пара секунд и мы уже в доме.

Стас суетится, велит кому-то принести одежду, отправляет нас вверх.

Не знаю, откуда у Кирилла столько сил, но он будто взлетает по ступеням, несмотря на то, что у него на руках лишних пятьдесят четыре килограмма.

— Ты как? — спрашивает он меня, опуская на кровать.

Она же промокнет! Я тут же вскакиваю, но Кирилл усаживает меня обратно.

— В порядке. Спасибо, — шепчу, глядя на него сквозь мокрые пряди волос, занавесками прикрывающие лицо.

— Точно?! — не верит.

— Угу.

— Давай скорее одежду, — он говорит уже не мне, а Стасу появившемуся на пороге комнаты. Тут же убираю глаза в надежде, что он меня не узнает и тут же отчитываю себя. Я, что, обманывать собралась? Зачем? Я все могу объяснить.

— Лена сейчас придет и поможет. Ты бы тоже пошел и переоделся, — говорит Стас Кириллу, и последний кидает на меня взгляд, чтобы убедиться, что я тут не помру после купания.

— Я здесь. Фен искала, — влетает в комнату симпатичная девчонка, и только тогда Кирилл уходит.

Еще несколько секунд я смотрю ему в след. В голове одна мысль: Стас узнал меня? Он скажет? Я должна сказать первой!

— Ты так простудишься, — обращается ко мне та, кого назвали Леной, и только сейчас я понимаю, что замерзла настолько, что зуб на зуб не попадает.

— Идем. — зовет она в ванную, смежную со спальней. Говорит принять горячий душ, выдает комплект полотенец и одежду. Женскую.

— Это моя. Тебе должна подойти по размеру, — заверяет она, а у меня щемящее чувство внутри. Чужой человек, а так помогает.

— Спасибо, — шепчу я и, как только она уходит, спешу снять с себя одежду.

Боже! Телефон! К счастью работает. И как это вышло? Ну, хоть что-то хорошее. Бережно вытираю его полотенцем, оставляю на краю раковины и лезу в горячий душ. Не провожу здесь больше пяти минут, наспех вытираюсь, одеваюсь и возвращаюсь в комнату.

— Волосы давай просушим, — говорит Лена, а мне отчего-то становится смешно. Будто крестная фея у недоЗолушки появилась. Причем фея красивее, чем сама золушка.

— Не стоит. Спасибо. Кирилл, наверное, ждет.

— Ничего. Подождет. Пусть привыкает к женским заморочкам, — говорит она,

усаживая меня за косметический столик и включает фен.

Потоки теплого воздуха поднимаю кудрявые завитки, уподобляя меня пуделю. Лена пугается и говорит, что сейчас все исправит гелем, но я ее останавливаю.

Мне как-то очень непривычно от такой заботы. Я не знаю, чем за нее расплатиться, кроме искреннего “спасибо”. Но разве оно что-то стоит в этом мире?

— А ты скромная. Не думала, что Кире такие нравятся. Хотя, противоположности притягиваются, да? — смеется она. — А как вы познакомились?

Отличный вопрос.

— Эм... он чуть меня не сбил. — говорю я и тут же внутри появляется ярое желание его оправдать. — Я впопыхах пошла не на тот сигнал светофора.

— Ах, вот как нынче знакомятся, — хохочет. Но по-доброму.

Потом говорит, чтобы я осталась в ее одежде, а мои вещи она после прачки передаст через Кирилла.

Прачка. Да я и сама стираю. Но хозяйка, а как выяснилось, Лена — девушка Стаса, настаивает.

— Мне будет неудобно, — не сдаюсь я. Там ведь и нижнее белье вообще-то. — Я сама. А вещи твои стираю и верну. Через Кирилла, — применяю ее же план.

— Ладно, — вздыхает она. Достает из шкафа брендовый пакет, и моя мокрая одежда летит прямо туда. Надеюсь, этот пакет не расползется.

— Ну, пойдем всем удивлять твоей прической. Кстати, очень модной, — одобряет Лена, а я понимаю, что сейчас опять столкнусь с Кириллом и его опасным для меня другом.

Так. Я уже решила, что первой все расскажу.

— Так вот она какая, твоя Золушка, — слышу голос Стаса в коридоре и напрягаюсь до кончиков пальцев. Он ведь не опередил меня?

Кирилл и хозяин дома стоят в конце коридора, возле перил, за которыми находится “второй свет”. На первый взгляд оба выглядят вполне спокойными. А Кирилл, к тому же, еще и очень привлекательным. Казалось бы, что такого в футболке и джинсах. А многое! Он сейчас такой домашний, такой родной.

— Дедушка как? Не болеет? Отбросил идею “фикс”? — тянет Стас, и я облегченно выдыхаю, что разговор сменил направление.

— Получше. Но идее своей верен, — смеется Кирилл, а в голосе его тепло.

— И что ты думаешь?

— А что тут думать? Меня, что ли, не знаешь, — отвечает Кирилл и тут же замечает меня.

Видимо, образ который мне подобрала Лена, мне очень идет, так как взгляд Кирилла сравним комплименту. Хотя и от вербального он не отказывается:

— Кудряшки тебе очень идут.

Смущенно опускаю глаза, и чувствую, что на меня смотрит уже не только мужчина моей мечты, но и его друг, о котором я на секунду забыла. Тут же понимаю взгляд, чтобы все прояснить, но он тут выдает:

— Так и не представил ты нас. Я Стас, друг детства, — тянет мне руку, а я на секунду подвисяю.

Он, что, не узнал? Из-за кудряшек? Потому что у меня нет сейчас яркого макияжа и термоядерной красной помады? А, может, он и вовсе не запомнил меня?

Вот сейчас хмурится, будто начало доходить. Вспомнил?

Глава 16. Незванный гость

— Лер, — зовет меня Кирилл, и я понимаю, что неприлично долго молчу.

— Лера, — все равно называю свое имя, хотя уже вроде как и представили.

— Стас, — говорит он, еще пару секунд пристально смотрит, а потом улыбается. — Вы, как, голодны после купания. Там сейчас как раз мясо будет готово.

— Вы извините, но мне давно уже нужно домой, — сообщаю я и поглядываю на Кирилла, надеюсь, он не голоден. Усмехается, будто читает мои мысли. Закидывает руку мне на плечо, кидает другу слова прощания и уводит.

Мы минуем двор под внимательные взгляды не только девчонок, но и парней. Возвращаемся в “Мустанг”, и Кирилл тут же включает климат-контроль.

— Прости. Я испортила тебе вечер? — спрашиваю у него, думаю рассердится, а он улыбается, тянет меня к себе и я вновь замираю. Слышу, как учащается пульс, как его горячие губы ложится на мои, и обо всем забываю. Не знаю, сколько я нахожусь в этой неге, смешивающейся с кипящей страстью внутри. Прихожу в себя только когда звонит телефон.

Мама!

Эти четыре буквы на экране смартфона моментом выдергивают меня из сказки. И я начинаю чувствовать то, о чем позволила себе на мгновение забыть — стыд.

— Прости, я на секунду, — говорю Кириллу и выбираюсь из машины. Тут же отвечаю на звонок.

Конечно, мама в панике. Встала попить воды, а меня нет.

— Я... я вышла. К другу, — говорю ей и закусываю губу, потому что понимаю, как это сейчас звучит. У меня сестра болеет, дума проблемы, а я на “гульках”.

— Прости, мам, я скоро буду. 20 минут, — сообщаю ей, убеждаюсь, что она успокоилась и кладу трубку.

Но на душе гадко и противно. Из-за всего разом. Из-за Вари. Из-за Стаса.

Возвращаюсь в машину, пытаюсь улыбнуться, чтобы не портить Кириллу настроение, но по его виду заметно, что он уже успел напрячься.

— Мне нужно домой. Мама волнуется, — сообщаю ему. Молча кивает и дает по газам.

В дороге мы молчим, отчего я чувствую себя дико неудобно. Зато могу подумать о том, как рассказать о Стасе. Лучше всего возле дома, когда машина остановится.

— Кир...

— У тебя проблемы? — первым спрашивает он, едва машина въезжает во двор.

— С чего ты взял?

— Ты напряженная. Что-то с семьей?

Поджимаю губы, думая, стоит ли вываливать на него то, что происходит у нас. Мне очень нужна помощь, но я не хочу, чтобы он подумал обо мне как-то плохо. Мне это важно.

Наверное, я эгоистка.

— Нет, — шепчу я. — Все в порядке.

Я ему расскажу. Но чуть позже. Когда мы узнаем друг друга получше. А чтобы это случилось, нужно как-то сказать о Стасе.

Машина уже останавливается, а смелость куда-то убегает от меня.

Тихо. Соберись. Кидаю взгляд к дому и замечаю, что на кухне горит свет. Мама, что, плачет?

— Прости! Мне пора, — хочу вылететь из машины, но Кирилл ловит и подтягивает к себе. На секунду я вновь теряюсь в его объятиях. Не хочу расставаться, но нужно.

— До завтра? — спрашиваю я, получаю ответ его поцелуем и на подкошенных ногах пытаюсь спешить к дому.

В квартире пахнет корвалолом и горем. Тут же кидаюсь к маме и в голове раненной птицей бьется ужасная мысль.

— С Варей?

— Нет, — качает головой мама. — Я просто устала. Безумно устала.

Крепко обнимаю ее, а она меня. Плачет еще несколько минут, и только потом замечает на мне чужую одежду.

— Разве это твое?

— Нет, мам. Но это не важно, — говорю я, наливая ей стакан воды. — Поверь мне, я ни за что не доставлю тебе проблем.

Поджимает губы и кивает и опять в слезы.

— Мам, что, на самом деле, тебя беспокоит? — пытаюсь понять ее. — Из турецкой клиники звонили? Донор отказался?

— Пока еще нет, — трясет головой. — Но денег мы все равно не сможем собрать.

Вот он привычный мне вкус отчаяния и собственной беспомощности в этом мире. Обнимаю маму, отвожу ее в постель и засыпаю рядом, поглаживая ее волосы.

Утром она старается бодриться и делать вид, что вчерашнего нервного срыва не было, снова заявляет, что мы справимся, и я киваю. Не потому что, что согласна. А потому что, кроме слепой надежды на удачу у нас ничего нет.

Она уходит первой, а чуть позже нужно выходит мне. Заканчиваю с посудой, а точнее с кружками из-под кофе, так как есть нам обоим не хотелось, и только натягиваю обувь, как звонок.

Сначала думаю, соседи. Но звонят, так настырно, что хочется уже не спрашивать кто там, а сразу по лбу дать.

Усмиряю пыл, открываю дверь и пару секунд смотрю, не моргая.

Блондин. Высокий. Смазливый. Надменно смотрит на меня сверху вниз.

— Ты Лера Звягина? — звучит голос, который я с трудом, но все-таки узнаю. И лицо теперь узнаю. Я видела его в клубе в вип-чилуате, когда он обсуждал “придурь” (с его слов) собственного дедушки и желала тому скорой кончины.

От меня ему что надо? И откуда он знает мое имя?

Глава 17. Право на счастье

— А вы кто? — ошарашенно спрашиваю я.

— Антон Соколов.

Это звучит так, будто мне только что сказали я Бред Питт, а я такая дура, не признала с ходу.

— Простите, но я вас не знаю.

— Скоро познакомимся и очень тесно. Мой дед, ведь, к тебе приходил?

— Кто? — хмурюсь я, а этот тип, пользуясь моим замешательством, нагло входит в квартиру.

— Слушайте, я вас не приглашала. Выйдите.

— Поверь, мне и самому не приятно здесь находится, но там, — он указывает пальцем за дверь. — Кошачьей мочой несет.

— Знаю. И?

— Ты похоже, не поняла, с кем говоришь, — в момент становится пугающе злым блондин. Прямо как шакал, который сейчас набросится.

— Нет, не поняла, — отвечаю ему, а сама думаю, как бы выпроводить или самой уже сбежать и соседям постучать. Ненормальный какой-то этот Антон. Точно не все дома у него!

— Мой дед — Валентин Соколов, так понятнее? — задирает нос.

— Нет, — хочу сказать я, но тут же соображаю.

— Валентин Игоревич?

— Ага, — выдает Соколов и начинает с брезгливостью мазать по дому взглядом. — В общем, ты уже в курсе, что он хочет тебя в невестки, да?

— Слушайте. Я не понимаю, что вы от меня хотите, и не хочу продолжать этот разговор. Я на работу опаздываю.

— Слушай, девочка, — в момент он опускает руку возле моей головы и наклоняется опасно близко. Вот только если в случае с Кириллом под опасностью подразумеваются неподконтрольные чувства, то тут самый настоящий страх неизвестности и отвращение.

— Со мной не нужно так говорить. Поняла? — угрожает он, и при всем желании ему сейчас съязвить, я почему-то киваю.

— В общем, старик хочет, чтобы я на тебе женился. И я женюсь. Усекла? — диктует он новые правила, и вот тут возмущение пересиливает страх.

— А меня вы не хотите спросить? — вспыхиваю я.

— Слушай, не набивай себе цену. Ты живешь в нищете, а будешь, как сыр в масле кататься. Строй из себя недотрогу в другом месте, а мне не заливай.

Меня передергивает от этой наглости и хамства. Я отталкиваю его руку и открываю дверь.

— Вон! — это не крик. Это рык из глубин моей души.

— Что?!

— Пошел отсюда вон!

— Ты охренела? — Захлопывает дверь с такой силой, что хлопок слышен на весь подъезд. Хватает меня за рукав футболки, и я тут же испуганно пячусь к стене.

— Пусти!

— Да не ной. Ничего я тебе не сделаю. А ты гонор поубавь и подумай над тем, что я

сказал. У тебя сутки, — заявляет он, а затем сам открывает дверь и уходит.

Еще несколько минут я отхожу от шока, чувствую, как дрожат колени. Пытаюсь осмыслить то, что только что произошло, но на это, однозначно, нужно время, которого у меня нет.

Вспоминаю, что опаздываю, и скорее бегу на работу.

Вот теперь, стоя в метро и держась за прорезиненный поручень, я могу еще раз обо всем подумать.

Что же это выходит. Этот мерзкий зазнавшийся тип и есть тот внучок, которому меня хочет сосватать Валентин Игоревич? Вот так да-а. Уму не постижимо! И зачем ему это нужно только?

В памяти всплывает случайно подслушанный разговор в клубе. VIP чиллаут. Двое. Этот самый блондин и его товарищ.

Как о тогда сказал? “Дед совсем рехнулся. Двинулся на идее, что не оставит наследство, если не женюсь на внучке какого-то старого друга?” Что-то в этом роде?

Выходит, внучка этого старого друга — я?

От шокирующих открытий мне срочно нужно присесть, но едва я занимаю место, как вижу женщину преклонных лет, и уступаю ей место.

Буду переваривать стоя.

Что еще эти двое в тот день говорили?

Что предполагаемая невеста “дворняга” и у деда белобрысого, Валентина Игоревича, были какое-то дела с предками обреченной, то есть нареченной. “Ошибки молодости, вся херня” — цитата.

Угу, вот он привычный мне мажор. Господа и плебеи. Богачи и челядь. Как они еще таких, как я, называют?

А я еще пожалела девчонку, которой попадет такой жених. А теперь оказалась на ее месте. Из меня вырывается немного нервный смех. Так, не будем забывать, что не одна. Нужно себя контролировать, даже в те моменты когда подкрадывается легкий шок.

Выходит, что этот Антошка-не пойду копать картошку решил меня донимать вовсе не для того, что исполнить волю дедушки, а чтобы заграбастать наследство. Точно! Он ведь еще сказал, что на “безродной дурочке” может жениться либо он, либо какой-то Кирилл.

Кириллов в моей жизни, помимо того, который сначала почти прокатил на капоте, а затем нагло захватил мое сердце, я как-то больше не наблюдаю в своей жизни. Значит, Кирилл (назовем его Соколов, чтобы отличать) не повелся на красную тряпочку в виде наследства и условий его получения. Ну хоть кто-то в той семье нормальный. Или... мне ждать еще гостей?

Интересно претендент номер два на наследство через мою руку тоже ворвется в мою жизнь с ноги и начнет унижать и надсмехаться, как претендент номер два.

На минуточку. Всего лишь на минуточку, я задумываюсь, а может ли мой Кирилл быть тем самым Соколовым?

Не-е-ет. Ну, нет! Точно нет!

Они с этим белобрысым ни разу не похожи. А внуки должны иметь хоть какую-то общую черту.

Ой, я сейчас станцию проеду!

Чудом успеваю выскочить в закрывающиеся двери, спешу по эскалатору вверх, чтобы не опоздать, и тут звонит телефон.

Кирилл! Мой Кирилл!

Вот только радость от звонка сменяется беспокойством, когда я слышу совсем не бодрый, а сиплый голос в динамике.

— Ты, случайно, не заболел? — волнуюсь я. Он вчера, ведь, в бассейн за мной прыгнул и с мокрой головой в машину сел.

Говорит, что в порядке и предлагает поужинать после работы. Честно, мне очень хочется и я уже готова крикнуть: “Да!”, но внутри что-то бунтует.

И я знаю, что это. Чувство вины.

Как можно гулять то тут, то там, когда Варя в больнице? Это отрезвляет и избавляет от сердечек в глазах. Зато настоящее сердце начинает стонать.

Я колеблюсь, потому что очень не хочу говорить “нет”. Я хочу его увидеть, но....

Обещаю, что обязательно отвечу ему позже, когда разберусь с делами. И весь день хочу с поникшей головой, терзаясь между тем, что хочу, и тем, что должна. А должна я быть рядом с Варей, хоть в реанимацию и не пускают. Ну или сидеть дома, но никак не радоваться жизни в компании мужчины мечты. Я вообще не имею права забываться, пока ей не сделают операцию. А он подождет меня? Да как вообще о таком можно просить? В край я обнаглела....

Во рту горько. В горле ком. Но я втягиваю воздух и запрещаю себе плакать. Кислое лицо замечает Петрович и отчитывает. В носу начинает щипать. Не заплачу. Улыбаюсь и обещаю, что этого не повторится.

Скоро конец смены, нужно что-то ответить Кириллу. Воспользовавшись отсутствием гостей, иду в раздевалку, чтобы взять телефон. Нужно написать, что не могу, но останавливаюсь в последний момент.

Что если ему рассказать? Он ведь не человек с улицы. У него есть сила и власть. Может быть, он сможет договориться со врачами. А, может, посчитает меня мошенницей, которой уже считал однажды?

В любом случае, разбитое сердце ничто по сравнению с возможностью вырвать шанс для Вари. Так и поступлю.

Набираю его номер, но в этот момент даже представить себе не могу, чем закончится наша встреча.

Глава 18. Роковая ночь

— Алло, — голос Кирилла еще хуже, чем раньше.

— Что с тобой?

— Апчхи!

— А говорил, что здоров.

— Кажется, наш ужин лучше перенести, — смеется и тут же кашляет.

Смешно ему, а вот я волнуюсь. Не похож он на того, что будет плакать от легкой простуды. Видимо, серьезно простудился. Как бы воспаление легких не подхватил.

— Ты к доктору ходил? \

— С насморком? — опять смеется, а голос, зараза, болезненный.

Мда, и кого я к врачу пытаюсь отправить. Он, наверное, даже если руку сломает, сам себе гипс наложит. Хотя меня сразу в больницу отвез.

— У тебя хоть лекарства есть?

— Анальгин считается?

— А температура есть?

— Дай гляну. 39 это много? — опять смеется. Или ему нравится, что я тут место от волнения не нахожу.

— Издеваешься? Выпей парацетамол или что-то жаропонижающее.

— Не люблю химию.

— Она тебя тоже не любит. Но зато отлично поможет. Если не выпьешь сам, я лично накормлю целой горстью таблеток, — шиплю на него.

— Это вызов?

— Предупреждение.

— Может, тогда приедешь?

Пауза. Я зависаю. И он почему-то тоже.

Я-то понятно почему. В дом к мужчине, которого уже в какой-то степени, подпустила к себе, теперь в качестве простой гостьи не появишься. Но, с другой стороны, кто я буду, если не позабочусь о нем.

— Приеду.

— Не надо, — говорит мы практически хором.

— Не надо? Почему? — хмурюсь я.

— Заразишься.

Вот теперь смешно мне.

— Не переживай, иммунитет у меня не убиваемый. Закончу смену, зайду в аптеку и приеду, — говорю ему.

Молчит. Почему?

— Максимум тогда захвати. Две.

Вот же перестраховщик.

— Хорошо, — отзываюсь я, кладу трубку и возвращаюсь к работе.

А уже через полчаса бегу через аптеку к адресу, указанному в смс. Лекарства, зараза, оказываются очень дорогими. Но скупиться на Кирилла я не могу, когда он болен. Лучше ночью возьму дополнительный столик в клубе и заработаю чай.

Вот он шикарный ЖК, дядечка в форме на посту. К счастью, он предупрежден о моем

визите и уточнив одно лишь имя, пропускает к лифтам.

Вот и нужна дверь. Немного нервничаю, хотя еще пять минут назад была решительно настроена залечить до смерти. То есть поставить на ноги.

В общем. Ноги в руки и вперед. Нажимаю кнопку звонка.

Когда дверь открывается, убеждаюсь, что Кирилл, действительно, болен. И куда сильнее, чем кажется. Но даже в таком своем состоянии он остается дико привлекательным, еще и пахнет так вкусно, будто только что вышел из душа. Судя по волосам, так и есть.

И кто купается с температурой.

Начинаю атаку с порога, самая удивляясь собственной наглости и смелости. И вот уже через несколько минут краткой инструкции, хозяйничаю в его кухне, как в своей. Сначала кипяток для “Тера-флю”, а себе чай. Потом узнается, что наш мажор сегодня еще и голодный. Хочет заказать доставку, но я нахожу заготовки для супа. А его домработница молодец. Даже говяжий бульон заморозила в порциях. Вот его и приготовлю.

Пока водичка булькает, Кирилл зовет меня на диван, чтобы глянуть фильм. К сожалению, понимаю, что на полнометражный не смогу остаться — работа в клубе. Но пока что обозначаю необходимость ухода просто “делами”. Решаю глянуть короткую серию ситкома, а в голове бесконечные мысли.

Я ведь хотела о Варе рассказать. А он болеет. Но сейчас, вроде, лучше. Надо.

Только оборачиваюсь, как замечаю, что хозяин дома чуть ли не спит. Живо прикладываю ладонь ко лбу — горит. Парацетамол и мокрое полотенце на лоб. Открывает глаза, и ловит меня близко-близко. Улыбается, а у меня все внутри переворачивается, когда он так смотрит.

— Ты осторожнее, а то я влюблюсь, — вроде шутит, а внутри такая буря поднимается, что я краснею от макушки до пят. Хочу постараться, но от нервов цепляюсь за диван и буквально падаю на него.

Не ворчит. Обнимает, словно кутается в меня, а я кутаюсь в него. Не хочу отстраняться, не хочу отходить. Ищу малейший повод быть рядом. Касаюсь его лба. Остыл. И взгляд уже куда яснее, но при этом еще пристальней. Переходит с моего лица на плечо, и я замечаю, что футболка сползла.

Он наклоняется, обжигает это самое плечо дыханием и целует так, что по телу волнами идут мурашки. Поднимается выше к шее, и вновь опускается вниз, но я не выдерживаю и ловлю его губы.

— Заболеешь, — предупреждает он, хотя выглядит сейчас так, будто убить готов за этот поцелуй.

— Неа, — отвечаю ему, и кажется жажда побеждает убеждения.

Кирилл впивается в мои губы, так, что перехватывает дыхание. Я чувствую, как его язык чувственно ласкает меня и издаю невольный стон. Даже не сразу понимаю, что это была я. Зато Кирилл прекрасно ориентируется. Тянет меня на себя, заставляя ли не сесть верхом. Запускает руку в мои волосы. Второй рукой прижимает меня к себе, позволяя ощутить тепло и упругость его тела своим животом, и совершенно теряю контроль. Горю. Неистово. Неимоверно.

Нужно остановиться, но он и опомниться не дает. Одним движением укладывает меня спиной на диван. Его крепкие руки сжимают бедра, и внизу живота происходит что-то такое, что я не могу назвать иначе, как вожделение. Это пугает, но лишь на секунду. На затем я вновь теряю себя, когда его поцелуи прокладываю пылающую дорожку от шеи до

ключиц и ниже.

Что он делает со мной? Почему в его руках я превращаюсь в податливый воск? Почему совершенно не боюсь растаять без остатка, когда еще совсем недавно я клялась себе, что лишусь девственности только с тем, в ком буду уверена.

Я уверена в Кирилле? Я, ведь, едва его знаю.... Так откуда же чувство, что все, что сейчас происходит, правильно? Что все так, как должно быть. Что я об этом не пожалею.

А если и пожалею... то....

Ахх! Я выгибаясь, когда ощущаю его пальцы у себя между ног. Пытаюсь понять, когда осталась без штанов, но мозг отказывается думать. По телу идет новая и новая волна мурашек. Я прикусываю губу. Цепляюсь пальцами в крепкие обнаженные плечи. Я умираю от желания.

Ба-дах!

Что за звук? Что-то разбилось? Мы зацепили стакан? Кирилл пофиг, и мне тоже.

Дилинь!

Звонок в дверь проносится мимо слуха, потому что мы слишком сконцентрированы на себе.

Дилинь! Дилинь! Дилинь!

Черт возьми! Я не хочу останавливаться, но это вторжение дает мне шанс опомниться хоть на мгновенье. Поцелуи Кирилла уже спускаются по животу. Дилинь!

— Постой, — хочу прошептать, но хриплю, потому что во рту все пересохло. — Там кто-то пришел.

Не останавливается. Мучает меня. Пытает.

— Кирилл....

Дилинь-Дилинь!

Отрывается. Такой злой, что кажется, что сейчас вынесет эту дверь и порвет на части того, кто пришел. А я пользуюсь ти моментом, чтобы хоть немного прийти в себя и подумать, правильно ли сейчас поступаю. Мое тело уже решило, но мозг должен включиться. Должен!

— Я на минуту, — говорит мне Кирилл, целует в лоб и идет к двери, попутно застегивая штаны.

Я оглядываю опьяневшими глазами комнату, отчаянно пытаюсь прийти в себя. Прикрываюсь, потому что вдруг резко становится холодно. Без него.

Черт! Стакан действительно разбился. Нужно собрать.

Ай! Режу палец об осколок и тут же рефлекторно прижимаю к губам.

— Порезалась? — возвращается Кирилл с пакетом еды. Все-таки вызвал доставку.

Бросает продукты на стол и спешит оглядеть мой палец. Внутри все еще пылает. Я его дико хочу, и он меня тоже, но решает, что палец важнее.

— Ничего не трогай. Я сам потом уберу, — подхватывает меня на руки и относит в кровать. А я чувствую себя самой счастливой маленькой девочкой.

Вот и аптечка. Перекись водорода. Пластырь. Его легко дуновение и поцелуй. Вновь по телу волна. Да что же он делает со мной.

Телефон. На этот раз мой. Да что же они все сговорились что ли?!

И звонит... Мегера!

— Не отвечай, — говорит Кирилл, но прикусываю губу и качаю головой.

— Я должна.

Выскальзываю из постели, и захожу в ванную, чтобы он не слышал, как на меня орут. Мегера, действительно, не в духе. Опять кто-то заболел. На этот раз из официантов. Ну что ж я и так планировала взять сегодня больше столов.

— Приезжай пораньше.

— Пораньше не успею, — говорю честно, потому что, даже если сейчас побегу, то приду ровно к смене. И как я могла совершенно потерять счет времени?

Мегера шипит, но сделать ничего не может.

Кладу трубку, наспех привожу себя в порядок и выхожу в спальню. Кирилла нет. От одной мысли, что с ним придется расстаться, во рту горечь. Но что я могу? Сейчас только скажу все, что хотела сказать, и пойду.

Где же он? Вот. Копаются на кухне, и при этом с кем-то говорит по громкой связи. Не хочу подслушивать, но голос который я слышу сразу же вызывает панику. Стас.

— В общем, я сначала сомневался и не стал тебе говорить, — говорит Стас.

— Стас, давай не сейчас.

— погоди! Глянь фото.

Кирилл делает пару глотков воды, нехотя щелкает по экраны и застывает. Каменеет, а стакан в руке идет трещинами.

— Прости, Кир. Я бы раньше сказал, но не был уверен, что это твоя Золушка. А теперь ты сам видишь. В общем, она не та, за кого себя выдает. Забей на нее, вытрахай и выбрось. Кир? Кир? Ты меня слышишь?

Кирилл слышал. И я слышала. Стояла в дверях, боясь даже представить, о чем именно идет речь, но стало дико страшно.

Особенно от того яростного взгляда, который кинул в меня Кирилл.

Хрусть! И бокал рассыпался в его руке.

Глава 19. Дрянь!

“Что происходит?” — этот вопрос так и остался несказанным, зато читался в моих глазах. А вот лицо Кирилла выражало куда более пугающую версию “Какого хрена?”.

Он даже не обратил внимание на то, как капли крови падают с его ладони на мраморную столешницу в немой тишине.

— Твоя рука... — кидаюсь я, но он отдергивает ее, будто я в миг стала прокаженной. Несколько бесконечно долгих секунд пилит меня таким взглядом, будто разбирает на составляющие и изучает. Что он хочет во мне найти?

— Ты кто такая?

— Что? — невольно отступаю я, но он хватается за руку и вновь тянет на место.

— Я спросил, кто ты такая?!

— Да, о чем ты говоришь? Пусти! Мне больно!

В глазах вспыхивает дикое пламя, но Кирилл все-таки отпускает мою руку. Хватает телефон и тычет им прямо в лицо.

— Что это, Лера?

Что это? Хотела бы я сказать, но попросту онемела. Нет! Я хотела бы это развидеть, ведь на фотках мой ночной клуб и я в откровенной одежде. Возле шеста в идиотской позе. Затем с высоким приставалой, из-за которого упала, а потом и в обнимку с другом Кирилла — Стасом. И к моему ужасу эти фотки, сделанные клубным фотографом, выглядят совсем не так, как все было на самом деле. Я на них как полная дрянь!

— Это... это..., — с трудом заставляю себя говорить, когда слезы сковывают горло. Кирилл терпеливо ждет. Десять секунд! Не больше. А затем швыряет телефон в пол и рычит:

— Убирайся!

— Что?

— Пошла вон! — еще один грудной рык.

Я четко слышала и первую его фразу и вторую, но не могу сдвинуться с места, словно ноги приросли. Надо что-то сказать, надо оправдаться.

— Кирилл...

Вместо ответа он хватается за заспястье, которое все еще болит, толкает к двери, а затем швыряет мне в лицо мои джинсы.

— Чтобы через минуту духу твоего здесь не было!

Он хлопает дверью и скрывается в ванной. Там что-то еще ломается и бьется, а я стою, как оторопелая. Смаргиваю, и понимаю, что меня не выслушают, даже если сейчас на коленях приползу.

А что я сделала? Он спрашивал о работе? О моей жизни? Он придумал мне образ которому я не соответствовала и даже не дал шанс объяснить! Я, конечно, тоже молодец. Остолбенела в самый важный момент. НО он бы не умер, если бы дал мне пару минут, на то, чтобы собраться.

Слезы прорывают глаза, я натягиваю джинсы, хватаю сумку и убегаю босая, прихватив обувь в руки. Всю трясет. Будто меня скинули с крыши девятиэтажки, а я выжила. Нет. Я разбилась. Насмерть. И сейчас расколотое сердце делает свои последние удары.

Знаю, что виновата сама. Знаю, что должна была ему все рассказать, но почему он не дал мне шанса объясниться.

Падаю на ступени лестницы и плачу. Зажимаю рот рукой, чтобы не издать и звука, но всхлипы прорываются все сильнее и сильнее. Как же больно! А ведь едва ему не отдалась. Я ему верила, доверяла, а он мне — совсем нет.

Не знаю, сколько я сижу на лестнице, прихожу в себя, когда телефон в пятый раз разрывается от звонка. Уже не рыдаю взахлеб, но слезы все еще тихо топят щеки.

Мегера.

Надо взять трубку. Надо ответить. Смотрю на время и понимаю, что я потеряла все. “Простите, сейчас буду” — пишу ей и еду в проклятый клуб.

Она орет, но я уже не чувствую ничего. Соглашаюсь на все переработки и иду в толпу. Не слышу музыку, не вижу лиц. Все плывет. Я ненавижу эту жизнь. Я ненавижу себя.

Утро, когда не хочется просыпаться, но нужно. Первые мысли — о Кирилле. Нет. Так не пойдет.

Я запрещаю себе думать о нем. Напоминаю себе, кто я, и какие у меня цели. И обещаю своему мертвенно-бледному отражению в зеркале, никогда больше не забывать, что для меня самое важное. Никакой любви. Никаких надежд. У меня есть только я. А у Вари только мы с мамой.

Это мне наказание за то, что позволила себе быть счастливой.

— Все в порядке? — пугается мама, с трудом узнав в зомби свою дочь.

— Просто устала, — вру ей, и кажется, она чувствует, но не пытается меня.

Еду на работу в кафе, а в разуме крутятся темные мысли. Мне нужна работа еще одна. Или две. Так, чтобы я спала не больше шести часов, зато заработала побольше.

Петрович, Светка, бармен. Плевать, что говорят. Вот стейшн, поднос, клиенты. Я не хамлю, я вежлива и очень отзывчива, а о сверкающей улыбке не просите меня хотя бы пару дней, пока сердце не заживет. Хотя, там, кажется, нужно накладывать швы.

Я думала, что расставание с козлом Колей было болезненным. Мы ведь несколько месяцев встречались. Нет. То был детский вздор. Обида. Уязвленная гордость. А здесь — адская прожигает до костей боль. Неумолимая. И кажущаяся бесконечностью. Но время лечит, и я выздоровею.

— Лер, у тебя там телефон разрывается, — подходит Светка, смотрит на меня с опаской, как на душевно больную. Киваю, прошу присмотреть за моим столиком пару минут, и ухожу.

И, правда, чуть не разорвался. Пять пропущенных. От... Кирилла....

И смс: “Надо поговорить”.

Сначала внутри все взрывается тысячей фейерверков, а потом остывает холодными углями. С чего я взяла, что он скажет мне что-то хорошее? А если он зовет только для того, чтобы высказать мне то, что думает. Какая я дрянь и Дальше не хочу продолжать.

Ответить?

“Давай”.

Наверное, у меня совершенно нет гордости.

“В 15.00 у заднего входа в кафе”.

В 15.00 не так-то просто выйти с рабочего места, но теперь его такие вещи, явно, не заботят. И зачем я согласилась? Сказала же, что все кончено!

Опять начинаю себя ненавидеть! Хватит. Есть работа. А потом еще в одно место нужно позвонить. Буду решать проблемы по мере их поступления. И не буду больше плакать! Никогда!

Еще звонок. В этот раз от мамы.

— Да, мам, — спешу я.

— Солнышко. — очень уж мне не нравится это голос.

— Мам! Что случилось? Не пугай меня.

— Все хорошо, солнышко. Состояние Вари стабилизировалось. Вечером ее переведут в обычную палату.

О боже! Как камень с души. Кажется, я теперь заплачу от счастья! Хотя....

— Но, ведь, это не все, мам? Что ты мне не договариваешь.

Молчит. И от этого еще тревожнее.

— Из турецкой клики звонили. Донор не намерен ждать больше двух недель.

— Как? — оседаю на пол и прикрываю рот рукой.

— Успокойся. У меня есть план. Если завтра, все выгорит, то в пятницу ты вместо меня полетишь с Варей.

— Мам, что ты задумала? — нет, я вовсе не против, но... — Почему ты не полетишь? Ты ведь лучше меня все знаешь!

— Меня не выпустят за границу.

— Мама, пожалуйста, скажи, что ты не влезла ни в какую аферу.

— Не беспокойся, солнышко. Я все решу. А ты сообщи руководству, что в пятницу улетишь. Поняла?

— Поняла, — соглашаюсь я, но внутри все встает на дыбы. Она точно ввязалась в какую-то гадость! И мне это совсем не нравится. Хотя, я бы тоже на многое ради Вари пошла. Но это я. Меня не жалко. А мама....

— Я тебя люблю, — шепчу ей и кладу трубку.

Припадаю спиной к шкафчику и уже не знаю, где взять сил, чтобы просто дышать. Хочется вырвать себе глаза, сердце и легкие. Но это ничем не поможет. Нужно что-то предпринять. Петровича я уже просила о долге, сто расписок обещала и пожизненную поруку, не прокатило. Может, Мегера захочет рабыню? Поеду к ней сразу после смены или... встану на колени перед тем, кто меня выкинул из дома.

Гордость, честь....

Еще несколько минут мне требуется, чтобы взять себя в руки, а потом иду в зал.

Тут суматоха. Какой-то тип у стойки, и бармен ему что-то упорно объясняет.

— А! Вот она! Лер, тут тебя ищут.

Надеюсь, не полиция нравов. Хотя плевать, и в тюрьму сяду, если денег для Вари дадут.

Подхожу к барной стойке, белобрыся голова оборачивается, и без труда узнаю несостоявшегося жениха Антона Соколова. Тебя-то мне сегодня не хватало. Давай, добей! Хотя, уже, наверное, нечем. И так мертва.

Глава 20. Капкан

— Надо поговорить, — выдает он мне, глядя, как всегда, свысока, словно я букашка под его ногой.

Да что ж за день сегодня такой?

— Мы с вами уже поговорили.

— Сядь, — целый приказ. И я... сажусь. Нет у меня сил сопротивляться и спорить. Пусть говорит, что хочет, а я потом буду решать проблемы.

— Меня могут оштрафовать. Давайте быстрее, — говорю ему, но даже представить не могу, что он собирается сейчас заявить.

— Мы поженимся, — заявляет Антон с таким видом, будто все уже решил.

— Я уже сказала вашему дедушке, что не выйду замуж, — говорю монотонно и скупно. И плевать, нравится ему мой тон или нет. Просто хочу, чтобы он уже ушел туда, откуда пришел.

— Мне всегда было интересно, чем вы, бедняки, думаете, когда принимаете решения, — хмыкает тип. — Перед вами открывается столько возможностей, а вы цепляетесь в свой поганый мирок, будто он чего-то стоит, — продолжает философствовать Антон, выдавливая в левом уголке губ кривую ухмылку. — Мозгами, дурочка, подумай. Когда еще тебе выпадет такой шанс?

— Какой шанс? Стать женой богатого мудака? — так и хочется спросить у него, но вовремя прикусываю язык.

Лучше просто уйти. Тем более Кирилл вот-вот приедет. Нужно попробовать решить вопрос. А если не получится, идти к Мегере.

— Думаю, разговор окончен, — говорю ему, поднимаясь с места.

— Сядь! — приказывает он таким тоном, что я вздрагиваю.

Хотя, плевать....

— Твоей сестре ведь нужна операция? — бросает он мне в след, и я застываю на месте.

— Откуда вы..?

— Мы подпишем договор. Тихо. Только между нами. Ты выйдешь за меня замуж, как того хочет дедушка, и будешь играть роль моей жены до самой его смерти, — говорит он пугающие вещи. — А проживет он недолго, не волнуйся.

От последних его слов все внутри застывает. Это так внук любит своего деда? Хотя, у них там вся семья, судя по всему, “того”. Иначе бы они не лезли в мою жизнь. И какого только лешего я поперлась в тот день на кладбище?

— Засуньте себе это предложение в задницу! — хочу прорычать, но застываю.

А, может быть, это и есть тот шанс?

— Я должна с вами спать?

Ухмыляется гад. А меня сейчас стошнит.

— На мое усмотрение.

От его ответа на глаза наворачиваются слезы.

— Вы сказали “фиктивный брак”. Значит, близости не будет. — пытаюсь выиграть хоть что-то.

— Ты, видимо, не поняла. “Да” — и сестра жива и здорова. “Нет” и она ни в одну клинику не попадет, даже за самые большие деньги! Ты меня поняла?

— Да что же вы за человек такой? — вспыхиваю я.

Скалится урод.

— Слушай меня внимательно, девочка. Откажешься, и жизнь тебе адом покажется. — угрожает он, и я понимаю, что не могу ему ничего противопоставить. Кто он? Кто я? И куда мне бежать?

К Мегере? К Кириллу? А если ему не нужны мои проблемы. Если он отмахивается от меня?

Я даже не знаю, о чем именно он хочет сейчас поговорить. Считает меня непонятно кем, а такая приду и скажу “мне тут тип угрожает, замуж зовет. Кстати, дай денег на перелет и операцию”.

— Ну? — тянет Антон. — Выбираешь красную карточку или зеленую? Лакшери жизни и живая сестра или нищета и мертвая сестра?

Какой же мерзавец!

— Мне нужен ответ сейчас. У тебя ровно 10 секунд.

— Что?!

— Десять, — достает телефон.

— Это нечестно!

— Пять. Четыре. Три. Два. Видимо, ты желаешь смерти сестре. Один!

Глава 21. Брат

— Брак, но без близости! Только так! — выпаливаю и зажмуриваюсь.

Тишина.

Открываю глаза и с опаской смотрю на довольное противное лицо Антона.

— Не так уж и хотелось. По рукам.

— Дайте гарантии, что Варю в ближайшее время отправят в Турцию, а вы оплатите все необходимые расходы на перелет и операцию!

— Не вопрос. Подпишем каждый пункт. Но помни, о нашем договоре никто не должен знать. Только ты и я. Иначе... — говорит он, не оставляя мне совершенно никакого выбора, а затем достает из кожаной сумки черную матовую папку. — Читай.

Швыряет ее мне как кость собаке. И я эту самую "кость" беру. Глотаю собственную гордость и читаю пункт за пунктом.

Сколько же букв. Как кредитный договор в банке.

Так, нужно маме позвонить, чтобы она не вляпалась туда, куда собралась вляпаться.

— Тут нет даты операции, — говорю я.

— Так впиши ее в свободное поле. Оно там для того и существует.

Напрягаю извилины и пишу: “организовать перелет и начать обследование с целью проведения операции в течение 7 дней с момента подписания договора”. Надеюсь, не ошиблась.

— Подписывай. — торопит Антон.

И я сжимаю проклятую ручку и ставлю свою подпись. Вот и все.

— Иди за мной.

— Куда?

— Без вопросов. — командует, будто собаку дрессирует.

— У меня работа.

— У меня тоже работа, но я ошиваюсь тут. Не зли. Я вообще-то жизнь твоей сестре спасаю. Так что будь умницей. Играй роль покорной невесты и не заставляй меня нервничать. Тебе лучше не знать меня в гневе.

Сглатываю ком обиды и иду за вещами. Петрович не доволен неожиданным отгулом, но сильно не рычит. Видимо, по виду понимает, что еще немного, и я либо взорвусь, либо рухну без чувств. А может сначала первое, а потом второе.

Бросаю взгляд на часы и понимаю, что через пять минут у заднего входа будет Кирилл. Но я его больше не увижу. Никогда.

Боль карабкается по горлу, и я велю себе не думать сейчас о нем. Не думать вообще о нем.

У Антона зеленый спорткар змеиного оттенка, в точности выражает нутро хозяина. И ездит он как змея, виляя между полосами и всех подрезая.

Обычно я боюсь высокой скорости, но сейчас не страшно. Напротив, мне нужен этот адреналин, чтобы хоть как-то заглушить боль. Но она все равно не стихает. Ни на секунду.

— Выходи. — командует Антон, когда спорткар с визгом тормозит у огромного загородного дома.

Молча выбираюсь из низкой машины, едва ли не ударяясь лбом о стойку над дверью.

Гляжу на особняк размером со всю мою бывшую школу, но как-то не до любований. Я

знаю, зачем мы здесь, и от этой мысли ноги становятся ватными.

Я не хочу идти! Не хочу.

Напоминаю себе, что стою на кону. Особенно пункты про неустойку лучше всего помогают мне принять решение, и я вхожу в дом мимо прислуги.

Из-за того, что женщина склоняет голову, я автоматически повторяю движение, после чего слышу фырканье Антона. Неудивительно. Он — царек, а все вокруг плебеи.

Взгляд сухо проходится по интерьеру, который я видела разве что в фильмах про элиту. И ведь когда-то мечтала о таком, а теперь.... Не нужно мне все это.

— Позови всех, — командует безымянной прислуге Антон.

— Они уже в гостиной, — сообщает женщина, и “жених” переводит взгляд на меня. Мол, чего застыла, дуй давай.

О боже! Как я его вынесу, когда мне хочется сбежать каждую секунду, что я рядом с ним?

Выбора нет, киваю и переступаю порог.

— Улыбайся. — шипит он мне, сквозь зубы, а затем “переобувшись” на ходу с пугающей теплотой и приветливостью спешит к членам семьи.

Из всех них я знаю лишь одного — Валентина Игоревича. А рядом еще, судя по всему супруги. Держатся вместе, одного возраста где-то под пятьдесят, хотя очень ухоженные оба. Мужчина в клетчатой жилетке. Весь мягкий как пластилин, а вот женщина колется острым взглядом.

— Лера? — хмурится Валентин Игоревич, явно, не ожидавший моего прихода.

Логично, учитывая, что я наговорила ему в прошлый раз.

— Дедушка, мама, папа, — перечисляет всех присутствующих Антон, а затем подходит ко мне так близко, что хочется отстраниться, но я заставляю себя держать на лице подобие улыбки.

Помни о Варе! Помни!

— Позвольте представить вам мою невесту, — заявляет Антон, и лица, на которых все это время было замешательство, вытягиваются в удивлении. — Валерия Звягина.

— Поздравляю, сын! — первым реагирует отец. Он встает, чтобы пожать Антону руку, а вот его супруга так хлопает ртом, что мне кажется, что из него льются неслышимые ругательства.

— Этот проходимец тебе ведь не угрожал? — вдруг спрашивает у меня Валентин Игоревич, и только сейчас я понимаю, что его выцветшие глаза без труда видят мой испуг.

— Нет, конечно, — выдавливаю я из себя, поймав предупреждающий взгляд “жениха”, и спешу улыбнуться.

Вряд ли у меня получается нормально, дедушка хмурится, а я чувствую себя так мерзко, будто в лужу к головастикам провалилась. Ненавижу врать старшим. Тем более глядя в глаза.

— Дедушка, твои слова режут острее ножа. Мы просто познакомились поближе, по твоему совету, — спешит заверить Антон.

Да он спец по вранью! Даже я почти поверила. А каким слащавым бывает. Аж передергивает!

— Ну что ж, я надеюсь, вы знаете, что делаете, — выдает глава семейства, внимательно глядя на меня, и Антон напрягается.

Ага, дед, видимо, хорошо знает своего внука.

— И? Когда свадьба? — суетится отец, чтобы развеять напряжение.

Он так рад, будто ему в невестки золотая антилопа досталась, а не официантка со школьным аттестатом вместо красного диплома ВУЗа.

— Думаю, чем раньше тем лучше, — отвечает Антон.

— Сынок, зачем же торопиться? — спрашивает глава семейства.

А мать Антона тем временем рассматривает меня с такой брезгливостью, что становится понятно: она предпочла бы сделать ставку на другую невестку. И это мягко сказано. Я чувствую себя не просто мышью в ее глазах, я чувствую себя насекомым, которого она бы с удовольствием раздавила, да только боится испачкаться.

О боже, и эта женщина станет моей свекровью? Пусть и фиктивной.

Ничего. Я вынесу. Я все вынесу, лишь бы операцию Варе сделали.

— А зачем откладывать? Папа, вам, ведь, нездоровится. Разве не хотите погулять на свадьбе перед госпитализацией, — тем не менее выдает она.

Ненавидит, но свадьбу торопит. Странно....

— Привет семейству! — раздается до боли знакомый голос, и я напрягаюсь до кончиков пальцев.

Не может быть! Мне послышалось?!

Стремительно оборачиваюсь и застываю, глядя, как в огромный зал входит высокий, статный шатен с ленивой улыбкой, но строгим, опасным взглядом. Кирилл?

Мне он мерещится? Слишком натурально мерещится! Внутри все вновь разрывается в клочья.

— Лера? — хмурятся его черные выразительные брови, и я вздрагиваю от убийственного, не понимающего, что тут происходит, взгляда.

Нет! Только не это!

Почему он здесь?

— О, брат. Так ты знаком с моей невестой? — бросает Антон с какой-то ледяной, режущей ухмылкой, и воздуха в помещении становится значительно меньше.

Брат?!

Глава 22. Это была игра?

Как Кирилл мог оказаться братом этого ненормального? Это похоже на дурной сон. Но я не сплю. Весь этот кошмар взаправду.

Съезживаюсь от пронзительных глаз Кирилла. Мне кажется, что даже воздух леденеет, когда этот мужчина переводит взгляд на Антона. Что происходит между ними двумя?

— Антон, какого черта? — обходится без реверансов гость, и я вздрагиваю от злости в его низком голосе.

— Я же сказал, это моя невеста, Лера, — с каким-то садистским удовольствием выдает “жених”, и взгляд Кирилла становится таким страшным, что я невольно пячусь.

Даже подумать боюсь, какие мысли приходят ему в голову. Хочу все объяснить, но одергиваю себя. Договор....

— Кирилл, — звучит едва слышный голос Валентина Игоревича, но Кирилл реагирует не сразу.

А я не дышу. Смотрю в испуге в карие глаза, не зная, как выбраться из этой западни!

— Папа, вам плохо?! — раздается нервный женский голос, и я тут же оборачиваюсь.

Валентин Игоревич откидывается на спинку бархатного дивана, держась за грудь.

— Сердце? — пугаются все вокруг без исключения, и позабыв обо мне, кидаются к дедушке. Я следом за ними, но госпожа Соколова отмахивается от меня одной рукой.

— Звоните Виталию Аркадьевичу! Чего вы застыли?! — отчитывает Кирилл, и отец Антона тут же достает мобильный.

В этой суматохе, я совершенно обо всем забываю, и думаю лишь о том, как помочь дедушке, но так и остаюсь бесполезной.

— Скорее сюда! — суетятся хозяйева, когда в доме, появляется наряд скорой помощи.

Вот это они быстро. Будто за углом дежурили!

— Сейчас тебе лучше уйти, — оттягивает меня в сторону Антон.

Я киваю, словно в трансе, и шагаю к выходу, не отрывая глаза от медиков и Кирилла, который единственным из всех пытается хоть как-то помочь. Впервые вижу его испуганным, но при этом все равно сосредоточенным и готовым действовать в любой момент, а не разводить руками и причитать, как остальные.

— Капельницу! — командует врач двум медсестрам, а затем заверяет семейство. — Все под контролем, не волнуйтесь!

И меня отпускает после этих слов. Теперь я иду уж на ватных ногах прочь, и в переполошенном сознании остается лишь один образ — Кирилл. Почему все сложилось именно так?

— Между тобой и моим братом что-то есть? — изгибается бровь Антона, когда он выводит меня к машине.

Вот же блин! Я совсем забыла о своем “женихе”. Идет тут как тень.... очень злая, между прочим, тень!

Сколько агрессии. Вы гляньте! Только это не ревность. Это... соперничество?

— Нет, — отвечаю я, и практически не лгу.

Технически не лгу. А мои чувства — только мои. То, что могло случиться все равно уже не случится. Особенно после того, что сейчас произошло.

— Помни про договор, — предупреждает Антон и бросает надменный взгляд, когда я

сажусь в черный автомобиль.

Благо, стекла в нем затонированы так, что меня не видно, а передние сидения отрезаны перегородкой.

Я тихо плачу, зажимая рот рукой, чтобы не издать и звука. В голове пчелиным роем жужжат мысли. Пытаюсь сопоставить одно с другим. Как этот мир может быть так жесток?

Я встретила мужчину мечты, и пусть между нами все стало ужасно, но я никогда не думала, что окажусь невестой его брата.

Ах!

Меня словно прошибает, когда в памяти всплывает один скользкий разговор. Тот самый, что я невольно подслушала в клубе.

Как Анон тогда сказал? “Хуже всего, что кто первым из нас с Кириллом женится на этой безродной дурочке, того и тапки”?

Точно! А раз его Кирилл — это мой Кирилл, выходит.... НЕТ!

Не может быть!

Он не мог со мной все это время играть ради наследства! Не мог!

В груди становится так больно, что я не могу сделать вдох. Это уже не душевная боль, а настоящая физическая. Кажется, я сейчас задохнусь!

Закрываю глаза и пытаюсь сделать вдох. Успокоиться. Начать дышать по капле.

Да. Так чуть-чуть лучше. Щемит, но уже не убивает. Черт!

Выходит, я все это время была игрушкой? Кубком, за который боролись ради наследства? Боже, какая же я дура! А зачем еще этот мажор пошел бы за такой, как я? Любовь?!

Мама, как же ты мне нужна.

Едва откидываюсь на спину, как автомобиль тормозит настолько резко, что по инерции я поддаюсь вперед. Тормоза визжат. Культурный, с виду, водитель выкрикивает ругательство.

— Что случилось? Авария?! — пугаюсь я, но за перегородкой тишина.

Зато моя дверь открывается так, будто ее хотят вырвать с корнями. Кидаю испуганный взгляд на улицу и вижу Его! Обманщика!

Глава 23. Лжец! Лгунья!

От одного взгляда на него, внутри все бурлит. Обида мешается с яростью. Хочется кричать и плакать, и я с трудом заставляю себя держаться.

— Выходи! — командует Кирилл, глядя на меня сверху вниз. Желваки играют. Взгляд режет ненавистью.

Выхожу. Мне тоже есть, что сказать. Но кто начнет первым, и так понятно.

— Что это было, черт возьми?! — рычит Кирилл. — Ничего не хочешь объяснить?

— А сам? — шиплю на него. Хочу смотреть с такой же надменностью и презрением, но в глазах предательски блестят еще не остывшие слезы.

— Я?! — ведет бровью.

Ноздри раздуваются, желваки играют. Да он убить меня готов.

— Да, ты! Ты ведь из-за наследства ко мне подошел, а я дура....

— Лера, не мели ерунды! — отсекает так, что я вздрагиваю. — Я понятия не имел, что девчонка, о которой говорит дед, это ты! Я разве похож, на того, кто женится из-за денег? — рычит он, а затем глаза становятся еще опаснее. — А вот ты, Лера, не перестаешь меня удивлять. И разочаровывать.

— Что?!

— Твою мать! Как же я в тебе ошибался, — качает головой, отходит, будто говорит уже не со мной, а с пустотой. Сжимает кулаки. А мне становится страшно, потому что я понимаю, что в любой момент он может взорваться.

— Девочка, для которой не все решают деньги? Гордость, самоуважение, достоинство? А оказалась съемной танцовщицей из клуба еще и продажной невестой! — последние слова он выплевывает мне лицо, и внутри все обрывается.

Чувство, будто с неба сейчас начинают срываться не капли дождя, а настоящая серная кислота, которая разъедает все на своем пути. Больно так, что дышать не могу, что дышать не могу.

А самое мерзкое, что в какой-то мере Кирилл прав. Не в танцах, а в том, что я пошла на сделку с его братом ради денег для Вари. Но разве он поступил бы на моем месте иначе?!

— Все не так, — с трудом поворачиваю онемевший язык и тут же прикусываю его.

Я не могу рассказать правду.

Договор. Неустойка. Варя.

Три слова, как три выстрела в голову.

— А как, мать твою, Лера? Как? — не спускает оборотов Кирилл. Такой бешеный, что мне должно быть страшно. А мне больно. — Еще скажи, что и за брата ты моего не выходишь, и то, что сейчас было, мне, блядь, привиделось! Ты вообще сколько его знаешь? День-два? Или ты крутила с нами обоими? Спала с ним?

Хлопок.

Я не сразу понимаю, что это моя рука рассекла воздух и проехала прямо по щеке Кирилла. Я тяжело дышу, будто после марафона, пальцы начинают гореть, а потом я понимаю, что натворила.... Мама всегда говорила, что ударить мужчину по лицу все равно что убить. Сразу обоих. И я это сделала.

Низ живота сводит от страха, но Кирилл вовсе не собирается тягаться со мной в силе. ведет челюстью, кивает сам себе. А без слов читаю все мысли, что обитают в его голове. Я

дрянь по его мнению, да?

— Ты прекрасно знаешь, что я ни с кем не спала! — цежу ему.

— Разве? — усмешка с ядом.

Я не смогу этого больше вынести. Давлюсь слезами и хочу поскорее сбежать, но Кирилл в один момент тянет меня обратно.

Грубо, жестко прижимает собой стенке автомобиля.

— Я тебя не отпускал! — голос свиреп, в глазах смертный приговор.

— Кирилл Александрович, — жалобно раздается голос. Кажется, водитель решил, что пора вмешаться.

— А я разрешения не спрашивала! — цежу ему с такой же ненавистью.

— Лера! Не зли меня. — предупреждает он, но поздно. Я как граната, у которой только что чеку сорвало. Пусть все тут в клочья разнесет вместе со мной!

— Иначе что? — задираю подбородок, чем бешу его еще больше. — Давай, покажи свою истинную суть!

Молчит, но мне кажется я слышу грудной рык. Да и вспыхнувший взгляд, куда ярче слов. Кажется, я зря это лягнула. Очень зря....

Глава 24. Осколки

Еще несколько секунд Кирилл пилит меня гневным взглядом, будто разбирая на запчасти, а затем отступает. Отшатывается как от прокаженной.

— До дома ее довези, — командует мертвым голосом побледневшему водителю, уходит к своему авто, и так хлопает дверью, что я вздрагиваю.

Мотор ревет и “Мустанг” с визгом срывается с места.

Я не чувствую ни рук, ни ног. Они будто ватными стали. Словно слепая, на ощупь забираюсь в машину только потому, что другие автомобили начинают сигналить. Не сразу понимаю, что нужно закрыть за собой дверь. Водитель подсказывает.

Больше он ничего не говорит. Не трогает меня. Ведет машину тихо и спокойно, но порой я замечаю сквозь туманное зрение, как он смотрит на меня через зеркало заднего вида.

Что он думает обо мне и кем считает после увиденного, мне все равно. Мои мысли витают где-то далеко в космосе, а потом со скоростью света разбиваются вдребезги о землю.

Слезы катятся тихо. Смотрю на свою ладонь. Кончики пальцев красные и все еще горят после удара. Сердце болит.

Не замечаю, как мы оказываемся во дворе пятиэтажек. Опять водитель подсказывает:

— Пора выходить.

Говорит так тихо, будто меня приступ хватит, если он хоть немного повысит тон.

Благодарно киваю и вываливаюсь на ватных ногах к подъезду. Заходить совсем не хочется. Вообще ничего не хочется.

Разве что... исчезнуть.

— Лера? Доченька, что с тобой? — слышу голос мамы, и тут же поднимаю глаза.

Не хочу, чтобы она видела мои слезы. Это последнее, что мне сейчас нужно.

А еще нужно все ей рассказать про сделку.

Она меня убьет.

Кирилл Соколов:

Гребаная скрипка. Живая музыка в заведении Стаса — излюбленная тема. Но сейчас режет прямо по мозгам. Ну хоть виски тут забористый.

— Еще, — щелкаю официантку и тут же беру наполненный на четверть стакан.

— Ты чего? — вот и друг нарисовался в своем праздничном цветастом пиджаке.

Спаситель от ведьм, черт бы его побрал! И почему так хочется ему вмазать? Сука! Не сделал ведь ничего.

— Ты сколько уже выпил? — хмурится беспокойная душа. — Из-за Золушки своей убиваешься? Слушай, да не стоит она того!

Усмехаюсь. Потому что еще недавно *она*, действительно, ничего для меня не значила. А потом стала значить слишком много. Притом я и сам не заметил, как это произошло.

Только подумать. Сначала чуть не рехнулся, думая, что прибил ее капотом. Меня так триггернуло, что чуть инфаркт не получил. Родители так погибли, когда мне было четырнадцать. Помню, как проклинал пьяного водителя фуры, а сейчас сам едва не убил человека.

Весь извелся, пока ждал вердикт врачей. Пара ссадин и всего-то. Камень с души. Этой

девочке еще ведь жить и жить!

Совсем юная. К тому же красивая. Чертовски красивая. Это я сразу заметил. Глаз наметанный.

Каштановые волосы, бледная кожа, аккуратные и нежные черты лица. Губы пухлые, сексуальные, походу, свои. Грудь троечкой, талия тонкая, ноги длинные. Ну реально красавица, и пахнет обалденно. Персиками. Таковую прям любить и любить.

Не там мы с тобой встретились, девочка. Хотя, кажется, ты не любительница таскаться по клубам.

Хмурится, ругается. Про компенсацию начинает говорить, и тут я смекаю, что девочка вовсе не простенькая. И... взрываюсь внутри!

Она, значит, деньги вышибает, а я инфаркты из-за нее получаю. Нет. Так не пойдет.

Накажу. По всем фронтам накажу!

Хмурится, будто не понимает, о чем идет речь. Голливуд по тебе плачет.

“Не все решают деньги”, — заявляет она, хлопая своими невинными глазами-васильками, и я дурак, в чуть не повелся. Точнее повелся. Даже жалко ее стало. А тут еще туфля в “Мустанге”. Недомошеница-Золушка. Вернуть ей?

А нефиг было от меня убегать, я из-за нее чуть собрание не пропустил.

К счастью, успел. Планы на вечер все те же. Клуб, друзья детства, женщины. Последние уже выются.

Предпочитаю блондинок, но сегодня выбираю шатенку. На ту ведьму сбежавшую смахивает. Только голос не тот, и взгляд до жути скучный. То есть, он игривый и обычно меня это заводит, но огонь в глазах не тот. Искры нет.

Блин, да о чем я сейчас?

Страхиваю наваждение, а та девчонка из головы не идет. Сбежала от меня, мошенница. Или не мошенница. С этим потом разберусь. Но то, что девчонка огонь — несомненно. И наказать ее все еще хочется.

Так, вернемся к нашим барышням. Пусть будет шатенка.

Через час она уже в моей квартире. Припадает к барной стойке сочной грудью, водит сексуальными губами по краюшку бокала. Изгибается, выпячивая попу. Делает все, что я так люблю.

Подтягиваю к себе, вдыхаю аромат. Сладкий, а мне хочется персиков. Гоню эту мысль прочь. Мне еще мошенница секс не портила.

А она плотно засекает на подкорке. Еще эта туфля и чувство незавершенного дела. А надо завершить.

Когда Паша приносит досье, решаю, что сам отвезу Золушке потерю. Официантка из неблагополучной семьи. Это еще один повод не трогать девчонку, к тому же в процессе разговора убеждаюсь, что мошенница из нее никакая. А вот любовница — огонь.

Только секс. Так я думал. А еще думал, что с ней проблем не будет. Оказалась, той еще недотрогой. Дважды утерла нос, но это только подогрело интерес.

А вот двое дегенератов, наживнувшись на нее, окончательно вывели из себя. Меня так коротнуло, что до пор не понимаю, как я их там не порешал. Наверное, из-за нее. Инстинкт спасателя не шутки, я вам скажу. Как же мне хотелось защитить ее в тот момент, уберечь, отогреть. Такое странное чувство, будто в момент берешь на себя ответственность за того, кого спас. И предмет твоей охоты, твоя жертва обретает совсем иной статус.

Уже и смотришь иначе. Начинаешь замечать мелочи, детали. Но от этого меньше не

хочется. Хочется больше. Но я напоминаю себе, что у девочки может быть травма. Нужно подождать, дать ей почувствовать себя в безопасности, а потом все будет. Или не будет.

Девственница. Еще один пункт в список “не трогать ее”. В тот момент мне кажется, что это будет просто, даже не смотря, на то, что меня уже тянет к ней. Успел привязаться? Или тот самый инстинкт защитника жить не дает?

Плевать, просто хочу знать, что она в порядке. Потом хочу услышать голос. Потом увидеть.

В последний раз меня так крыло от девчонки, когда еще учился. Она тоже казалась особенной, а потом раздвинула ноги перед мелким мажоришкой.

И ладно если бы влюбилась, нет.... Просто не знала до того момента, чей кошелек толще. Сглупила, бедняжка, пролетела.

Долго пекло. Но скорее не от разбитых надежд, а потому что разочаровался. Знал, что она не последняя, но никогда бы не подумал, что меня притянет к бедовой дамочке, которая прыгнула под колеса. Никак не пойму, что именно?

Обычно в женщинах манит интеллект, элегантность, а в ней.... В ней какая-то тайна и невероятная энергия. Вот как тот самый росток из песни, который вырос прямо посреди дороги и не сдастся, как ни топчи. В этом мы с ней даже похожи.

Один звонок, одна встреча, и все стены рушатся. Она — моя, и я от этого чертовский кайфую, как мальчишка. Гормоны зашкаливают, все по кайфу, а она все дальше плетет паутину.

Приходит с лекарствами в мой дом, а я ловлю себя на мысли, что мне нравится за ней наблюдать, нравится ее забота. Сам себе усмехаюсь, потому что неделю назад мне бы в голову не пришло, что буду кайфовать от того, что какая-то женщина хозяйничает на моей кухне. Не какая-то, а та которую я ежесекундно хочу. Так хочу, что снится даже.

И она меня хочет. Нежная, страстная. Совсем не опытная, но это не мешает ей быть чувственной, чертовской сексуальной и искренней. Как же я кайфую, оттягивая эти сочные губы. Сжимаю груди груди, бедра. Я хочу ее. Всю. Целиком. Себе и не один раз.

Я знаю, на что иду.

Но не знаю, ради кого.

Первые секунды пока Стас несет по телефону какую-то херню, а я смотрю на непонятные снимки какой-то доступной девки в клубе, до меня не доходит. А потом.... Да это ж, блядь, commotio cordis (смертельный удар в сердце)!

Сука! Сука! Сука!

Трясет так, что могу наломать дров. Скажи мне, скажи хоть что-то внятное! Нет, блядь, мямлит. Потому что ей нечего сказать!

Я сейчас все тут разнесу!

Так не пойдет.

Мне нужен не один час, чтобы начать мыслить здраво. Чтобы попытаться поставить под сомнение то, что, блядь, кажется очевидным. Ну не мог я еще раз напороться на подобную женщину, не мог!

Прокручиваю в голове снова и снова, и эти мысли причиняют адскую боль. Я ищу за что зацепиться, что противопоставить всему тому что “против”.

Слишком шатко, слишком хлипко. Нет.

Я пойду и все узнаю у нее. Не взорвусь. Мне не семнадцать, чтобы действовать на гормонах, хотя с ней я именно такой.

И... ее нет. Ушла, говорят, с каким-то мажором.

Удар под дых.

И я, наверное, идиот, если все еще пытаюсь выкрутить эту ситуацию натягивая ее на призму недопонимания и “все могло быть не так”.

А тут, блядь, сюрприз! Невеста Антошика!

Сука! Твою мать!

— Кир, ты б не налегал. Ты ж не любишь алкоголь, — беспокоится Стас, вырывая меня из мыслей.

Я не знаю, сколько опрокинул, но ни в одном глазу. Ни разу не глушит. Зато все ощущается еще острее. Дышу собственным ядом.

И, правда, хорош.

Оставляю виски, откидываюсь на спинку и смотрю в потолок. Нахер? Что я там хочу увидеть?

— Пошли, — кидаю ключи от тачки Стасу.

— Куда?!

— Мстю* мстить буду.

Мстю * — месть.

Глава 25. Ставки подняты, семейство!

— Ты чего? Ты успокойся. На трезвую накажешь!

— Тогда я сам, — убираю друга с пути, но он отчего-то решает, что надо возникнуть передо мной вновь.

Понятно, боится, что я дров наломаю. Как же сука злит, когда мешают.

— Кир, ты меня лучше прибей, но я не дам тебе наделать глупостей.

Сука. Еще больше злит!

Потому что прав, гаденьш.

Выдыхаю свой яд. Хватаю Стаса за шею и бодаюсь. Это вместо “спасибо”, он в курсе.

— Бывай.

— Стой! Куда ты?! — нервничает, но я отмахиваюсь, что ничего не натворю. Приходится даже попросить, чтобы перестал бесить.

— Кир! — не верит мне.

— Домой я, ясно?! — решаю, что если сейчас не отстанет, кто придется перевести разговор на более жесткий язык.

Стас мигом это считывает. Знает меня.

Нехотя отходит в сторону.

— Может, я отвезу.

— Таксистам тоже надо зарабатывать, — хлопаю по плечу и вываливаюсь из бара на шумную Пятницкую.

Никогда еще народ так не бесил. Особенно гребаные парочки. Вон та например. Ну видно ж, что баба на деньги ведется.

Хмыкаю сам себе. Вообще-то, не так давно меня не раздражало общество манекенщиц из того самого сорта. С ними было просто и понятно. Женщину, от которой бы коротило, как любит выражаться Стас, я себе как-то не искал. Ну, может, к годам сорока задумался бы о чем-то серьезном.

А та, от которой коротит, нашла меня раньше... Блядь!

Башка начинает трещать, а в ушах пищит, когда думаю о Лере.

Сука! Сука!

Ждать гребенное бизнес-такси не хватает сил, заваливаюсь в первое попавшееся с желтыми наклейками аля под краску.

— Куда?

— Круг по центру, потом на Мичуринский.

Нет, я не городом полюбоваться собрался. Мне нужно немного проветрить голову, прежде, чем завалиться в квартиру, где голову вновь будут поедать черви.

Нет. Туда я точно не поеду.

— Давай в “Склифф”, — решаю я и принимаюсь массировать переносицу. Башка сейчас взорвется.

Охрана на КПП автомобиль не признает, о пропускном режиме я напрочь забыл, потому что надобности о нем думать не было. Скандал с сонным мужиком в форме — последнее, чего сейчас хочется.

Шлепаю по лужам. Снова срывается дождь. Вместо приветствия, на которое надо было бы себя вынудить, просто показываю права. Охранник, собравшихся уже вызвать

подкрепление, меняется в лице и говорит, что сейчас вызовет кого-нибудь, чтобы проводить в нужную палату.

— Я сам, — киваю его, а потом все-таки выдавливаю “спасибо”.

Они-то не виноваты, что мне сейчас весь мир в дерьмо втоптать хочется.

Вот и нужный этаж.

Ого, кто у нас тут. Неужто любимые родственнички в полном составе. Еще и в такой час?

Какая идиллия, мать вашу. Дядька без хребта, тетка с акульими зубами и змеиной шкурой, и Антошка — помесь бульдога с носорогом. Был бы умным, был бы опасным. Но его кроме собственной тушки и карманов ничего не беспокоит.

— Что говорят врачи? Он очнется?

Сука! Меня передергивает от его голоса. Может, лучше уйти, пока зубы ему не пересчитал сгоряча?

— Надеюсь, что нет, — тянет тетка, и желание разнести тут все к чертовой матери усиливается трехкратно.

— Типун тебе! Надо сначала расписаться и свадьбу по всем правилам, потом хоть триста раз хоть дохнет.

Ох, Антошка. Сука, я тебя за эти слова, гаденыш, по стенке размажу.

— С невестой своей поговори. Раз она с нами в одной связке, пусть не тянет. Знает же, что время поджидает.

Что?!

— Не беспокойся. За деньги сделает все, что скажу.

Блядь, лучше бы я этого не слышал....

— Молодец. И про компанию не забывай. Сейчас именно ты должен ее возглавить.

— А кто ж еще?

— А у кого еще есть право, как думаешь? Весь в своего отца, недотепа!

— Да Кириллу дело нет до семейного бизнеса. Он же сам ушел, не сунется.

— А если сунется? Кто его знает? Запомни, Антон, эта компания и все деньги твоего деда будут в нашей семье. Ты меня понял?

— А если дед переписет завещание?

— Ты главное женись, а остальное я решу. У нас все схвачено. — заявляет она.

И пламя внутри меня обращается в лед.

Ничего ты не решишь, дорогая тетушка. Хрен тебе теперь, а не компания. Всем вам— хрен!

Вы у меня с голой жопой на улицу пойдете.

Глава 26. Требования начинаются

Лера:

— Что ты сделала?! — мама срывается на крик, вскакивает с дивана и принимается расхаживать по комнате.

Я ей рассказала об Антоне.

— Этот Соколов отравил твоим бабушке и дедушке жизнь! Отняли у нас все, а ты приняла предложение его внука?! Как вы давно вы с ним общаетесь за моей спиной, Лера?

— Мы виделись всего два раза.

— Что?! — в ужасе выдает она.

— Это договорной брак, мам. Фиктивный. Я играю жену, Антон получает наследство.....

— Лера, ты в своем уме?! Разве я так тебя воспитывала?! — переходит на крик.

— А я деньги на операцию Вари, мам! — не выдерживаю и вскакиваю.

Мама замирает.

Ей нужна не одна секунда и не две, чтобы переварить то, что я сейчас сказала.

— Лера, — зовет она меня совсем другим голосом, касается дрожащими пальцами моих рук, а затем плачет в захлеб.

Боль вырывается из нее с такой силой, что я не замечаю, как тоже начинаю реветь. Только причины у нас разные. Маме больно за меня, страшно, но она не может сказать мне “нет”, зная, что стоит на кону. И ей за это дико стыдно и больно.

— Прости. Прости меня, — шепчет она, обнимая меня и целуя в макушку.

Мне не за что ее прощать. У меня нет никаких обид. Только благодарность за то, что у нас с Варей такая мама. И я знаю, что если бы эта опасная болезнь затронула не сестренку, а меня, она бы поступила точно так же, даже не задумываясь.

— Я рада, что выход есть, — шепчу я.

Отчаянный плач переходит в тихие всхлипы, а затем вовсе стихает.

Опустошенные, со привкусом кислоты во рту, мы перебираемся на кухню. С теплой чашкой в руках жизнь не кажется такой страшной, как пару минут назад.

Мама несколько раз уточняет, что подразумевает фиктивный брак.

— Никакой близости. Только игра на людях. Жить мы будем в одном доме после росписи, но Антон обещал обеспечить разные комнаты, по возможности. Об этом уговоре никто не должен знать, — говорю я ей.

Видно, что маме куда страшнее, чем мне самой.

— Ты точно сможешь потом оттуда выбраться? — не унимается она, и я передаю ей договор.

Мы читаем его вместе на случай, если я могла что-то пропустить. Интересных пунктов много, но критичных мы не находим.

— Неустойка страшная, — подмечает мама.

Я киваю и пытаюсь отвлечь ее чем-то позитивным.

— Антон займется вопросом перевода Вари в турецкую клинику в течение недели. Обещал завтра назначить на это дело человека.

— Человека, — горько усмехается мама. — Этот Антон хоть сносный? Или такой же, как его дед? Он опасен, Лера?

— Нормальный, — уверенно отвечаю я, хотя в душе абсолютно противоположного мнения. — Мы четко обо всем договорились. Он сдержит слово. Сам в этом заинтересован.

— Ох, — вздыхает мама, но вслух своими тревогами не делится. — Не доверяю я этим Соколовым.

И я теперь не доверяю. Но нужно ее как-то подбодрить.

— Может, тебе это не понравится, мам, но сейчас Валентин Игоревич скорее страдалец, чем подлец. Видимо, жизнь его наказала.

— Скорее болезнь. Какая, говоришь, у него диагноз?

— Не знаю. Но, кажется, что-то с сердцем. У него был приступ сегодня. — с грустью сообщаю я. Знаю, что по идее должна ненавидеть того, кто отравил жизнь моим родным, но к Валентину Игоревичу испытываю лишь жалость. Может, потому что он стар и болен. Может, потому, что никому не нужен, и даже родная семья ждет его смерти ради денег. — Медики быстро приехали. Еще его родственники про операцию говорили. Что нужно расписаться до нее. Не поверишь, он они все ждут его кончины....

Мама смолкает. Кажется, ей тоже в глубине души жаль того старика, но злость и обида при этом никуда не проходят. И я отлично понимаю ее чувства.

Она оставляет чашку, из которой почти и не пила, берет меня за руки и тяжело вздыхает. Смотрит мне в глаза так, что душу щемит.

— Спасибо тебе, моя маленькая, нежная девочка. Я плохая мать.

От этого мне опять хочется плакать, но слез сегодня было столько, что меня иссушило.

— Не говори так, пожалуйста. Ты самая лучшая. Ты у меня одна, — прошу ее, а затем отвлекаюсь на будильник.

Пора на работу собираться в клуб. Да-да, этот брак спасет только Варю, а о себе я буду заботиться сама, как раньше. К тому же, тяжелый труд — это лекарство от боли, и спасение от мыслей.

На обессиленных ногах спускаюсь из подъезда и иду к метро. Голова такая пустая, что ветер летает. Я этому рада, потому что не хочу думать о Кирилле. Слишком больно.

В клубе все так же. Мегера, девчонки и клиенты, готовые скидывать десятки тысяч на алкоголь ради того, чтобы показать свою статусность.

А еще у Светки день рождения, и она собирает всех, чтобы выпить после смены. Невольно вспоминаю свой первый глоток крепкого спиртного и то, как проснулась у Кирилла, и сердце щемит.

Вот бы сейчас так же, только проснуться уже после развода рядом со здоровой Варей.

Но так не бывает. Обнимаю Свету и отказываюсь от застолья, ссылаясь на усталость.

Это не ложь. Я, действительно, так валюсь с ног, что едва не отключаюсь в такси. Добредаю до квартиры и все. Темнота.

— Врр. Вррр.

Вибрация моего потрепанного телефона мешает спать. Хочу отключить дурацкий будильник, но, увы, это не он. Это... Антон!

И что ему нужно в такую рань?!

Стоп!

Подскакиваю, ожидая новости о Варе, но вместо приветствия слышу отборную ругань, и тут же приглушаю звук динамика, чтобы мама, не дай бог, не услышала и не расстроилась от того, как со мной обращается этот тип.

— Какого хрена ты не отвечаешь?! Я тебе сорок раз звонил!

— Я спала после смены.

— Какой нахрен смены, Лера?! Чтобы в следующий раз, когда я тебя наберу, трубку сняла со второго гудка, ясно?!

Какой же хам! У меня аллергия на один только его заносчивый голос!

Терпи, Лера. Терпи.

— Если не буду в это время работать, то обязательно сниму, — отвечаю я.

— Я — теперь твоя работа. Или я мало бабок в тебя вкладываю? Чтобы через двадцать минут была у меня в офисе в Сити.

— Через двадцать я не успею, даже если сейчас выбегу. Мне минимум час ехать до Сити.

— Я сказал, через двадцать, Лера. А если не успеешь, пеняй на себя.

Глава 27. Увольняйся!

Сердито слетаю с постели и бегу в ванную. Через десять минут наспех натягиваю туфли и лечу к метро, но знаю, что все равно не успею. При всем желании.

Связи в подземке нет. Извожусь от мысли, что Антон, вероятно, звонит по истечению двадцати минут. Думаю, что сейчас вырвусь из вагона и как побегу к нужному зданию, но останавливаюсь в растерянности.

По Сити я гуляла с Варей несколько раз, но в основном по торговому центру, куда пойти проще простого, а вот разобраться сейчас, какая из стекляшек нужная мне башня, оказывается непросто, и опять теряю время.

Нахожу искомое, влетаю в светлый холл, где все внутри сверкает и блестит гляncем.

Люди все солидные, ухоженные, будто я на другую планету попала. Нет, я тоже не абы как пришла, привела себя в порядок, хоть и спешила. Но сейчас чувствую себя какой-то букашкой в мире великанов.

И дело не только в простой одежде. Дело в том, как они держатся. Уверенно. А я... Я как потеряшка. Опять.

Прочищаю горло и подхожу к ресепшену.

— Подскажите, как попасть в “Сокол групп”?

— У вас посылка или документы? — спрашивает меня девушка небрежным голосом, хотя еще секунду вся расплывалась в улыбке перед другою дамой.

Видимо, я не того сорта. И по мне это заметно.

Нет, я не претендую быть тем, кем не являюсь. И у меня нет желания показывать свою инакость. Но сейчас я предпочла бы равноправно вежливое обращение. Я ведь вежлива с любым клиентом независимо от того, кофе он хочет или десять блюд.

Но здесь не так. Размечталась я что-то.

— Если посылка не в руки, оставьте здесь. Мы сами передадим, — продолжает девушка.

— Я не курьер.

— Что? — ее глаза округляются, а в уголках губ появляется какая-то странная усмешка. — На собеседование?

Оглядывает меня с головы до ног, вынося не самый приятный вердикт выражением лица.

— Я по личному делу, — остаюсь вежливой, несмотря на то, что уже хочется ей съязвить.

— А у вас назначено?

— Полагаю, да. Я к Антону Соколову. Он ждет.

Дамочку почему-то передергивает, а затем она задирает подбородок вверх.

— Антон Юрьевич?! — говорит так заносчиво, что тетушки на “Почте” кажутся мне уже ангелами.

Вот отчество я его как-то не запомнила. Досада.

— Да.

— Уверены?

Да что же с ней такое?

— Звягина Валерия. Может по списку посмотрите, или как тут у вас заведено? — сдержаться все сложнее, чудом справляюсь.

Хмыкает, но все же смотрит куда-то за стойку, щелкает мышкой. Хмурится.

И вот теперь как-то растерянно, но все равно озлобленно выдавливает улыбку.

— Верно. Можно ваши документы? Так “заведено”, — сообщает она.

Паспорт дать не проблема. Жду еще несколько минут, получаю магнитную карту и адрес внутри здания и снова начинается квест.

Сначала дождаться очереди и пройти по карте через турникет к лифтам. Их тут 6. Лифтов. Один едет до 20 этажа, другие с 21 по 40, третьи с 41 по 69. Но это я понимаю не сразу. Теряюсь в таком непривычно огромном пространстве. Говорю же, будто другое измерение. И в глазах уже рябит от блеска.

Наконец-то, красная от стыда и злости, попадаю на нужный этаж.

Благо, здесь администратор уже в курсе и в спешке ведет меня к кабинету, но войти не успеваю. Антон выходит сам.

Злой, как черт.

— Я сказал, двадцать минут, Лера! — рычит он, а я отхожу в сторонку, чтобы прохожих скандалом не привлекать.

— Метро быстрее не может, а вертолета у меня нет. Бежала, как могла! — сообщаю ему, когда хочется послать на три буквы.

Ну ничего, как только Варю прооперирует, заговорю с ним иначе. Фиктивный брак ведь долгим будет. Успею зубки показать, если продолжит рычать на меня. А сейчас надо молча терпеть.

— Если бы на звонок ответила раньше, то была бы тут вовремя. Я отпустил юриста, но он скоро вернется. Подпишешь заявление в ЗАГС и каждый пункт договора.

— Мы ведь уже все подписали. — не понимаю я.

— Брачного договора. Или ты надеешься, отжать у меня что-то после развода?

Хам! Какой же хам!

— Подпишу!

— Вот и отлично. Садись и жди.

— Долго?

— Сколько надо.

— Антон, я не против, но мне вообще-то на работу потом еще надо.

— Какую нахрен работу? Я, кажется, тебе доступно объяснил, что твоя работа — я. — давит гневным взглядом.

— Мы с тобой только про операцию договаривались. На еду мне тоже зарабатывать надо. Моя смена в кафе начнется через три часа. Я успею?

— Лера, у тебя, явно, не все дома. Моя невеста не будет носиться в официантах. — чуть ли не брызжет слюной. Но это вовсе не благородный порыв. Тогда что? — Ты сейчас же бросаешь свое гребаное кафе и не позоришь меня, тебе ясно?

— Позорю? С каких это пор честный труд кого-то позорит?

— Носиться на побегушках и обслуживать всякий сброд — позор! Если ты забыла, то в договоре есть пункт “не подвергать мою репутацию риску”. И ты, я надеюсь, помнишь, про неустойку?

Помню. Как про нее забыть, черт подери?!

— Один твой неверный шаг, одно пятно, поставленное тобой на моей репутации, и тебе крышка. Ясно?

Снова в горле собирается ком. Я ненавижу этого типа всеми фибрами души.

— И куда я должна, по-твоему, пойти? — выдавливаю из себя. — Думаешь, кто-то примет на работу человека без опыта и диплома о высшем образовании? Или мне дома носки вязать?

— Сиди и вяжи. — рычит, давит взглядом. — Сколько тебе еще надо, чтобы ты успокоилась?

— Что?

— Какая у тебя зарплата? Я тебе дам копейка в копейку, а ты из своей халупы и носа без моего разрешения не высунешь.

Кровь в венах так закипает, что меня передергивает. Он реально думает, что мне нужны его деньги? Мне нужна только операция для Вари, больше я ничего от этого гада не приму, даже если с голода помирать буду!

— Прости, но нет. На сколько я помню, сделка у нас временная, и по ее окончании я не хочу оказаться вне рынка труда с брешью в трудовой. На свою жизнь я буду зарабатывать сама! Честным трудом!

— Лера, ты пиздец какой-то! — выдает он мне. — Работу хочешь. Будет тебе работа!

Рычит так, будто я напрашиваюсь, а я просто хочу защитить свое.

— Степан! — рявкает так, что я вздрагиваю.

К нам тут же подбегает какой-то обеспокоенный мужчина лет тридцати. Весь какой-то зажатый, будто хочет испариться. — Знакомься. Невеста моя. Скучно ей. Работу хочет. Найди что-нибудь ей по навыкам.

— Что? — охаем мы со Степаном одновременно.

— Оглох? — косится на Степана, и тот сжимается. Но не от страха, скорее от неприязни, которую не может показать перед лицом начальства.

— Нет. Я все понял. Будет сделано в лучшем виде.

— Антон, погоди, — хочу отозвать Соколова и поговорить по этому поводу наедине.

— Лера, что еще тебя не устраивает? Работать хотела — работай и не высовывайся. Хоть одно пятно на моей репутации из-за тебя, и ты потеряешь все. Ясно? — жалит словами, а я ловлю на себе непонимающий жалостливый взгляд Степана.

Наверное, он сейчас задается вопросом, разве такие отношения должны быть у тех, кто собирается жениться “по любви”.

— Ох, как тут у вас романтично. Аж искры с утра летят, — слышу злую усмешку в знакомом до боли голосе и тут же оборачиваюсь.

Кирилл....

Кирилл Соколов при полном параде с кучей незнакомцев в деловых костюмах за спиной. Выглядят прямо как мафия....

Но их лица смазываются, и остается лишь одно. То, от которого сердце начинает болезненно выть....

— Кирилл? Ты что тут делаешь? — произносит мои мысли вслух Антон и бледнеет в цвет колонне.

Глава 28. На что ты готова, Лера?

— Кирилл? Ты что тут делаешь? — произносит мои мысли вслух Антон и бледнеет в цвет колонне.

Но Кирилл смотрит не на брата, а на меня. Да таким черным взглядом, что сердце против воли делает “петлю” и хочет сорваться в пятки. С трудом унимаю острое желание отвести от него взгляд. Но Кирилл буквально через пару секунд разарвается наш зрительный контакт.

— Заявляю свои права на компанию. — преспокойно заявляет он.

— Что?

— Меньше бы голос повышал, слышал бы лучше. — говорит точно так же ровно, но в голосе слышатся ледяные иголки, от которых напрягаюсь не только я, но и Антон.

— Можно тебя на тет-а-тет? — весь будто на замене шипит “жених”. Кажется, он даже вспотел, но при этом смотрит на Кирилла не менее ядовитым взглядом, чем сам гость.

Вот только, если Кирилл сейчас ледяная, острая глыба, то Антон скорее пес, который пытается сообразить, как лучше цапнуть, но боится.

— Говори здесь. У меня времени мало. — отвечает Кирилл, сухо глядя на наручные часы. — Акционеры вот-вот придут.

— Что?! — чуть ли не визит “жених”. — Ты созвал совещание без меня?

— Мне нужно твое разрешение? — не вопрос, а выстрел в лоб.

— Кирилл!!

— Что тут происходит? — раздаётся за нашими спинами еще один голос, и тут же на первый план выбегает отец Антона.

И с каждой секундой, что смотрит на гостя, его лицо меняет цвет от багрового до белого.

— Юрий Валентинович, еще посещаете офис? — в голове Кирилла неприкрытая насмешка.

— Как видишь. — сдержанно шипит мой будущий свекор, пытается выдавить болезненную улыбку. — А ты в гости решил зайти?

— Как раз наоборот. Я решил зайти, чтобы вы в скором времени стали здесь гостями.

— Что?! — подпрыгивает второй подбородок Юрия. — Что такое ты говоришь? Антон, что он говорит?!

— Кирилл созвал совет акционеров, папа.

— Зачем? — охает мужчина, краснеет, а затем бледнеет еще несколько раз. — погоди! С чего вдруг? Тебя же не интересовали дела семьи.

В круглых маленьких глазах неподдельный испуг.

— Ну кто-то же должен поддержать тут порядок, пока дед не очнется. Так ведь? — холодно сообщает Кирилл.

— Слушай, это оскорбительно! — начинает вопить Антон, но отец его чуть ли не толкает, чтобы заткнулся.

Веселая у них семейка.

— А как же твоя компания? Как ты потянешь разом оба бизнеса? Мы тут и без тебя отлично справляемся.... К тому же....

— У меня надежный партнер и налаженные механизмы, не беспокойтесь, дядя. А если у

вас есть другие опасения, то задайте их во время собрания. Сейчас мне нужно подготовиться, — заявляет Кирилл, а затем бросает в меня взгляд.

Первый за все это время.

Чувство, будто меня тут не было. Будто я умерла для него. Нет, еще не умерла, но стала гадким и противным слизняком.

И от этого холодного, полного презрения взгляда, меня пробирает до кончиков пальцев. Даже воздух загустевает так, что мне сложно вздохнуть, а затем Кирилл уходит уверенным шагом вглубь офиса вместе со свитой.

Юрий и Антон нервно переглядываются, а затем бегут следом, забывая обо мне напрочь.

— Кхм, — поправляет горло все это время стоящий в тени Степан. — Как я могу к вам обращаться?

— Лера. — отзываюсь я, ловлю недоумение на худом лице мужчины, и тут же исправляюсь я. — Валерия Николаевна.

Это ведь не кафе, а офис. Разговаривать и представляться нужно соответственно.

— Я Степан, — говорит мужчина.

Отчества не называет, судя по всему потому, что раз Антон называет его Степой, то и я априори должна.

Ох, не нравится мне все это. Особенно после появления Кирилла.

Он решил войти в “Соколов групп”? Возглавить ее? Я не готова с ним пересекаться. От одного взгляда все внутри рвется на части.

— Эм. Касательно распоряжения Антона Юрьевича. Чем бы вы хотели заниматься? — интересуется Степан.

Вопрос, к сожалению, в корне неверный. Надо было спросить, что я умею делать.

— Давайте лучшеждемся Антона Юрьевича, — предлагаю я.

Степан несколько секунд обрабатывает в голове эту мысль, а затем спешит предложить мне кофе или чай.

После встречи с Кириллом вообще ничего не хочется. Разве что воды, чтобы прогнать горечь, засевшую в горле.

Уже через несколько секунд меня располагают на одном из уютных бордовых диванчиков в тихой зоне у большого окна с видом на город и приносят на черном подносе бутылку в голубом стекле и высокий красивый стакан. Наполняют его сами, будто я в ресторан пришла.

Но все же от меня не скрывается взгляд девицы, которая, хоть и улыбается, но приценивается к моим вещам, от чего я в который раз испытываю неловкость.

Да, в этом месте все пышет изыском и шиком. И я этому месту никак не подхожу. Сейчас не подхожу.

Но однажды, когда Варя выздоровеет, а я поступлю в ВУЗ и выучусь, я на полных правах найду себе место в похожем офисе. И тогда не буду чувствовать себя здесь “на птичьих правах”, а заслуженно.

— Еще чего-нибудь желаете?

— Нет, спасибо, — отзываюсь я, и девушка и нервно перебирающий пальцами все это время Степан уходят.

Я остаюсь одна. Оглядываю мягкие диваны, кофейные столики, похожие на настоящий мрамор в золотой оправе, затем смотрю в окно. На серое небо, затянутое облаками так, что

солнце не пробивается, и кажется, что вот-вот наступит ночь. На людей размером с крошки с этой высоты. И я тоже вот такая вот крошка.

А затем мысли снова возвращаются к сделке, к Кириллу.

— Стой! Туда не ходи. — слышу голос Степана, оборачиваюсь и вижу, как он притормозил какую-то симпатичную дамочку в белой блузке и серой юбке-карандаше.

— Почему? — хмурится она, заправляя за ухо иссиня-черный локон.

— Невеста Антона Юрьевича ожидает его там. Не нужно беспокоить.

— Да? — с какой-то насмешкой отвечает она, кидает в мою сторону колкий взгляд, а я делаю вид, что этого не замечаю.

— Весело сегодня у нас. Акционеры, невеста, еще и какой-то красавчик пришел. Кстати, а кто он? У них с боссом какие-то траблы?

— Иди сюда, — голос Степана становится еще тише. Он оттягивает дамочку в сторону.

Не хочу подслушивать, но любопытство пересиливает. Теперь это все и меня касается. А я должна знать, что происходит, чтобы понять, как из этого выбираться.

— Не знаешь, что ли? Кирилл Соколов. Внук генерального. — шепчет Степан, и мне приходится подойти еще на пару шагов ближе, чтобы разобрать, что он говорит. Хорошо, что меня не видно.

— У Антона Юрьевича есть брат?

— Двоюродный. У Валентина Игоревича два сына было. Один с семьей разбился, вот только мальчишка и выжил. Кирилл. — говорит Степа, и внутри все сжимается.

Я не знала.... Я не знала, что Кирилл потерял семью. Да еще и при таких обстоятельствах. Выжить в аварии, когда все твои близкие погибают. Какой ужас!

Зажимаю рот рукой, чтобы не издать звука. В груди становится так больно, будто я сама это пережила, а не он....

Поэтому он был не в себе, когда чуть не сбил меня? Поэтому был разъярен, когда решил, что я творю все это ради денег?

— А почему он раньше тут не появлялся? — продолжает допрос дамочка.

— Какие-то проблемы с семьей. Он сам по себе. Про интернет площадки слышала? Вот с этого он начинал с партнерами. Потом фирму заграбастал.

— А сюда тогда зачем пришел? Еще и акционеров собрал. Ой, не нравится мне все это.....

— Наследство, наверное, делить.

— Думаешь, с генеральным все так плохо?

— Он в коме.

В коме?!

Валентин Игоревич в коме?!

— Мда. И, что, теперь этот будет начальником?

— Ну, все лучше, чем Юрий Валентинович и его сын. Что один что второй таких дел наворотить могут, что завтра банкротами станем.

— Типун тебе! — ругается дамочка.

— А ты, Машка, не теряйся. Новый босс-то красавчик, сама сказала, — добавляет Степа с какой-то хитрой интонацией, и меня тут же пробирает злость.

Он сейчас сваху из себя разыгрывает?

— Да он женат, наверняка. — недовольно бурчит она. Вот! Правильно думает!

— Богатые не женятся так рано. Так что грудь вперед и пошла!

— Ну, я-то могу, — хихикает дамочка, и я только сейчас замечаю, как яростно сжимаю кулаки.

Внутри все кипит так, что хочется вылететь и поругаться. Но только я не имею на это права. Вообще никакого.

И на эту злость и досадную ревность, разъедающую душу изнутри, прав у меня тоже нет. Я подписала договор, я сделала свой выбор....

Остается следовать ему. Надеюсь, судьба смилуется и не заставит меня наблюдать за тем, как эта дамочка вьется рядом с Кириллом, а он охотно с ней заигрывает.

От одной мысли в сердце входит ржавый гвоздь.

Не думай об этом. Не думай!

Отворачиваюсь и иду к окну. Наслушалась себе на “радость”. Теперь вон снова глаза на мокром месте, а горечь во рту все сильнее. Пытаюсь отвлечься. Сначала видом на город, потом телефоном, часы на экране которого начинают нервировать. Мне на работу скоро нужно идти, а здесь ничего не понятно.

И что прикажете делать?

В холле какой-то шум. Люди в костюмах, а Антона не видно. И Кирилла тоже. Может, у них свое совещание после общего? Ну сколько еще ждать?

Оставляю на столике опустевший стакан, и вновь возвращаюсь к окну. Небо серое, жизнь серая. И там и тут пахнет грозой и затяжными дождями....

— Хорошего жениха ты себе выбрала, — раздается голос за спиной, и я вздрагиваю.

Моментом оборачиваюсь и натыкаясь на обжигающий льдом взгляд Кирилла.

В моих глазах — испуг. В его — ядовитая усмешка.

Он пришел не водички попить, а на осколках моей души потоптаться. А мне и так чертовски больно и сложно.

И сказать ему нечего.

Подхватываю свою сумку с дивана, хочу сбежать, но он одним шагом влево преграждает путь своим мощным натренированным телом. В нос бьет дерзкий аромат парфюма, до сих пор кружащий голову. Перед глазами кадык и расстегнутый ворот белоснежной рубашки.

— Я не отпускал. — звучит звоном сосуллек его морозный голос.

Отвожу взгляд, потому что все внутри вибрирует и стягивается в тугой узел.

— Что тебе надо? — шиплю я.

— О чем говорил Антон?

— Что? — в испуге вскидываю взгляд и тут же жалею об этом.

Невыносимо читать злость и презрение в глазах, которые еще недавно согревали теплом.

— Пятно на его репутации, и ты потеряешь все? — с ядовитой усмешкой спрашивает он. — У вас договорные отношения, не так ли?

От его вопроса по телу идет дрожь. В голове сразу мысли о Варе и неустойке. Но ведь Антон сам виноват, что болтал о таком в общественном месте!

Хотя, виноватой буду я.

Отвожу глаза в пол, сжимаю крепче ручку сумки, и вынуждаю себя быть сильной. Сейчас нельзя давать слабинку.

— Нет. Брак будет настоящим. — говорю, а в глазах Кирилла мечутся опасные тени. — А это пункт брачного договора, который мы подпишем.

Теперь на его устах не злая усмешка, а пугающий оскал.

— Ты знаешь, что нужна ему ради наследства и только? — вроде, хочет задеть, а мне хочется верить, что это форма заботы.

Идиотка я. Что еще сказать?

— Знаю.

— Не удивлен. — качает головой, и презрения и ненависти в карих глазах становится так много, что я медленно умираю внутри. — Но, видишь ли, никакого наследства не будет. Я об этом позабочусь. Потому, Лерочка, лучше беги, пока этот “контракт” не подписала. Это мой тебе прощальный подарок.

Хорошее предложение. Отличное.

Вот только от этой гребанной бумаги жизнь Вари зависит!

— Ты меня услышала? — требует ответ Кирилл.

— Услышала.

— И?

— Никуда я не побегу. — выдавливаю из себя ответ, и содрогаюсь от того, как хрустят его кулаки.

— Даже так? Я предлагаю тебе безболезненный выход, а ты повышаешь ставки? Так хочется денег?

Его слова бьют поддых. Козел!

— Ну что ты? Неприятно? — с садистским удовольствием пытается меня.

— Все нормально, — отрываюсь я, сжимая пальцы так, что ногти впиваются в кожу. Реветь я тут не буду. — Все правильно. Нужно смотреть правде в глаза. Я, ведь, только на деньги падкая.

Кирилла передергивает от этих слов, но я не жалею. Решил меня топтать в собственной ненависти. Пусть растопчет поскорее и оставит в покое, пока я не рехнулась до конца.

— Ну раз мы выяснили, что оба не белые и пушистые, давай играть по-черному, — решает он. Достает из внутреннего кармана пиджака телефон, щелкает по экрану и тычет мне в нос те грязные снимки из клуба.

— Как думаешь, статья о том, что новоиспечённая жена, стриптизерша, подпотит репутацию твоего золотого женишка?

Меня пробивает током от этих слов! Не могу поверить, что Кирилл на это способен!

Нет! Не может быть!

Или... может?

Я его совершенно не знала?! Он такой же, как и его брат! Вся семейка такая!

— Ты гад! — шиплю я.

— Даю последний шанс! — рычит Кирилл. — Уходи от Антона восвояси!

В голове бешено мечутся мысли. Я загнала в угол, и выхода нет. Отчаяние волнами накрывает от макушки до пят. Глаза дрожат, глядя то на проклятый экран телефона, то на Кирилла.

Больно! Но хорошо, что я теперь знаю, на что он способен!

— Ответ, Лера. Ответ. — с ненавистью давит меня взглядом, но я не могу выдавить из себя и слово.

— Будь по твоему, — решает он и щелкает на кнопку “отправить”.

— Стой! — молю я. — Пожалуйста, не надо! Не делай этого....

— Разрывай помолвку, и все исходники будут удалены, — повторяет он условия, а я от боли закусываю губу.

— Я не могу, — шепчу, уводя глаза в сторону.

— Разве? А может, не хочешь?

— Мне нужен этот брак. Прошу не вмешивайся! — чуть ли не в слезах молю его.

Чувствую себя такой жалкой и никчемной, что убить себя хочется.

— Дай мне хоть одну внятную причину.

Сейчас я не вижу его лица, но слышу, что в голосе что-то поменялось.

Я хочу сказать ему правду. Очень хочу, но не могу....

Варя. Договор. Неустойка.

— Лера, не зли меня еще больше. Либо говори, либо уходи, либо....

— Я не могу....

— Мне надоел этот цирк. Хочешь по-плохому. Будет по-плохому!

— Нет! Стой, что мне сделать, что ты остановился?! — выпаливаю я, цепляюсь в его руку, не успев подумать, и тут же жалею.

От одного прикосновения, по телу проносятся тысячи искр. Тут же отдергиваю себя, когда вижу, как в глазах Кирилла вспыхивает пугающий огонь.

— А на что ты готова, Лера?

Глава 29. Кто твой начальник, Лера?

— Что? — дрожащими губами шепчу я.

— Я спросил, на что ты готова пойти, чтобы эти файлы исчезли? — он пилит меня ядовитым взглядом, и внутри все погибает от боли.

— Какой же ты гад! — Хочу сказать ему в лицо, но молчу.

Однако, он все это читает по взгляду. Я уверена.

И думает о себе точно так же, но зачем продолжает эту жестокую игру. Хочет меня наказать?

— Не знала, что ты можешь опустить до шантажа. — с трудом выдавливаю из себя слова.

— А я не знал, что ты окажешься продажной женщиной. — отвечает он, вгоняя в сердце невидимый нож до самой рукоятки. Еще и поворачивает его.

Влепить бы ему сейчас.

— Что за взгляд? Не считаешь себя такой? — пронзает тысячей игл его ледяной голос.

На какой ответ он рассчитывает? Что я начну кричать, что я не такая? Что смогу убедить его, что он во мне не ошибся?

Но я не могу. Не имею права. Мне не оставили выбора.

— Ты все верно сказал. Уже второй раз. — шепчу я, и Кирилл так сердито стискивает челюсти, что скрипит зубами. Крылья носа раздуваются. Желваки начинают играть. Кулаки хрустят.

Но мне не страшно, будто я мертва. Точнее он меня убил, и большее мне уже не сделать.

— И что ты хочешь от меня за эти файлы? — спрашиваю я, в голове летают самые гадкие мысли.

— А ты, как думаешь?

А что может хотеть мужчина от женщины, которую считает продажной? Секса?

А не боится испачкаться?

Или он настолько сильно ненавидит меня, что пойдет на такое, лишь бы меня наказать?

Пойдет? Я вижу опасный огонь в его глазах. И вот теперь тот страх, что казался мертвым, вновь обретает жизнь. Бьется во мне испуганной стаей птиц.

Нет, Кирилл, нет! Ты не настолько подлый!

Не дышу, ожидая ответ. Но он молчит. Сверлит убийственным взглядом, а затем резко отворачивается, будто смотреть на меня невыносимо, и сжимает кулаки так, что от их хруста я вздрагиваю.

— Что тут происходит? — врывается в наш застывший вязкий мир Антон.

Кирилл не спешит оборачиваться. Медленно расправляет пальцы, разминает шею, и только потом позволяет нам увидеть свое лицо.

Пугающее бледное с ледяной, будто мертвой ухмылкой и несоизмеримой бездной в глазах.

— С невестой твоей знакомлюсь. — хрипит его голос.

— Это лишнее, Кирилл. — напрягается Антон.

Он сейчас похож на разъяренного быка, только покажи ему красную тряпку, и кинется. Весь на взводе, аж искры летают.

— Разве? Скоро ведь породнимся. — от льда в голосе Кирилла, сердце покрывается

инеем.

Породнимся....

Почему так гадко и больно от этого слова?

Мужчины испытывают друг друга злыми взглядами, я чувствую себя пленницей, которой выламывают руки. Хочу вырваться и убежать, но не могу.

— В этом не сомневайся. — чеканит блондин. — А сейчас, с твоего позволения, мне нужно перестраиваться на новые рельсы. Ты же не можешь ты жить спокойно. Все надо вырвать с корнями у всех?

— Не у всех. А только там, где начинает нести гнильцой.

— На что ты намекаешь?! — вспыхивает Антон.

— Сам подумай. — лед и только лед. Несокрушимый.

— Да пошел ты! — фыркает Антон, а потом бросает в меня такой гневный взгляд, будто я во всем виновата. И в глобальном потеплении, и в мировом финансовом кризисе, и в его никчемности. — Пойдем, Лера. Степа уже нашел тебе место?

— Место? — хмурится Кирилл, преграждая нам путь одним лишь шагом.

— Лера будет здесь работать.

— Даже так? — Кирилл переводит на меня ядовитый взгляд.

— Я ведь пока еще могу принимать и увольнять без твоего участия. — Брызгает ядовитой слюной Антон.

— Это пока что. — напоминает брат.

— Кирилл!

— А по поводу Леры не волнуйся. Она пять минут назад получила “место”.

— Что?! — заглушает мой шепот Антон, а я во все глаза смотрю на Кирилла.

О чем он, черт возьми, говорит? Не было такого!

— Она будет работать. — выдает в полной уверенности он, а затем добавляет. — На меня.

Что?!

Я не моргаю, пытаюсь переварить этот бред.

Да-да, бред! Какой в этом смысл? Зачем я ему? Разве что, чтобы держать под боком и наказать! Или наказать не меня, а Антона? Позлить его?

А может, вообще, все вместе!

Я не хочу становиться пешкой в их игре! Пешки плохо заканчивают....

— Палку не перегибай. — рычит в тихой ненависти Антон.

— Поздно.

— Она не будет на тебя работать! — вот это уже крик, от которого я вздрагиваю, а Кирилл лишь усмехается.

— Будет. — преспокойно заявляет он, а затем бросает в меня ледяной, будто безразличный взгляд. Больно.... — Так Лера?

Что? Он ждет, что я сейчас соглашусь? Или это шантаж на основании тех дурацких снимков? Это его условие?!

— Лера, сообщи, пожалуйста, своему жениху, на кого ты теперь работаешь.

Поверить не могу! На что еще он готов пойти ради возмездия?!

— Лера? — убивает Антон взглядом, а я не знаю, что мне делать.

Кивать? Бежать? Застрелиться?

Я словно канат, который перетягивают туда-сюда. Вот-вот разорвусь на части!

Глава 30. Ты будешь моим шпионом

Они ждут ответ, но мне нечего сказать. И это злит обоих.

— Ну-ка, иди сюда! — точно озверевший тащит меня Антон, но я не успеваю испугаться, как Кирилл одним движением отрывает от меня брата и засовывает за свою спину.

— Субординация. За за распускание рук статья предусмотрена. Так что поосторожнее на виражах. Ты же знаешь, как я люблю закон. — рычит он, а затем переводит убийственный взгляд на меня. — Ты уверена, что хочешь выйти замуж за психа?

— Кирилл! — Антон взрывается и, кажется, уже готов кинуться на брата, как к нам подлетает бледный Степан.

— Прощу прощения. Вам срочный звонок, — он тыкает пальцев в небо, намекая на то, что звонит кто-то важный.

Антон бесится так, что пар вот-вот повалит из ушей, а Кирилл холоднее льда.

— За мной! — гаркает Антон, и мне ничего не остается, как податься следом.

— Жду тебя в завтра в девять, — кидает вслед Кирилл, но я делаю вид, что не услышала. Наверное, зря. Ведь у него гребаные файлы, за которые Антон меня в порошок сотрет.

И как прикажете быть? С одной стороны псих-жених, который не потерпит моей работы на брата. С другой — взбесившийся бывший, решивший всех наказывать вдоль и поперек.

А меня кто-нибудь спросил, чего я хочу?

— Сядь! — рывкает Антон, указывая на диванчик в своем огромном кабинете, а сам бежит к телефону и прочищает горло.

— Алло! — его голос так резко становится приторно-сладким, что меня передергивает. Щебечет, как птичка. Чуть не хвостом виляет перед собеседником по телефону. А затем кладет трубку и вновь становится чудовищем.

— Это че еще за хуйня, Лера? Работать на моего братца захотела? Ты совсем ебнулась? — орет благим матом, а я в таком шоке, даже не дышу.

— Че молчишь, дура? Тебя пытаться что ли?

— Я сама не знаю! — в испуге выкрикиваю я.

— Что значит, не знаешь? Он тебя за красивые глаза к себе позвал? Что ты от меня скрываешь, стерва?

Монстр! Чудовище! Ирод!

Вот как он сейчас выглядит. И вполне верю, что такой и руку на женщину поднять может.

Мне становится так страшно, что колени дрожат.

Я должна что-то сказать. Должна себя защитить. Но про фото говорить никак нельзя. Тем более сейчас!

— С чего ты взял, что дело во мне? Дело в вас. Это вы что-то всегда делите, а я просто разменная монета! — выпаливаю я, надеясь, что хоть это меня спасет.

В крохотном мозгу идиота начинает что-то вертеться. Он остывает, а я начинаю наконец-то дышать.

— Ты на него работать не будешь, усекла? — уже спокойнее говорит он, а я только и могу, что кивнуть. Отворачивается к окну и трет шею.

А я все еще сижу как на измене и не знаю, чего ждать.

— Иди, — бросает мне пренебрежительный жест рукой.

Я поднимаюсь на дрожащие ноги и только делаю шаг к спасению, как слышу:

— Стой!

Да что же это такое?

Медленно оборачиваюсь и молюсь, чтобы в его больную голову не пришла какая-нибудь страшная идея фикс.

— Будешь. — выдает он.

— Что?! — не понимаю я.

— Ты, моя женушка, будешь на него работать. — Я сейчас ослышалась? — И не просто работать, ты будешь следить за каждым шагом моего брата и докладывать мне, поняла?

Он, что, издевается? Решил, что я его рабыня? Что хочу, то ворочу?

— Я на такое не подписывалась!

— Лера, я устанавливаю правила! Твою сестру отправят в Турцию послезавтра, если ты не будешь меня бесить.

— У нас другой уговор!

— А мне плевать на договор. Ты в моей власти. Если я буду в тебе сомневаться, оттяну момент отправки Вари за границу!

— Но в договоре прописано....

— Лера, либо ты играешь по моим правилам, либо нет. — давит меня взглядом, а к страху внутри меня примешивается столько отвращения и злости, что хочется плюнуть ему в лицо.

Козел!

— Не слишком ли это? Чего еще ты потом от меня потребуешь?

— Что потребую, то и сделаешь, ясно?

Ясно. Более чем!

Я его ненавижу! Ненавижу всеми фибрами души! Гад!

На глаза снова ползут слезы отчаяния и безысходности, но этому уроду плевать. Он думает только о себе.

— Я не слышу ответ. Тебе ясно?

— Ясно, — едва слышно шепчу я, и чувствую, как ноги слабеют, а перед глазами все плывет.

Я будто проваливаюсь в липкое, холодное болото отчаяния и скоро задохнусь.

За своими мыслями не сразу слышу стук в дверь, и слишком поздно замечаю, что мы уже не одни.

Степан что-то спрашивает, затем впускает в кабинет солидного мужчину в коричневом костюме.

— Теперь о брачном договоре, — выдает Антон, и мужчина, судя по всему, тот самый юрист, спешит достать документы.

Вот он последний гвоздь в мой гроб.

Глава 31. Блондинка с вечеринки

Вы когда-нибудь тонули?

Вам знакомо-то чувство, когда вы уходите под воду, все глубже, и глубже. Она заполняет нос, обжигает горло. Вы хотите сделать вдох, но не можете. Изо всех сил отчаянно пытаетесь выплыть, но ничего не выходит. И, в конце концов, обессилев, сдаетесь, уходите на черное дно, под толщу ледяной воды.

Именно так я себя сейчас чувствую.

Бреду по бульвару от станции метро до дома. А мира вокруг, будто не существует. Люди кажутся тенями. Жизнь пустой и разрушенной. Я разрушенная. В душе холод и сквозняк.

Тяну на себя дверь подъезда. Поднимаюсь по ступеням, невольно вдыхая противный запах мусоропровода, и ничего не чувствую при этом. Захожу домой. Стягиваю обувь, как обычно, и иду в комнату.

Мама дома. Суетиться, собирай вещи, разбросанные по дивану и креслам, в серый старый потрепанный чемодан.

Не замечает меня. Это хорошо. Мне нужно заставить себя улыбнуться, прежде чем обратиться к ней.

— Ой. Лера, я не услышала, как ты вошла! — подпрыгивает мама.

— Я вошла тихо, — говорю ей и отчаянно пытаюсь делать вид, что все в порядке.

Надеюсь, у меня получается.

Или нет?

Она хмурится.

— Все хорошо? — звучит беспокойство в нежном мамином голосе, она тут же берет меня за руку и тянет на диван, предварительно отодвигая с бежевой потертой обивки пару кофт.

— Отлично, — вру я, заставляя голос звучать бодрее.

— Он тебя не обидел?

— Нет, мам. Все нормально. Мы партнеры.

— Точно?

— Точно, — киваю я, касаясь пальцами сухой, шероховатой кожи ее руки.

Когда-нибудь я вылезу из этой западни. Встану на ноги и позабочусь о том, чтобы руки мамы были нежнее кожи ребенка. Чтобы она не знала больше тяжелого труда.

Именно эта мысль заставляет меня жить и бороться с отчаянием.

— Я сегодня забежала в твоё кафе по дороге, но тебя там не было, Лера.

— Я больше там не работаю, мам.

— Что случилось? Уволили?

— Я сама ушла. Антон предложил работу в офисе.

— В самом деле? — сияет мама, а затем опять хмурится. — С чего это он такой добренький? Ты с ним поаккуратнее.

Добренький. Очень.... А вот насчет последнего полностью согласна.

— Просто невесте богатенького наследника не пристало таскать подносы. Это бизнес и только, мам. Не беспокойся. Да и хватит обо мне. Ты уже все вещи собрала?

— Практически. Знаю, что вылет только послезавтра, но не могу сидеть на месте, — качает головой и прижимает руки к сердцу. А я жмусь к ней, желая впитать ее тепло и вновь

ощутить себя ребенком в безопасности и уюте. На пару секунд помогает.

— Завтра утром мне нужно в офис. А в обед я побегу к Варе.

— К ней сейчас не пускают толком никого. Иммунитет слабый, прости, солнышко. Ты ей позвони. Сегодня ей дали телефон.

— Правда? — оживляюсь я, и тут же достаю своего “старичка”.

Голос Вари, пусть слабый, но такой родной, теплом разливается по сердцу, и я вновь чувствую, ради чего все это прохожу. Ей сложно говорить, но при этом она пытается меня поругать. А я смеюсь. Потому что ее ворчание возвращает мне потерянный мир и надежду в лучшее.

Скоро мы снова будем вместе, и ради этого я все преодолею.

— Я люблю тебя сестренка, все будет хорошо. — шепчу ей и с тоской в душе отключаю звонок.

Капли душа смывают ту грязь, что тоннами окутала меня за долгий день. Забираюсь в постель, хочу уснуть, но мысли кружат голову.

Шпион. Я должна стать шпионом и доносить Антону на Кирилла. Сегодня он выкинул это условие, а что придумает завтра?

В любом случае, идти на такую подлость я не могу. Что мне остается? Делать вид, что я играю по правилам Антона до самого того момента, пока Варе не проведут операцию, а дальше... Дальше будет видно.

Только закрываю глаза, как трезвонит будильник. Мама уже всюду бежит по комнате.

Такой оживленной я ее тысячу лет не видела.

— Мам, ты чего? — пугаю я, когда вижу еще один погром.

Вещи она еще вчера упаковала, а с утра они пять везде. При чем мои.

— Не могу же я пустить тебя в первый рабочий день в абы-чем! — суетится она, а я почему-то злюсь.

Так и хочется сказать, что плевать в каком виде, я заявлюсь в свой персональный ад, но портить ей настроение не хочу.

В ад... Да, чувствую так и будет. А как иначе? Работать на бывшего, который считает тебя бог знает кем.

С маминой легкой руки я превращаюсь в элегантную юную леди в белой блузке и строгой черной юбке. В принципе, другого варианта и не было. Ну, кроме брюк и джинсов.

Еду в треклятый в офис в забитом до отказа вагоне метро и думаю о том, что меня сейчас там ждет.

Вот и стеклянное здание. Та самая дамочка на ресепшене, у которой видимо в должной инструкции прописано, окидывать всех наглым взглядом.

— У вас назначено? — спрашивает она, узнав куда мне надо.

— Первый рабочий день. Звягина Валерия.

Несколько секунд, и очередной временный пропуск у меня. Лифты, люди, нужный этаж. Ого! Вот это суета.

Быстренько отхожу в сторону, чтобы меня не сбил грузчик с коробками. Да он тут не один такой. Люди мечутся. И к кому мне тут обратиться?

Ах, вот. Степан!

— О! С добрым утром! — озадаченно выдает он. Нервный уже с самого утра.

— Доброе, — отрываюсь я, не отрывая взгляд от суеты. — А что происходит? Ремонт?

— Мусор уносят. Кирилл Александрович со вчерашнего вечера места для своих

работников обустроивает. Часть команды с собой сюда взял. Они уже обустроиваются.

— А где найти эти “места”? — озадачиваюсь я, и Степан лично решает меня сопроводить.

Напрягаюсь, когда прохожу мимо стеклянных перегородок кабинета Антона, но благо, его здесь еще нет.

Чуть дальше открывается еще один опен-спейс, будто офис в офисе. Столов не много. Я рассчитываю только пять, и столько же сотрудников, большинство из которых женщины. А за еще одной стеклянной перегородкой — Кирилл.

— Добрый день. Я Звягина Валерия, — обращаюсь к женщине, которая преспокойно щелкает длинными красными ногтями по свеженькой клавиатуре.

Почему именно к ней? Потому что ее стол ближе всего к кабинету босса, а значит, она секретарь.

Она тут же поднимает из-за стола и идет сообщать о новоприбывшей начальству.

Взгляд прилипает через стекло к Кириллу, который выслушав речь женщины, спешит обнаружить меня.

Взгляд холодный и на удивление пустой. Я бы сказала, безразличный, хотя еще вчера он резал льдом. А сегодня я не вызываю ровно никаких эмоций.

Будто так, никто.

И это, наверное, хорошо?

Кирилл отворачивается, бросает даме пару слов, и та спешит ко мне. На секунду мне кажется, что она меня сейчас отправит восвояси, но нет.

Анна Михайловна, как она себя представляет, говорит, что я поступаю в ее распоряжение и должна быть на подхвате. Однако толком объяснить, что мне нужно делать не может.

Ей некогда из-за переезда, и она отмахивается тем, что мне нужно отвечать на звонки, и если важные, звать ее. Ну и чай и кофе я буду заваривать вместо нее.

Неплохое повышение официантки.

— Как разберемся, я тобой займусь, — говорит она, а затем велит мне отнести трудовую в отдел кадров.

Знать бы еще где он, но Анне Михайловне звонят, и разговор затягивается, а стоят над душой неудобно. Сама найду.

Едва хочу выбраться в коридор, как натыкаюсь на симпатичную блондинку. Среди разносортных работников офиса она кажется топ-моделью. Высокая, красивая яркая. Может, правда, модель?

— Ты? — хмурится она, глядя на меня, и только в этот момент до меня доходит, что мы уже встречались. Точно! На вечеринке у друга Кирилла. Она еще тогда меня взглядом испепелить хотела. И сейчас, впрочем, пытается сделать то же самое.

— Что ты тут делаешь? — задает вопрос так, будто я в чужой дом без спросу залезла.

— Работаю, — отвечаю я, а самой дико хочется знать, она что тут потеряла. Но спрашивать не приходит.

— А я к Кириллу, — выдает дамочка с какой-то странной злобной ухмылкой, задирает нос и походкой от бедра следует прямо к его кабинету.

Я так и застываю на пороге, глядя ей вслед. Анна Михайловна, забегает к боссу, а через несколько секунд уже приглашает блондинку внутрь.

Какое-то гадкое чувство селится в животе и карабкается вверх до самого горла. Я делаю

несколько шагов назад, чтобы разглядеть, что происходит, и горько жалею от этом. Блондинка подходит в плотную к Кириллу и нежно касается пальчиками воротника его рубашки. Вся извивается точно змея. Кирилл будто чувствует мой взгляд, хуже! Он ловит меня за этим постыдным наблюдением, и я каменею до кончиков пальцев.

Не чувствую ни рук, ни ног. Только жар в груди, грохот взбесившегося сердца и горечь во рту. Хочу отвернуться, но он делает свой ход раньше. Щелкает пультом, и стекло в момент превращается из прозрачного в мутно-белое.

Позор! Позор! Зачем я посмотрела?

Зачем дала сердцу повод болеть?

А Кирилл молодец! Меня обвинял во всех грехах, а сам тут же за новой юбкой повелся. А может и не велся? Может, всегда был с ней? То-то та дамочка так на меня смотрела на вечеринке у бассейна. Точно!

Но сюда зачем ее приводить? Что я увидела? Чтобы сделать мне больнее? Поздравляю! Получилось.

Плюнуть бы сейчас, топнуть ногой и уйти....

Но кто мне позволит?

Как в тумане иду по коридору, нахожу дурацкий отдел кадров. Дама с короткой стрижкой быстро сканирует документы, сует мне заявление на прием, и отпускает.

Вот только обратно идти я не хочу. Не хочу видеть этих двоих снова.

— Где тебя носит? — злится Анна Михайловна, едва я появляюсь в опен-спейсе. — Быстро отнеси в кабинет директора кофе.

Что? Я? Туда?

Кидаю взгляд на перегородку. Все еще мутно белая. Значит, эта блондинка там. И мне нужно учтиво падать сладкой парочке кофе?

Глава 32. Проблеск надежды

Да он специально издевается гад!

С трудом сдерживаю гнев и иду в кухонный уголок. Он как раз отделен перегородкой. Вот там и выпущу пар.

Или не выпущу.... Оглядываю кухню и охаю.

Половина посуды все еще в коробках, но пара красивых чашек находится. К счастью кто-то до меня успел загрузить зерна в кофе машину. Нужно лишь задать команду, добавить молока, если эти двое капучино пьют. А что они пьют?

Плевать! Уточнять не буду!

Вымываю кружки под струей горячей воды, затем насухо вытираю полотенцем. Вот так насухо, что аж скрипят. И зубы мои сейчас тоже скрипят! От злости! Ну ничего. Не умру я от того, что подам сладкой парочке кофе.

А когда этот кошмар с договором закончится, фиг они меня смогут достать! Все!

Машинка журчит, наливая кофе с пенкой. Ставлю голубые чашки на блюдца, а затем на круглый поднос. Салфеточки же надо еще положить.

Вот тебе и офисная официантка. Далеко ушла от "обслуживания всяких", как выразился Антон?

Те люди, кому я раньше кофе подавала, хотя бы не хотели откусить мне голову.

Но ничего. Это временно. А потом я сдам экзамены, поступлю в ВУЗ или найду альтернативу в онлайн-школе. Одна мне даже нравится. Когда было побольше времени я заглядывала туда на вебинары по 3d моделированию интерьера, работе с фоторедакторами, да и вообще изучала основы дизайна.

Если с вышкой не сложится, пойду этим путем. Он короче, а знания выжатые и отобранные без воды. А сейчас нужно отнести голубкам кофе.

Ой, мамочка, дай мне сил зайти туда с прямой спиной и гордо поднятой головой. Вот и стеклянная дверь, все еще замутиненная белым "туманом". Ничего не видно.

Тук-тук.

— Войдите, — строгий, сухой голос.

Так даже лучше. Дистанция только на пользу пойдет!

Набираю в грудь побольше воздуха и вхожу. Кирилл сидит за столом, внимательно всматриваясь в какие-то распечатки. А вот никакой блондинки нет.

— Ваш кофе, — отзываюсь я тихим и почтительным, как положено девочке-стажерке, голосом.

Кирилл хмурится и тут же переводит на меня грозный взгляд.

— Я просил Анну Михайловну принести кофе, а не тебя, — выдает он так, будто видеть не хочет, и тут же возвращается к документам.

Тогда какого черта сам все это заварил? Шантажом заставил меня работать на себя, чтобы что?

Я посмотрела на его пассию и уволилась с горя? В первый рабочий день?

— Анна Михайловна сказала сделать мне, — отчитываюсь я.

— Поставь на стол. — полная отстраненность в голосе.

Даже взгляд в мою сторону теперь не бросает. Это чтобы я поняла, что больше ничего для него не значу?

Вот и отлично, ледяной босс! Посыл получен!

Опускаю поднос на край приставного стола, но он почему-то наклоняется, будто не зафиксирован. Это что же наспех собрали, а все болты вкрутить забыли?!

Ой!

Пытаюсь поймать поднос, но кофе выплескивается прямо мне на руки, а одна чашка и вовсе слетает на пол и разбивается о серый матовый кафель у моих ног.

— Ай! — вылетает из губ, и мои руки тут же оказываются в ледяных ладонях Кирилла.

Я даже не успеваю понять, как он успел оказаться так быстро рядом со мной. От его непрошенных прикосновений спирает дыхание, сердце уходит в пятки. Боюсь, что наорет, а он....

Он оглядывает мои пальцы так, будто это его ошпарило, а не меня.

В груди становится больно. Щемит так, что слезы наворачиваются на глаза.

Это Кирилл, мой Кирилл. Тот, которого я вопреки всему полюбила. И который, несмотря на все свое желание мне отомстить, сейчас печется о моих ожогах.

— Больно? — звенит в ушах его голос, а я не чувствую боли.

Точнее болит не опаленная кожа, болит опаленное сердце.

— Вам какое дело? — рычу я, отдергивая руку, но Кирилл тут же возвращает ее себе.

— Не дергайся!

Хватает со стола бутылку воды и льет на покрасневшие пятна, не заботясь о том, кто будет потом убирать лужи с пола.

Внимательно и нервно всматривается в покраснения на коже, а затем поднимает на меня взгляд. И смотрит так не моргая несколько секунд, а затем хмурится.

— И чего ты такая не аккуратная? — рычит он, отстраняясь от меня.

— Стол шатался.... — только и шепчу я, а голос дрожит.

Кирилл это примечает.

— Не плачь. Ожоги не сильные. Волдырей быть не должно.

Вот только глаза на мокром месте я не из-за ожогов. А из-за него. Неужели он не понимает?

Нет. Не понимает. Варится в своих тёмных мыслях. Похож на взъерошенного дикого зверя, который вопреки своей натуре, жалеет собственную жертву.

— Но за кремом в аптеку сходи. — командует он, вновь делая голос ледяным и сухим.

— Не нужно. Я в порядке, — отрываюсь я и принимаюсь поднимать осколки с пола.

— Да стой ты! — рычит он, хватая за локоть и поднимает с пола. — Порежешься!

Не могу удержаться и не посмотреть на него сейчас. Это как вспышка из прошлого, когда мы еще не стали врагами, не вкусили боли и не возненавидели друг друга. Точнее он — меня.

Кирилл ловит этот мой взгляд. И он ему не нравится. Желваки выдают и нахмуренные брови. Но в этот раз отойти от меня не спешит, смотрит так, будто в душу заглянуть хочет.

А я сама в свою душу смотреть сейчас боюсь. Там ад, там бездна, там крошечный мрак, где нет даже луча надежды.

— Лера, ты.... — хрипит его голос, пока он всматривается в мои слезы.

Я так отчаянно надеюсь, что он все поймет без слов.

Но нет. Стук в дверь разбивает в прах едва родившуюся крохотную надежду.

— Прошу прощения. Заказчики звонят. Соединять?

— Соедини, — кивает Кирилл, вновь становясь ледяной бесчувственной статуей.

— За кремом от ожогов сходи, — бросает мне, даже не глядя в мою сторону, и возвращается к делам.

Сглатываю ком, и судя по тому, как больно, этот ком состоит из осколков стекла, и ухожу. В офисе кипит жизнь, а я чувствую себя полумертвой. Ненужной. Растоптанной.

Как я это все выдержу?

Смотрю на красные пятна на бледной коже рук, но не чувствую боли, чувствую покалывание от еще не остывших прикосновений Кирилла.

Вот же дура. И о чем я думаю? Вспомни, кто недавно сюда приходил. Та красotka. Перестань уже реветь о прошлом и искать надежду там, где ее нет. Забудь.

Тебя никто не спасет. Никто не поможет. Ты у себя одна.

Береги свое сердце, и не позволяй ему страдать по тому, кому на тебя кому-то стало плевать.

Да, тот порыв, взбаламутивший душу, ничего не значит. Ничего. Кирилл делает ставки, играет в игру, где я только пешка, которую он не пожалеет.

Теперь все именно так.

— Когда вниз пойдешь, прикупи круассанов, — отвлекает меня от мыслей Анна Михайловна.

— Что?

— Шеф сказал тебе мазь в аптеке купить. Там рядом пекарня. Я сейчас денег дам, — суетится Анна Михайловна.

Что ж. Выйти мне точно не помешает, пока я окончательно тут не рехнулась.

К моменту, когда иду к лифтам рабочих с коробками уже нет. Все блестит чистотой, а офисные работники с головой заняты своими делами.

Жму на кнопку вызова лифта, затем втискиваюсь между мужчинами в деловых костюмах и отчитываю этажи на цифровой панели.

— Дзинь! — звенит "Отис", и я вываливаюсь в холл, где кипит жизнь и суета.

Вот бы раствориться в ней без остатка. Потеряться хоть на несколько минут.

— Лера, — звучит недовольный голос, от которого все внутри содрогается.

Антон, черт бы его побрал!

Глава 33. Нафига?!

Кирилл Соколов:

Твою мать! Что я творю?!

Заглатываю еще глоток обжигающего пойла и толкаю стакан в сторону. Он скользит по гладкой поверхности стола и останавливается у матовой стеновой панели.

Опираюсь локтями на мраморную столешницу и мну пальцами переносицу.

Голова сейчас взорвется.

Ты кто такой вообще? Ты кто, Кирилл?

Я тебя нихрена не узнаю. Совсем крышу сорвало?

А как тут не сорвать-то, когда видишь бывшую девушку рядом с сопливым братцем? Свиданок в нерабочее время им мало, решили еще и в офисе пообниматься?

Вот только то, что я слышу на вес золота. “Испортишь репутацию, останешься ни с чем” — так заявляет Антон Лера?

И если в первые секунды мне хочется ему исправить прикус, то потом я быстро вспоминаю, что она сама выбрала этот путь. Ради денег, идиотка.

Видит же, какое существо перед ней, но не бежит, остается. Почему?! Она готова терпеть, и это бесит больше всего.

Ничего. Скоро ей не за что будет держаться. Банкрот таким, как Лера, не интересен, а я обеспечу Антону нулевые счета. Не сегодня, но в скором времени. Обязательно!

А пока что мне нужно убедить совет, что до выздоровления генерального директора “Соколов групп” в моих руках будет надежнее.

Это не сложно, учитывая мой личный опыт. Но акционеры в смятении. Видимо, кто-то разболтал о завещании деда и пулънул слушок о том, у кого скоро будет самый толстый пакет акций. Это и заставляет совет медлить с ответом.

Отлично. Я поднажму. Повышу ставки. Пообещаю увеличить доход.

— Такое невозможно! — вспыхивает Антон, но я буду не я, если дам обещание, которое не могу выполнить.

Графики и стратегии становятся лучшим аргументом.

А ты думал я сюда не подготовленным пришел? Я все просчитал, ублюдок. И даже день вашей с маменькой и папенькой “кончины”. И он случится раньше, чем ты думаешь!

Четыре руки “за”, две “против”.

Дело за малым. Показать результат.

Триумф первой победы на намеченном курсе возмездия смешивается с гадкой злобой, когда я вижу ее.

Лера стоит у окошка, любуясь миром. Представляет себе беззаботную жизнь? Шмотки из брендовых бутиков, сливки общества в френдзоне, особнячок на рублевке, а там еще и пару ребятишек, чтобы муженька к ноге привязать?

Меня клинит от последней мысли. Клинит не на шутку.

Даже не понимаю, как оказываюсь рядом. Но она пытается сбежать. И, правильно, от меня ей лучше быть подальше, ибо не ровен час, когда мне окончательно снесет башку.

— Что тебе надо? — возмущенно шипит Лера.

Кто из нас еще должен злиться?

— О чем говорил Антон? — дышу ровно, а внутри все булькает, как лава вулкана. И только Лера способна одним своим присутствием этот спящий вулкан побудить.

Не понимаю, почему меня так триггерит на ней!

— Что?

— Пятно на его репутации, и ты потеряешь все? У вас договорные отношения, не так ли?

Пугается, а я ловлю себя на мысли, что очень хочу, чтобы мое предположение оказалось верным. Может, этот брак просто фикция?

Я не раз обдумывал подобный вариант. Ну же Лера, сознайся! Дай мне шанс тебя вырвать из того болота, куда ты так упрямо пятыешься попасть!

— Нет. Брак будет настоящим. А это пункт брачного договора, который мы подпишем.

Сука! Ну а чего я ожидал-то? Может, она не вдуляет, на что идет и с кем связывается?

— Ты знаешь, что нужна ему ради наследства и только? — может, сейчас дойдет?!

— Знаю.

Какой легкий ответ. Будто на все готова. Хотя, почему это будто?

Ее же купили, как куклу в магазине взрослых игрушек. А она и рада хозяину с толстым кошельком.

Сука-а! Меня сейчас разорвет!

Тихо, Кирилл! Дышим ровно! Она не мужик, чтобы с нею тягаться. Эта женщина. Хоть и продажная, к моему глубочайшему сожалению!

— Не удивлен. Но, видишь ли, никакого наследства не будет. Я об этом позабочусь. Потому, Лерочка, лучше беги, пока этот “контракт” не подписала. Это мой тебе прощальный подарок.

Даю ей последний шанс сбежать с корабля, который скоро потоплю, но она упирается.

— Никуда я не побегу.

— Даже так? Я предлагаю тебе безболезненный выход, а ты повышаешь ставки? Так хочется денег?

Злится. А эта злость бальзамом ложится на сердце.

Для тебя еще не все потеряно, девочка? Совесть еще жива?

— Ну что ты? Неприятно? — подначиваю ее. Дай мне в это поверить! Убеди, мать твою!

— Все нормально. Все правильно. Нужно смотреть правде в глаза. Я, ведь, только на деньги падкая.

Говорит так ровно, будто это пустяк. Аж передергивает.

Она это назло? Специально? Позлить меня хочет? Или в самом деле такая?!

Ну что ж!

Тогда сыграем по-плохому.

— Ты гад! — шипит, когда хочу вынудить ее покинуть поле боя шантажом.

Черт, она права. Я гад. Саму от себя противно. Но иначе ее из уравнения никак не убрать.

— Даю последний шанс! Уходи от Антона восвояси!

— Я не могу.

Ну лжет же!

— Разве? А может, не хочешь?

— Мне нужен этот брак. Прошу не вмешивайся! — в синих глазах блестят слезы, и на

секунду возникает мысль, что все не так просто в этом деле, как кажется на первый взгляд.

А как тогда, черт возьми?!

— Дай мне хоть одну внятную причину.

Молчит. Молчит, мать твою, в такой важный момент!

— Лера, не зли меня еще больше. Либо говори, либо уходи, либо....

— Я не могу....

— Мне надоел этот цирк. Хочешь по-плохому. Будет по-плохому!

— Нет! Стой, что мне сделать, что ты остановился?! — выдает она, а меня будто битой

по голове мудохают.

Что ей сделать?!

Даже так?!

На все ради своих планов, готова пойти? Вообще тормозов нет?!

Лера. Лера. Лера. Прекрати это....

— А на что ты готова, Лера?

— Что?

— Я спросил, на что ты готова пойти, чтобы эти файлы исчезли? — рычу, потому что говорить нормально уже не могу.

Меня так бомбит, что сейчас тут все разнесу к херам.

Но этот взгляд, полный упрека и ненависти, позволяет родиться мысли, что я чего-то не знаю. Хочу в это верить, так отчаянно, что сам себя ненавижу за эту слабость. Не стоит забывать, что она та еще актриса.

— Не знала, что ты можешь опуститься до шантажа.

— А я не знал, что ты окажешься продажной женщиной. — выдаю ей, а сам как debil жду, что она сейчас врежет мне, как тогда у машины, и скажет, что я чертов дурак, и объяснить всю эту происходящую хуету каким-то неведомым, но убедительным образом.

Я точно на ней поехал, раз все еще этого хочу!

— Что за взгляд? Не считаешь себя такой? — подталкиваю ее.

— Ты все верно сказал. Уже второй раз. — Сука! Сука! Сука! — И что ты хочешь от меня за эти файлы?

Что я хочу?

Уже ничего я от тебя не хочу! Я тебя придумал. Сам идиот!

Надо гнать ее в шею и заканчивать этот бед, но появление Антона становится для меня сродни красной тряпки для быка.

Я дал ей шанс одуматься. Она не одумалась.... И я не одумался. Идиот.

Сам себя в западню загнал.

— Ты чего такой хмурый? — тянет Славик, развалившись на диване в моей гостиной. — С акционерами все прошло нормально?

— Да.

— Тогда что тебя парит?

Не что, а кто.

Лера, которая весь вечер не выходит из головы. Не нужно было поддаваться импульсу. Хотел наказать ее, а походу, накажу себя. Каждый день смотреть на нее в офисе и слышать в голове “Да, я такая, деньги для меня все”. Да ее прибью, и в тюрьму сяду.

Нахрен, я это сделал?!

Пусть не придет.

Нет. Приходит. Смотрит испуганными глазами, как раньше. И что мне теперь с ней делать?

Игнорировать для начала. Работы теперь вагон. Ею и займусь.

— Кирилл! — щебечет Маша, улыбаясь во все тридцать два зуба на пороге нового кабинета.

— Ты что тут делаешь?

— Узнала, что ты теперь в нашей башне обитаешь, решила проведать, — щебечет она. — Ой, у тебя воротник заломался.

Не успеваю проверить, как она уже поправляет, точно жenuшка.

Если бы не ее эти порывы, я бы может и спал бы с ней дальше. Но нет. Одна головная боль.

Краем глаза ловлю пылающий взгляд. Лера смотрит прямо сюда. В глазах — боль.

С чего бы, когда у нашей куколки нет сердца? Или все-таки есть?

Так. Гони эти мысли нахрен, Кирилл. С ней каши не сварить. Как и с Настей тоже. Но все же, она свою роль, сама того не ведая, отлично сыграла.

Щелкаю пультом, и когда нас с Лерой разделяет матовое стекло, убираю с себя руки Насти.

Обижается, дует накаченные губки. Когда-то меня это забавляло. А сейчас раздражает. Сейчас все раздражает.

— Насть, работа, — указываю ей на дверь.

— Но ты ведь придешь на открытие нового кафе Славы?

— Если время будет. Давай, — тороплю ее, а затем возвращаюсь к делам.

Графики, цифры. Ничего нельзя упустить.

— Анна Михайловна, организуй, пожалуйста, кофе. Покрепче, — прошу секретаршу и возвращаюсь к делам, но с подносом приходит *она*....

И внутри все опять начинает медленно тлеть.

Звать ее сюда было ошибкой. Это точно!

Я нее ее наказываю, а себя. В который раз в этом убеждаюсь.

— Поставь на стол. — бросаю ей, а сам пытаюсь сосредоточиться на документах, а не на этой ведьме.

И почему, блядь, меня так тянет на нее посмотреть?

— Ай! — подпрыгивает Лера.

Отрываясь от бумаг и вижу, как кофе ошпаривает нежную кожу. В башке срывает чеку.

Все планы возмездия, все “но” и “нельзя” растворяются, и сейчас есть только эта дуреха, умудрившаяся себя обжечь.

Сука, монтажникам руки повывдираю с корнями! Но сначала Лера.

Касаюсь ее пальцев, и выдыхаю, поняв, что ошпарилась не сильно. Однако все равно... руки мебельщикам выдеру.

Ловлю на себе взгляд, полный непонимания и боли, и меня клинит. Ну не может так смотреть женщина, которой наплевать. Не может.

Меня клинит. Я хочу ее. Я все еще ее хочу. И как бы не ненавидел, меня к ней тянет, как сумасшедшего.

Это ненормально. Это опасно! Я — опасен!

Надо ее убрать, пока она окончательно не свела меня с ума.

— За кремом от ожогов сходи, — бросаю ей, а у самого аж зубы сводит, потому что я чувствую к ней то, что хотел бы нахрен закопать в глубокой сырой могиле.

Уходит. А я смотрю на подушечки пальцев, которые хранят нежность ее кожи, и внутри нарастает дикая ярость.

Хватит. Достаточно. Эти черные игры не для меня.

Пусть делает, что хочет. Спит, с кем хочет. У меня переговоры на носу, а мысли падшей женщиной забиты. К черту!

Выхожу из кабинета, что бы вернуть все на свои места, а Лерочки-то нет.

— Анн Михайловна, где Лера?

— Она за мазью пошла. Минут двадцать назад, — выдает секретарь, проверив часы.

— Аптека так далеко?

— Да нет, внизу. — жмет плечами.

Сбежала, может? Хрен с ней. Хватаю пиджак, смотрю на время. Даже с пробками на встречу с заказчиком успею.

— Ее еще не оформили? — спрашиваю секретаря перед выходом.

— Она отнесла свои документы в отдел кадров, но приказ еще не поступил.

— Позвоните и отмените прием. Лера тут больше не работает. Когда вернется из своей аптеки, скажите, что она свободна.

Анна Михайловна, явно, удивлена. В моих правилах выкидывать подобные коры, но сейчас я сам не свой.

Вот избавлюсь от нее, и будет всем на радость у меня трезвая голова. А пока что — там пиздец, от которого я сам в ахере.

Спускаюсь вниз и что я вижу?

Лерочку с Антоном. И, вроде, не делают ничего, а бомбит не на шутку.

Нет. Тут уже не злость, тут ярость.

Женщина, обманувшая меня, и подленький братец не получают свой сказочный “хэппи энд”.

Я за это отвечаю!

— Лера!

Глава 34. Архив

Лера Звягина:

— Ну, что там? — теревит Антон, подловив меня в холле офисного здания.

— Что?

— Кто приходил, что говорил? Чем Кирилл занят? — требует он.

Честно, даже если бы знала, не сказала бы. А так и врать не придется.

— Не знаю. Я там только полдня пробыла. Успела в отдел кадров сходить и кофе подать.

— Внимательнее надо быть, Лера. Ты там не прохлаждаться должна, а работать. Ты мои глаза, не забывай, — говорит он, и мне эти самые глаза хочется вырвать, раз они его.

Нет. Обойдется. Мало я из-за него страдаю? Козел!

— О, Антон Юрьевич! — останавливается возле нас какой-то мужчина и протягивает моему “жениху” руку.

Антон Юрьевич в свойственной ему манере хамелеона тут же превращается из засранца в самую вежливость и улыбается. Мне, наверное, тоже нужно, но не выходит.

— О, прошу прощения, что помешал, — подмечает меня незнакомец.

— Пустяки. Это Лера. Моя невеста, — выдает Антон, и я очень стараюсь отыграть роль счастливейшей бедующей жены богатенького придурка.

— Рад знакомству. К сожалению, сейчас я спешу, но давайте как-нибудь выпьем кофе вместе? Как вам такое предложение?

— Прекрасно. На связи, — весь из себя представительный Антон.

Вот только, когда мужчина нас покидает, от слащавой улыбки “жениха” не остается и следа.

— Это сейчас что было? — смотрит на меня как на врага народа.

— Что?

— Улыбайся, Лера. Нормально улыбайся. Твоё лицо не должно меня раздражать, тем более на людях, поняла? — говорит он, а я все больше хочу его придушить.

Увы, нельзя. Приходится давить улыбку.

— Так? — скалюсь ему назло и ловлю себя на мысли, что не будь рядом кучи свидетелей, то могла бы сейчас схлопотать.

— Давай, побеси меня, — тянет “жених”. — Нормально, говорю, улыбнись.

О боже! Чувствую, что до конца этого договора у меня будет лишь одно желание — двинуть ему в пах как следует. Как же он раздражает.

Улыбнуться. Пустяк, вроде, да? Вот только чувство, что меня сейчас не счастье изобразить просят, а встать на колени и радоваться, когда при этом похлестывают и пинают. Идиот!

Так, Лера. Успокойся.

Выдави эту дебильную улыбку и пусть он катится быстрее.

— Вот так уже лучше. Приклей ее намертво, — командует жених, когда получает от меня желаемое.

После этой помолвки мне можно уже в актеры подаваться. Весь Голливуд сделаю своей улыбкой!

— Лера! — раздается достаточно громкий голос, и я тут же оборачиваюсь.

Кирилл.

Боже! Хоть бы эти два лба опять не столкнулись до искр из глаз.

— На связи, — бросает неожиданно Антон и ретируется еще до того, как подходит

Кирилл.

При этом "жених" еще и телефон к уху прикладывает, имитируя важный звонок.

Ну да, просто так уйти с пути, наверное, стремно. А так, будто бы при деле.

Показушник!

Ой, мне не о нем стоит думать, а о Кирилле. Какой-то он злой.

Хотя, для него в последнее время это норма. Нахмуренные брови, поджатые губы, стиснутые челюсти. А ведь когда-то он улыбался мне. И смотрел совсем иначе.

Нет, Лера, не вспоминай. Опять будет больно.

— Кирилл Александрович, что-то случилось? — придаю голосу официально деловой тон.

— До аптеки, я смотрю, ты так и не дошла? Заблудилась в холле? Или решила, что у тебя свободный график?

Ого, сколько желчи в голосе. Не знала бы, что он хочет меня наказать, решила бы, что ревнует.

— Прошу прощения, Кирилл Александрович. Сейчас же вернусь на рабочее место.

— В аптеку сначала сходи. И через десять минут будь в офисе.

— Хорошо, — киваю я и хочу как можно быстрее от него ускользнуть.

Уже далеко отошла, а спиной все еще чувствую взгляд.

Сердце колотится то ли от злости, то ли от обиды. И где эта дурацкая аптека?

Прохожу под зеленой вывеской и прошу женщины за стеклом крем от ожогов. Ловлю себя на мысли, что впервые за последние полгода покупаю лекарство для себя. Обычно всегда для Вари.

Как она там сейчас? Я обязана увидеть ее до отъезда. И если бы не эти титаны с претензиями на господство надо мной, то уже сейчас бы была в ее палате. А теперь придется терпеть до вечера.

Сразу после работы к ней пулей помчусь.

Забираю маленькую упаковку с тюбиком жирного крема и спешу обратно, чуть не позабыв о заказе Анны Михайловны. Яркий аромат свежей выпечки напоминает об этом.

Интересно, Кирилл уже ушел? Не прибьет, если увидит, что я еще раз "заблудилась"?

Надо бы скорее вернуться, но женщину расстраивать не хочется. Забегаю внутрь и нервно отстаиваю очередь. Я всего лишь третья, а чувство будто все железными монетами расплачиваются — так долго.

Хватаю наконец-то заказ и спешу к лифтам. Вроде, на глаза никому не попала. И Кирилла нигде не видно. Даже в самом офисе нет: стекла сейчас прозрачные, кабинет пуст. Уехал?

Отдаю женщине хрустящий бумажный пакет и, наверное, впервые за день выдыхаю. Вот только сидеть без дела, пока Анна Михайловна что-то нервно ищет в бумагах, а потом вносит в какую-то программу, долго не могу.

Не понимаю тех, кто хочет ничего не делать и получать зарплату. Мне куда приятнее ощущать собственную ценность, и за эту ценность получать достойную награду.

Долго бездельничать не могу. Прошу у секретаря задание.

— Пока папки по алфавиту сложи, — выдает она мне.

Мда. Крутой офис, а я девочка на практике.

Тихо, Лера. Работай. Потом свою жизнь сама устроишь.

— Я все, — говорю ей, но женщину оперативно выполненная задача не радует. Она раздражается, потому что я ее отвлекаю.

— Слушай, я не знаю, что еще тебе поручить. Тебя же учить надо, а у меня времени нет.

— А чему именно учить? Может, я умею?

— Что умеешь? — устало спрашивает она.

— В фоторедакторах работать, делать визуализации, немного изучала маркетинг и дизайн.

— Немного это не к нам. А если бы и много, то вон к девочкам из производственного, они этим занимаются. А ты, увы, у меня на подхвате.

— Так что же мне делать? Вы только скажите....

— Просто сядь и сиди.

— Анна Михайловна, — раздается голос, и мы обе только сейчас понимаем, что проморгали возвращение босса. — Что тут у вас за разногласия?

— Девочка работу хочет, а у меня нет времени ее обучать, Кирилл Александрович. Простите. Я бы с радостью, но тут со стольким надо разобраться.

— Работать, значит, хочется? — с каким-то недоверием он смотрит на меня.

Что, уже мысленно наклеил на меня ярлык белоручки и тунеядца, раз замуж за его богатенького брата собралась ради денег?

— Ну не сидеть же сложа руки, — так и хочется ему сказать, но вместо этого просто киваю.

— Анна Михайловна, хорошо подумайте, точно ничего у нас для нее нет. Вы же жаловались на архивы.

— Точно. Их нужно было оцифровать. Девочка должна была подойти в пятницу. Раньше обещала, но не получилось.

— Отмени ее. Пусть Лера этим займется, — говорит Кирилл, кидая в меня неопределенный взгляд.

Сослать, что ли, решил? Я не против! С радостью свалю от него подальше!

— Она у нас сегодня неплохо погуляла, вот пусть отработает за дисциплину. Пока половину не переберет, отсюда не ногой. — добавляет он, а затем входит в свой кабинет.

Мда. Выпросила работы.

Анна Михайловна тоже не особо рада. Вздыхает, поднимаясь с кресла и говорит идти за ней. Тратит полчаса своего драгоценного времени, чтобы ввести меня в курс дела, не забывая в этом упрекать.

— Ну, поняла?

— Поняла.

— Приступай тогда. Уж не знаю, когда ты тут половину разгребешь. Разве, что к ночи. Сидела бы и молчала. Я бы потом потихоньку тебя всему научила. Бог с тобой.

Нажелала мне и ушла.

Я вот в легком шоке смотрю на грудку стеллажей с папками. Пыльно-то как. Сюда хоть кто-то когда заходил прибираться?

Ну да ладно. Мы не из нежных. Тем более, в этом даже плюсы есть. Здесь я Кирилла видеть не буду. Как и других людей. Как и света белого.

Кирилл Соколов:

— Кирилл Александрович, Лера я все объяснила, она работает, — докладывает Анна Михайловна, ставя на стол чашку кофе. Пахнет он как-то иначе. Они с Лерой из разных зерен варили?

— Понял. В мой кабинет ее не посылай. Сама приходи.

— Хорошо, Кирилл Александрович.

Уходит, а я головой погружаюсь в работу. Много нахватал, но по силам. Не замечаю, как идет время, но когда глаза устают, откидываюсь на спинку кресла, чтобы немного передохнуть.

Вот только взгляд ползет к стеклянной перегородке, за которой еще недавно маячила Лера. Теперь там только секретарь. А принцесса, которая стремиться к счастливой участи золушки с кучей слуг, сейчас сдувает с папок пыль.

Ладно. Что там с тендером?

Во второй раз посматриваю смету, чтобы ничего не упустить. Завтра производственный отдел соберет пакет, и можно идти в бой.

Когда заканчиваю дела, за окнами давно темно, а офис пуст. Приятная усталость растекается по телу. Разминаю затекшую шею, хватаю с вешалки пиджак, а со стола ключи от тачки. Контрастный душ и спать.

Замок стеклянной двери кабинета громко клацает в полной тишине. Как же здесь спокойно. На вес золота эта тишина.

Выключаю в опен-спейсе свет и хочу уйти, как вижу яркую желтую полосу под дверью архива.

Ага, Лера выключателем пользоваться не умеет. Толкаю дверь, чтобы выключить свет изнутри и на секунду подвисяю, обнаружив среди бесконечных бумаг маленькое неподвижное тело.

Чего это она скрючилась на стуле? Уснула, что ли?

В самом деле, спит. Притом беззаботно, как ребенок. Пальцы и черная юбка в пыли, а рядом гора скомканных салфеток. Оттереть пыталась одежду, но не вышло.

Как же она тут умудрилась уснуть? Здесь же воздуха почти что нет. А тот что имеется с примесью пыли.

Разбудить или пусть утром проснется сразу на работе?

Мда. Когда ты стал таким, Кирилл?

— Лера, — зову, не слышит. — Лер.

Вздрагивает во сне, и из тонких пальцев выскользает телефон.

Ловлю на автомате. Вот это древность. Хорошо, что не кнопочный. Антоша нормальный купить ей не мог?

Мда, Лера, умеешь ты выбирать мужиков. Даже жалко тебя иногда.

Поднимаю на нее взгляд. Слишком близко. Сладко спит. Как малышка. Абсолютно беззащитна.

И даже не догадывается, на сколько близко я.

Глава 35. Одиночество

Поднимаю на нее взгляд. Она слишком близко. Сладко спит. Как малышка. Абсолютно беззащитна.

И даже не догадывается, насколько близко я. К ее лицу, к ее губам, вкус которых еще помню. И все еще хочу, к собственному стыду.

Не нужна она тебе, Соколов. Опомнись.

Хмурится. Что ей снится? Я, гоняющий ее по дурацким поручениям?

Что это? Слеза?

Кто вообще плачет во сне? И почему эта слеза меня сейчас так злит?!

— Лера, проснись, — хочу зарычать, а совесть не дает.

Как вообще на нее сейчас рычать? Она как маленький несчастный ребенок, которого злой дядька загонял. И этот дядька — я.

Касаюсь ее плеча, и Лера тут же вздрагивает.

Медленно открывает свои синие, как васильки, глаза, пытаюсь понять, что происходит, замечает меня и вскакивает.

Пугается как огня. Вжимается в стену.

Это я страшный, что ли, такой?

Лера Звягина:

— Ты что тут делаешь? — пугаюсь я, пытаюсь полусонным мозгом сообразить, что сейчас произошло.

Я уснула в архиве? Я ведь только на секунду голову опустила и то потому что, мигрень началась. Боже, сколько сейчас времени?

— Это я у тебя хочу спросить. Рабочий день закончен, — сообщает мне холодным голосом, который отчего-то срывается на хрипоту.

Да и вид у Кирилла, хоть и хмурый, но уже не такой холодный. Он настолько устал? Или что с ним?

— Сам, ведь, поручил все это разобрать. — говорю ему.

— Разобрать, а не спать. Идем. Отвезу.

Что?! Мне послышалось?!

— Чего стоишь? Ночь уже, сама не поедешь.

Что?! Ночь?! Это сколько же я проспала! О боже! Варя!

Если я ее сегодня не увижу, то ни за что себя не прощу!.

— Не нужно. Я сама. — срываюсь с места, и уже готова лететь, сбивая ноги, но Кирилл загораживает путь.

Ну, господи! Можно издеваться надо мной не сейчас?! Чего так смотрит, будто я ему на ногу наступила?

— Лер, — звучит как-то странно его голос. Без холода. Без злости. Но все равно отстраненно. — Если хочешь уйти, уходи.

— Что?! — не понимаю я.

Он же сам мне путь загораживает, вообще-то!

— Я взбесился, Лера. И буду продолжать беситься, пока ты рядом. Я был неправ,

шантажируя тебя файлами. Я их удалю. — говорит он, и на секунду мне кажется, что я еще сплю.

Что это? С чего вдруг?

— И если ты не хочешь тут работать, то сообщи об этом в понедельник моему секретарю. Она отправит твои документы через курьера.

Стою не моргая. Не верю, тому, что слышу.

С чего вдруг он решил так поступить? И я бы спросила, если бы не Варя.

— Мне нужно срочно идти, — только и говорю ему.

Вижу, что разговор еще не окончен, но Соколов все же отходит с пути.

— Такси возьми, Лера, — доносится мне в след.

Вот только, увы, Кирилл не в курсе, что у содержанки его брата столько денег не водится. И не узнает, я надеюсь. По крайней мере до тех пор, пока Варя не выздоровеет.

Вылетаю из офисного здания и на секунду теряюсь.

Москва-сити все-таки бывает пустым? Я думала, этот комплекс круглосуточно кишит людьми. Но сейчас не об этом.

Бегу по пустому эскалатору в метро, названивая маме. Боже, я не могу не увидеть Варю. Хоть убейте, не могу!

— Не беспокойся, я поговорю с дежурным врачом, — обещает мама, а затем сигнал сети пропадает.

Гудят поезда. Сажусь в пустой вагон и припадаю спиной к прохладной резиновой спинке жесткого сидения. Теперь бежать уже некуда, быстрее поезда все равно в нужном месте не окажусь. Можно успокоиться и обо всем подумать. Обо всем и о Кирилле в частности.

Даже как-то не верится. Он в самом деле меня отпустит? Вот так просто заканчивает свою темную игру? Больше не жаждет меня наказать?

Что вдруг случилось? Я надоела? Он потерял ко мне интерес?

Почему от последней мысли во рту так горько?

Так. Хватит думать об этом. Радуйся, дурочка, что больше не будешь таскать кофе блондиночкам, ухаживающим в его кабинет. Радуйся, я тебе говорю.

Больше не будешь меж двух огней. И больше... не увидишь его. Наверное.

В больнице забираюсь, добираюсь очень поздно. Приёмные часы давно окончились. Но мама обещала уговорить врачей меня впустить. Нервничаю, топчась под окнами высокого здания. Не дай бог, меня отправят куда подальше.

Нет. Дверь открывается, и я чуть ли не слезно благодарю врачей за то, что пошли на встречу. Я бы с ума сошла, если бы не увидела Варю до отправления, а улетает она уже завтра.

Длинные коридоры с люминесцентными лампами. Запах медикаментов и спирта. Белые халаты. Поедающая душу тишина. Весь этот больничный антураж уже долгое время является частью моей жизни. Я надеюсь, совсем скоро нам понадобится сюда больше приезжать.

Операция. Затем наблюдение. А затем это всё закончится. И мы будем жить, как раньше. Будем счастливо коротать вечера в нашей маленькой квартире под тёплым светом бра. Разговаривать мы будем уже не об учёбе, но о чём-то более новом и интересном. Будем хохотать до упаду. И спорить, какой заваривать чай?

Я буду настаивать на чёрном эрл грей. А Ваня на зелёном. Да, все будет именно так.

Толкаю широкую белую дверь с окном и захожу в палату. Мама тихо спит в кресле. А

Варя что-то ищет уставшим взглядом в телефоне.

Нет. Не уставшим, а замученным.

Как же она исхудала, моя бедная девочка. Ручки, ножки, какие все тоненькое. Даже щечки впали, а под глазами сине-зеленые круги. И все равно для меня она самая красивая.

— Привет, вредина, — шепчу ей.

Варя переводит взгляд от дисплея на меня и больно улыбается растрескавшимися бледными губами.

— Лера, — шепчет она мое имя, а я так хочу обнять так ее крепко, чтобы наконец прогнать все тревоги, но надо быть осторожной. Варя, все еще больно. А к её телу подключены провода и трубки, названия которых я даже не знаю. И не хочу знать, всё это скоро будет в прошлом. И Варя будет здорова.

Мы долго говорим, и наш шепот в какой-то момент будит маму. Она не сердится, целует меня, спрашивая о делах.

Я вру. Уже научилась почти профессионально врать о том, что всем хорошо. Но эти дамочки будто видят насквозь, улыбаются, делая вид, что верят мне, и больше не мучают вопросами.

Мама уходит, чтобы набрать в кулере воды, а я аккуратно забираюсь к Варе в постель. Вдыхаю ее запах, смешавшийся с запахом больницы.

— Ты дура, — выдаёт она вердикт.

Моя нежная сестра ругается?

— Знаю, вся в тебя — смеюсь я, а у неё на глазах слезы.

Я знаю, о чем она сейчас будет говорить. Будет ругаться, что я ввязалась в какую-то гадость, но в конце концов, мы обнимемся и согласимся, что в нашей семье все женщины “дуры”. Потому что так поступила бы каждая из нас.

Варя закусывает губы и больше не спорит. Но ей больно. И ее только из-за болезни и слабых анальгетиков. Ей больно в душе.

— Поспи немного, завтра длинный перелет. — прошу ее, прикладывая холодные тонкие ручки к своему лицу.

Варя кивает. Сил долго бодрствовать у нее нет.

— И ты поспи, — шепчет она.

Утром мы просыпаемся от того, что приходит медсестра с остальным подносом и лекарствами. За целый балаган она сначала принимается отчитывать, а потом успокаивается.

Понимает, что скоро мы расстанемся на неопределённый период времени. И хоть никто и не говорит вслух, но все в душе знают, что операция рискованная. Потому скандалить сейчас как-то не по-человечески.

От завтрака Варя отказывается, еда ей совсем не идёт. Мама пытается накормить кашей меня, но и мне сейчас кусок в горло не лезет.

Вся изнервничавшись, жду, когда сюда придут врачи, чтобы забрать Варю и маму на самолёт. И к одиннадцати этот час наступает.

Их забирает целая делегация докторов. А я остаюсь одна в пустой палате. Собираю в звенящей тишине ненужные вещи в дешёвые шуршащие пакеты. А затем на автопилоте, опустошенная выхожу из больницы.

Опустошённая, потому что моё сердце остаётся с мамой и Варей.

Словно оболочка, утратившая душу, я смотрю пустым взглядом в окно автобуса на

проезжающие автомобили. Он довозит до метро. Метро до конечной станции. Оттуда пешком до дома.

Сегодня суббота. Обычно выходные — это маленькие праздники. Но мне совсем не весело.

Всякий раз подглядываю на телефон, ожидая, когда от мамы придёт сообщение. “Мы взлетаем” заставляет нервничать еще сильнее. А вот от “Мы сели” спустя четыре часа нервоза, я выдыхаю, но лишь наполовину.

Интернета у мамы в Турции нет. Надо ждать, когда она доедет до больницы и позвонит. Там обещали вай-фай.

Вспоминаю, что все-таки нужно поесть, и щелкаю по чайнику. Как же пусто сейчас в квартире.

Телефон звонит.

Забываю обо всем на свете и скорее бегу к столу.

Увы, это не мама. Это Антон.

Господи, а я и забыла про него. И не хотела бы вспоминать ещё долго-долго. Но чёрт возьми! Мне придётся ответить. А затем выслушать целый шквал брани, потому что мне нужно кое-что ему сказать.

— Кирилл меня уволил, Антон.

Глава 36. Правильно сделал

Кирилл Соколов:

Отпустил ее. Сам.

Правильно сделал. Этот абсурд все равно ни к чему бы не привел. Ни к чему хорошему. Я бы извел и ее и себя.

А так у нас у обоих теперь есть шанс перешагнуть через все. Меня отпустит. Пусть не сразу. Но отпустит.

С такими мыслями я засыпал в пятницу, но совершенно иначе думал в субботу. А в воскресенье вообще сварился в собственном соку.

Взрослый мужик, а собственную голову контролировать не могу.

То ли чувство незаконченного дела, то ли неудовлетворенность результатом не дает выкинуть эту женщину из мыслей.

Все это проклятая привычка, получать все, что хочу. Я ведь лоб себе расшибаю, если что-то идет не по-моему.

А с Лерой все не по-моему. И это злит.

Нет. Злит не это. Злит то, что она смогла меня зацепить. Прямо за жабры. Смогла сделать то, что не могли десятки других самых шикарных женщин.

И чего меня так на ней штырет?

Я идиот. Надо было переспать с ней еще в самом начале, и эта игра сразу бы пришла к финалу.

Но нет, я же девственницей ее посчитал. Пожалел. Решил не трогать, тем более после этих двух гандонов в подворотне.

И она каким-то образом превратилась из объекта, которой я хочу трахнуть, в объект который я решил оберегать. Вот бывает тачка на которой хочешь люто гонять. А другую боишься поцарапать. Вот Лера из первой категории перешла во вторую.

А потом все пошло по пизде.

— Кир, ну Кир, ты здесь или где? — тянет над ухом Маша, присаживается на диван так близко, что чуть ли не на меня. Опять находит несуществующую соринку возле воротника. Сдувает ее, сексуально деля губы трубочкой.

Боже, ей не надоело изгаляться, чтобы привлечь к себе внимание? Можно подумать на мне свет клином сошелся.

И знает, ведь, что кроме секса, ей ничего больше не светит, но все вьется рядом.

И мне секс бы не помешал. Даже не так.

Мое тело изголодалась по сексуальной сладкой киске, но мозг категорически вычеркивает из списка любую претендентку.

Да, Маша сразу вне игры. Головной боли потом будет больше, чем кайфа, который с ней однозначно гарантирован. Она умеет быть дикой и ненасытной, но на нее сейчас не стоит.

На нее не стоит, так на другую встанет. Тут целый клуб сексуальных женщин, бери не хочу.

Впрочем, мужики не теряются. Вот Пашка с Диманом заметили самую сочную и делают ставки, кто ее сегодня "вылюбит".

Радуются, что я вне игры.

Да, я сегодня вне игры. Сижу со Славиком и Машей, которую никто сюда не звал, за

заваленным едой и алкоголем круглым столом. Но пить не хочется, и еда тут так себе. Чего, спрашивается, сижу?

Славик то ладно, женат. И жену свою любит так, что порой завидую. Идеальные они у нас, понятно?

Но я то холостой и терять свою нишу не желаю. Теперь уж точно. Тогда какого хера до сих пор в трусах?

Ну все в баню.

Опрокидываю еще глоток обжигающего виски и оставляю Машулю на Славика. А чем не план взять ту самую сочную брюнетку?

Телу кайф, голове покой. И от Маши, и от Леры.

— Простите, мужики, вы пока мнетесь, она состарится, — хлопаю Димана по плечу и иду к барной стойке.

На языке уже вертятся стандартные фразы. Да, много ума в охоте, в большинстве случаев, не надо, если ты нормальный мужик.

А женщина сразу чует статус. И если одному на "привет" говорит "отвали", то другому дарит свою сексуальную улыбку и взгляд, умоляющий дать ей повод поехать с тобой.

В моем случае, работает исключительно второй вариант, и Катерина не допив даже первый бокал уже охотно садится со мной в такси.

Она — охотно. А вот я ловлю себя на дебильном желании избавиться от нее прямо по дороге.

Точно крышей поехал. В монахи решил податься?

Ты это не дури, Соколов. Рано тебе еще о кризисе среднего возраста загоняться. Секс будет.

Но не сегодня.

Потому что Катя-Катерина делает все то, что делает любая другая красотка из клуба. И это не заводит. Это начинает раздражать, потому что я хочу другого. Хочу голубоглазую дурочку с таблетками и секс на этом самом диване.

Все, Кирилл, успокаивайся. Этот матч окончен. Ты сам ее отпустил. Теперь Еще из башки своей выкинь.

— Кир, ну ты что? — шепчет Катя, растягиваясь на диване то так, то эдак. Обижается, что осталась без внимания.

— Я тебе такси закажу.

— Что? — теряется она.

— Довезет, куда скажешь, — отстегиваю на пару купюр.

Мда. За несостоявшийся секс я ещё не платил.

Молодца, Кирилл.

Катя хлопает густыми ресницами. Вижу, что хочет сердито вырвать купюры и хлопнуть дверью, но вовремя соображает, что это не выгодно.

Улыбается и просит позвонить, когда у меня будет настроение. А затем виляя накаченным задом в облегающем черном мини идёт к выходу.

Мда. С "настроением", как выразилась, гостья, нужно что-то делать.

А что помогает, когда полный пиздец? Правильно спорт и работа.

Вот поэтому понедельник начинается с тренажёрного зала, который выгоняет все лишнее нахрен из головы, а после душа я еду на работу.

Вот теперь хорошо. Вот теперь отлично.

Холодная голова, то что мне сейчас нужно.

Трезвый ум и никакой Леры. Правильно сделал, что уволил ее. Она, вон, даже столом обзавестись не успела. Не на что будет пялиться сквозь стекло, чтобы вспомнить ее.

Правильно, Лерочка, прочь из моих мыслей. И желательно, навсегда.

— Кирилл Александрович, доброе утро! — подскакивает Анна Михайловна.

— Доброе, — отзываюсь я.

— Вы простите, но Лера опаздывает.

— Что?

— Позвонила, говорит, что бежит.

Лера бежит? Какого хрена она бежит? Куда? Сюда? Зачем?

— Простите! Я на месте! Еле успела! — раздается звонкий голос за спиной, и мне не надо разворачиваться, чтобы знать, кому он принадлежит.

Лера.

Что ты здесь забыла?

Глава 37. Я могу помочь

Валерия Звягина:

Отличное утро. За окнами моросит легкий дождь. На душе скребут кошки. А в отражении зеркала на меня смотрит мое бледное отражение, которое я тщательно стараюсь привести в порядок.

Перебрала уже два образа, но того, в котором хотелось бы сегодня явиться в офис, так и не нашлось. Самый удачный я примеряла в первый же день. Денег на обновки нет. Ничего, что-нибудь придумаю. Замикусую.

Варин клетчатый жакет, например, с этой белой футболкой. И черные брюки. Вроде, выглядит стильно.

Причесалась, теперь бы еще заставить глаза гореть и скрыть синяки под глазами. Не люблю тоналку, но сейчас она необходима. Немного румян, самую малость, и теперь я похожа на ухоженного человека. Теперь можно в офис.

Вышла вовремя, а поезд, как назло решил остановиться в туннеле. Осеннее обострение началось, люди разгулялись по рельсам. Слава богу, что никто не пострадал, но на работу я теперь могу опоздать.

Вот так вот. Привела себя в порядок, а потом беги в поте лица. Звоню Анне Михайловне, чтобы предупредить, но все равно чудом успеваю в последний момент. Это потому что “пробки” у лифтов было не много.

И вот я здесь. Снова в этом офисе. Снова перед Кириллом, которого не должна была больше увидеть. Ну или пару раз. Может быть, как раз на собственной свадьбе.

— Простите! Я на месте! Еле успела! — выдаю я с порога.

Кирилл оборачивается.

Он, явно, не ожидал меня здесь увидеть. Но кроме легкого удивления, в нем есть что-то еще. Хмурится. Не хотел меня видеть?

Я не по своей воле здесь, если что... Но ему этого не скажешь.

— Доброе утро, — выдавливаю из себя предельно вежливо.

У меня было время все обдумать и выбрать линию поведения, которая поможет мне выжить. И пока что я справляюсь.

— Лера? — хмурится Кирилл.

— Да, Кирилл Александрович.

Хмурится еще пуще. Наверное в лёгком негодовании от того, как вежливо я с ним говорю. Без скрытой злости, а ровно так, как должен говорить подчиненный с начальником.

Кирилл хочет что-то спросить, но вспоминает, что мы не одни.

— Зайди в мой кабинет, — говорит он, и первым входит внутрь. Я за ним.

Предельно тихо и осторожно.

Кирилл доходит до стола, но располагаться за ним не спешит. Примащивает упругую пятую точку на него, и внимательно с прищуром смотрит мне в глаза.

Пульт брать не спешит, оставляя стеклянную перегородку прозрачной. Значит, разговор будет нормальным?

— Почему ты здесь? — резонно звучит его вопрос.

Голос низкий, но не злой.

Мы оба как будто в один момент из неподконтрольных пожаров превратились в

тлеющие безобидные головешки.

— Вы сами мне сказали, что я могу уйти, если захочу. А если я хочу тут работать, то ведь могу остаться? — спрашиваю я.

Кирилл замечает это “вы” в официальном обращении, хоть я и не делаю акцент. Говорю обычным мягким тоном.

— Можешь, — кивает он. А взгляд такой же подозрительный. — Но это не ответ на вопрос “почему”.

— Не хочу испортить трудовую.

— В ней еще не делали записей.

Гляньте, не сдастся.

— Здесь хорошая зарплата и возможности. Почему я должна отказываться? Раз вы решили, что вражда между нами окончена, то каждый может быть занят своим. — говорю я.

— Разве я так выразился? — поднимается бровь Кирилла.

Я помню, как он выразился. Ни на секунду не забыла. Он сказал, что пока мы рядом, тс безумие, что твориться между нами, не закончится.

И он прав. Еще пару минут назад, я настроила себя так, что могла бы босиком пройти по гвоздям и не дрогнуть. Но его взгляд вновь начинает выворачивать душу.

У него надо мной будто какая-то власть.

И потому я должна держаться подальше, но не могу.

Кирилл хочет знать почему. Я бы ответила. С удовольствием бы рассказала, что его милый братец подослал меня сюда, как шпиона и не позволяет уйти.

— Кирилл меня уволил, Антон.

Так я сказала сумасбродному блондинчику. И знаете, что этот псих ответил?

— В смысле уволил? За что?!

Хороший вопрос. За что взял, за то и уволил. По личным причинам. Но об этом не скажешь. Тем более Антону.

— Уснула в архиве случайно, — говорю ему.

Знаю, что сейчас начнет орать, но другой причины придумать не удастся.

— Лер, ты совсем дура? Я тебя туда зачем послал? Чтобы ты следила за ним! Ты хоть что-то нарыла?

— А что я могла нарыть? Думаешь, меня к документам важным подпускают? А даже если подпустит, я все равно в них ничего не пойму.

— Значит, будешь все фоткать.

— Антон, ты не слышишь. Он меня уволил!

— Это ты меня не слышишь, Лера. Ты туда пойдешь в понедельник, сядешь на свое место и будешь следить. Фоткать мне всех, кто приходит. Докладывать все, что слышишь. Надеюсь, мне не нужно напоминать тебе, что стоит на кону.

— Не нужно, — шепчу я. — А если он прогонит.

— Значит, Лера, тебе будет плохо. Сейчас Варю обследую верно? Вне очереди, благодаря моим деньгам. Я хочу знать, что переплачиваю не просто так.

— Ты за свадьбу это обещал!

— Кстати, на счет этого. Скоро я сообщу тебе дату. Не забудь купить себе платье и все, что нужно, — выдает он. — Нет. Лучше мама тебе все купит. Она позвонит, и ты сделаешь все, как она скажет. Усекла?

— Усекла, — выдыхаю я, и кладу трубку. Как же бесит это гад.

Смаргиваю, возвращаясь из воспоминания, и смотрю на Кирилла. На душе все еще гадко.

Одна часть меня очень хочет, чтобы он сейчас меня прогнал. А другая.... Другая этого боится. Мне нужно немного потерпеть, Варе сделают операцию, а потом. Потом я начну кусаться, огрызаться и биться насмерть за себя, если потребуется. Но После операции. А сейчас терпи и молчи.

— Могу я вернуться к работе? — спрашиваю у начальника.

— В архив? — с каким-то недоверием спрашивает он.

— Да, — киваю я. — Мне ведь эту задачу поставили.

— Маску и перчатки возьми. Там пыльно, — нарекает мне он, а затем, как ни в чем не бывало садится за стол и включает компьютер. — Можешь идти.

Киваю и тихо открываю дверь.

Даже не верится, что мы так просто поговорили, не поубивав друг друга словами или взглядами. Еще и про маску мне сказал.

— Все в порядке? — уточняет Анна Михайловна.

Наверное, я выгляжу растерянной или подавленной.

— Да, — киваю, а затем говорю что мне пора в архив.

Эх, выряджалась пол утра и не подумала, что опять вся буду в пыли. Пиджак решаю оставить на стуле, и быть максимально осторожной и не испачкаться, как в прошлый раз.

Работы здесь все еще много. И это хорошо. Голова будет занята полезными мыслями, а не панихидой по своей судьбе.

Выныриваю из документов лишь когда желудок начинает кутить от голода. Ого. Уже и обед пропустила. Потерялась тут совсем. Зато не испачкалась пока что.

Выхожу из каморки, отряхиваю руки и иду на кухонный уголок. Пока вода смывает с пальцев остатки пыли, ловлю себя на мысли, что местный вкусный капучино будет идеально сочетаться с захваченным из дома бутербродом. Хочу думать о насущном, но взгляд против воли скользит к стеклянной перегородке.

Кирилла отсюда плохо видно, но Анна Михайловна входит в кабинет с документами. Значит, он на месте.

Я, наверное, с ума сошла, если сейчас хочу хоть краем глаза на него взглянуть. Душу так и тянет.

— Эта сучка не отвечает! — доносятся встревоженные голоса девчонок, и я невольно переключаюсь на суету в производственном отделе.

Примечательно, что здесь работают только очень красивые девушки. На вид им всем от двадцати пяти и до сорока, но такие стильные и стройные, будто я в сериале каком-нибудь турецком оказалась.

— Кто?

— Казимова трубку не берет! Обещала еще вчера прислать все файлы, сегодня должны были утвердить, а завтра уже заказчикам нести. А она трубку не берет.

— Может случилось что-то?

— Это с нами сейчас случится, если у Кирилла Александровича к вечеру не будет финального макета на столе.

— Тогда звони, Маш, звони! На, с моего попробуй. Вдруг она тебя в ЧС кинула. Ненавижу этих дизайнеров! — хватается за голову брюнетка с “бобом” на голове.

А та, кого назвали Машей, судорожно хватается телефон.

Пока она набирает номер, я уже вынимаю из кофе машины ароматный капучино с густой пенкой.

М-м-м, какой запах. И вкус прекрасен.

— Отключила телефон, стерва!

— Другого ищи! Быстро!

— Где я тебе его найду?

— Гугл в помощь!

— А коммерческая тайна? Шеф голову оторвет, если инфа по тендеру в куда-то просочится. С этой-то у нас контакт, Лен!

— Я не знаю, Маш, тогда сама сиди и делай! — психует брюнетка.

— Я?

— Ну не я же эту Касимову нашла!

— Она вообще-то крутой дизайнер!

— А мы скоро будем в крутой жопе! — злится Лена. — Так, народ все быстро соображаем у кого есть на подхвате крутой дизайнер. Думаем, думаем!

Дизайнер.

Может быть однажды и я буду как эта Касимова которая стерва. Но трубку брать буду.

На секунду в голове возникает мысль, что можно было бы хотя бы спросить, с чем нужна помощь, вдруг там ничего сложного?

Но думаю, они и без меня справятся куда лучше.

— О, — округляет глаза кучерявая блондинка, влетев на кухонный уголок. — А ты...?

— Новенькая. Помощница Анна Михайловны.

— Ах, да точно. — кивает она, и спешит к кулеру. Все это время нервно пытается до кого-то дозвониться. — Слушай, ты сейчас занята? Меня дизайнер подвел. Сможешь выручить? В какой еще больнице? Поняла. Выздоровливай.

Кладет трубку. Злится.

— Они что, издеваются все?! — шипит себе под нос и опрокидывает пару глотков холодной воды из пластикового стаканчика.

— Алло. Привет. Это я. — звонит следующему. — У меня тут дизайнеры разболелись разом. У тебя кто-нибудь проверенный, кто сможет быстро наклепать баннеры? Исходники есть. Но время ограничено. Плюс договор будет о неразглашении. Ага, хорошо. Жду.

Кладет трубку. Снова два глотка.

— Черт! — шипит она, а затем переводит взгляд на меня. — У тебя случайно таких знакомых нет?

— Нет, — мотаю я головой, и чувствую, что в этот самый момент, совершаю самую большую ошибку. — Если нужно, я могу попробовать.

— Что? — хмуриться. — Ты в этом разбираешься что ли?

— На базовом уровне. Пока вы идите профессионала, могу сделать запасной вариант на всякий случай. Но сначала мне нужно понять уровень сложности.

Блонди соизмеряет меня каким-то странным взглядом.

— Ну-ка пошли, — кивает она, и уже через секунду усаживает за свой стол. А мой кофе и бутер так и остаются остывать на кухне.

— Ищите девочки, а ..., — она смолкает, потому что не знает даже, как меня зовут.

Конечно, меня ведь так и не представили. — Как зовут.

— Лера.

— Лера пока попробует. — добавляет она, а затем обращается ко мне. — В какой программе работаешь? Позвать айтишника.

— Я скачаю и “сломаю”, так быстрее будет, — говорю ей, чем немало ее удивляю.

Ну, молодое поколение может и не особо умное, но технически продвинутое.

— Ладно, — кивает она и продолжает обзвон.

Так, это мой шанс быть полезной и проявить себя. Пусть они найдут дизайнера, но я все равно должна показать все, на что способна.

Где тут исходники и во что нужно оформить? В это? Нет. Они вообще на маркетинг ориентируются или только на эстетику? Как я поняла цель баннера, стимулировать к покупке. Так что....

— Мария, вас ведь так, зовут? Могу я это изменить немного?

— Делай, как знаешь. Только быстрее.

Принято. На несколько часов я уйду с головой в редакторы, забывая о времени и голоде. Прихожу в себя лишь когда меня хлопают по плечу.

— Лер. Лер, прием. Все, отбой. Не нужно, — говорит мне Маша.

— Что? — в глазах немного рябит от монитора. Кажется, я забывала моргать во время работы.

— Касимова вышла на связь. Файлы сейчас будут, — говорит она, а я не знаю, что при этом чувствую.

Вроде, должна радоваться, что проблема улажена. А в душе как-то горько.

— Я тоже почти закончила. Пусть останется, на всякий случай, — говорю ей.

— Да, спасибо тебе огромное, — улыбается она, но, кажется уже решила, что мой борд ей ни к чему.

Все равно сохраняю и проект и финальную работу. Оставляю на рабочем столе.

Поднимаюсь со стула и не чувствую ног и спины. Все затекло. Я зверски устала и голодна пуще прежнего. Бутер зачерствел. Кофе остыл. Прекрасно. А еще архив не разобран.

Отлично провела день. Выдыхаю, кладу в рот печенье, которое тут в бесплатном доступе и иду в пыльную каморку.

Краем глаза вижу, как все подтягиваются к кабинету совещаний. Жаль, что не закончила чуть раньше. Может, на мой макет тогда бы взглянули.

Так, Лер. Успокойся. Ты все равно отсюда скоро уйдешь. Вон разбирай свои бумажки, и возвращайся к учебе в свободное время. С аванса оплатишь пару тематических вебов и купишь приличный комплект одежды. Возьмешь онлайн заказ, время-то теперь больше.

Глотаю горечь и закапываюсь в пыльных документах.

— Лер, — залетает Анна Михайловна. — Помоги мне воду отнести в зал совещаний.

— Иду. — подрываюсь я и уже через несколько минут иду с подносом бутылок и стаканов куда велено.

Ого. Почему все выглядят такими злыми. Даже заходить, как-то не хочется. А когда Кирилл сминает какой-то цветной лист, и вовсе хочется сбежать. А это случайно не мой макет был? Они ему показали?!

Ой мамочки.

— Лера, ты чего застыла, — поторапливает Анна Михайловна, спеша в зал совещаний с каким-то папками.

Делать нечего. Нужно войти.

— И кто это сделал? — устало спрашивает Кирилл, а я стараюсь быть тенью, пока

расставляю бутылки и стаканы.

— Касимова не отвечала. — виновато шепчет блондинка. — Пришлось обратиться к стороннему исполнителю.

— К стороннему? Перед тендером? — от голоса начальника, хочется поскорее испариться. Ставлю последний стакан на стол, как можно тише, чтобы он не лязгнул в тишине, и ухожу. — Вы заключили контракт о неразглашении?

— Нет. Девочка из наших, поэтому....

— Из наших?

— Новенькая. Лера. Вот она, — замечает меня блондинка. А ведь почти сбежала!

— Лера?! — хмурится Кирилл и переводит на меня такой взгляд, что сердце падает в пятки.

Что?! Я сделал что-то не так?

Глава 38. Помощниц нужно ценить

— Ты предложила? — прищуривается Кирилл, глядя мне в глаза.

Вроде, хорошо получилось. Точно хорошо. Неужели нет?

— Я, — говорю, как есть, и сжимаюсь, ожидая вердикта.

Меня ведь не отчитывают за то, что хотела помочь? Хотя, придраться есть куча поводов. Например, я бросила разбирать архив, пока сидела в редакторах. Выходит, задачу не выполнила.

Блин! Черт меня за ногу дернул. Ну, чего он молчит?

— Молодец, Валерия Николаевна. Вы поняли задачу лучше, чем наш дорогуший подрядчик, — говорит Кирилл, поглядывая на кудрявую блондинку, а затем вновь смотрит на меня. Мне кажется, или он доволен? — Можете идти. Мы с вами позже еще поговорим.

Нет. Точно доволен.

Ухожу из зала совещаний, как в тумане. Ничего себе.

Ушам не верю. Он принял мой макет? Мой, а не Касимовой? Это же не шутка?!

Нет. Я не спорю, что дизайнер использовала очень сложные техники, до которых мне еще расти и расти, а я все сделала простым и понятным, без лишней мишуры. Но мне показалось, что так и надо. Акцент на предложение, а не на красоту вокруг него.

Выходит, была права. Не зря ходила на вебинары! Боже! Я счастлива!

— Валерия Николаевна, — стучит в мою каморку Анна Михайловна.

Что это она так обращается? Я же Лерой была.

— Совещание затягивается. Нас с вами Кирилл Александрович отпустил сегодня. Пойдемте, — зовет она.

А у меня еще куча сил внутри от радости из-за маленькой победы. Возбужденная и радостная, возвращаюсь в пустую квартиру. Звоню маме с Варей. У них тоже хорошие новости. Завтра назначат дату операции.

Этот день просто потрясающий! Вот бы и следующим был таким же.

Но проблемы начинаются уже с гардероба. Опять приходится сломать себе мозг, чтобы подобрать более менее деловой стиль. И на счастье, выхожу довольной.

Надо же, сегодня в офисе на меня даже смотрят иначе. Нет, не восхищенно, ясное дело. На это я и не претендую. Но уже замечают. Уже не пустое место.

— Привет! — бросает мне брюнетка с “бобом”.

— Привет, — киваю я ей и подхожу к столу Анны Михайловны, которая уже во всю работает.

Трудовой день начинается в девять, и судя по ее охватам, она тут с восьми.

А Кирилл? Не хорошо помощнику позже шефа приходит. Возьму себе на заметку.

— Добрый день, — здороваюсь с секретарем, а взгляд ползет к стеклянной перегородке, и я в который раз велю себе видеть в Кирилле только шефа, а не мужчину, по которому все еще схожу с ума.

— Добрый, Валерия Николаевна, — выдает она. — Девочки тебя попросили тебя в свой отдел помощником. Кирилл Александрович одобрил. Иди туда.

— Что? — охаю я, и бросаю взгляд в кабинет шефа. Он даже не смотрит сюда. Почему? Не заметил меня или не хочет замечать?

Сослал подальше?

Вот и славно, там у меня больше перспектив.

— А архив?

— Расставляй приоритеты. Если времени на него не останется, скажешь мне, — велит Анна Михайловна и просит поторопиться.

Киваю и словно во сне врываюсь в производственный отдел. Я знала, что однажды смогу получить работу по заслугам, но была уверена, что в этом году этого точно не произойдет. Кидаю еще один взгляд назад, но Кирилл по-прежнему не смотрит.

Ладно.

— Иди сюда, — торопит Маша, собирая со стола какие-то папки. — Займи пока этот стол. Компьютер мы уже запросили. К обеду принесут, сисадмин все настроит.

Ого, как тут все схвачено.

— А сейчас чем заняться?

— Этим, — кладет мне на стол папки и в двух словах объясняет задачу.

Стараюсь все схватить на лету, но пару раз приходится уточнять. Сажусь разбираться, а девушки вновь стекаются в комнату совещаний. Все нервные. Точно, сегодня же тендер!

Ладно, моя работа не там, а тут. С головой ухожу в бумаги, пока не ловлю на себе взгляд.

Что это? Кирилл? Собственной персоной решил на меня посмотреть?

Почему опять так пристально и через прищур? Я опять что-то сделала или....

Боже. Этот взгляд.

Он не отворачивается, отворачиваюсь я. Поглядываю чуть позже, но там уже суета. Девушки возвращаются на рабочие места, а шеф в кабинет. Но ненадолго. Исключительно за пиджаком.

— Сегодня не вернусь, — кидает он Анне Михайловне и под взглядами многочисленных обитательниц офиса, покидает нас.

Так тоскливо почему-то становится на душе после его ухода, а девчонки щебечут, что он непременно этот тендер возьмет.

— Ходят слухи, что у него есть условия с советом акционеров по поводу увеличения доходов. Так что, должен, — обсуждают они, а я стараюсь сконцентрироваться на делах.

Получается, пока я не слышу вопль.

— Маш, ты что?! — ругаются девчонки.

— Он документы не те взял! — выпаливает блондинка, вылетая из переговорной с толстой папкой.

— Что?! Звоните ему! Быстро! — суетятся девушки.

— Отключил телефон. Бегом за ним!

— На каблуках?! — пугается Маша. Ого! Да тут шпилька десять сантиметров.

— Где курьер?! — подскакивает Анна Михайловна.

— Дайте мне! Куда бежать? — вскакиваю я, даже не успев отдать себе отчет. Дамы хлопают глазами пару секунд, а затем отправляют в соседнюю башню.

— Поняла, — киваю я, хватаю папку и бегу быстро, как могу. Будто от этого не тендер, а моя жизнь зависит.

Я точно чокнулась, раз такое вытворяю. Но расскаюсь потом. Сейчас нужно спешить.

— Ты?! — охает блондинка, когда я выбегаю в другое здание.

Это та самая дамочка, что навещала Кирилла в офисе и была на вечеринке. Обмениваться любезностями некогда. Отмахиваюсь стандартной фразой и бегу дальше.

Чертовы администраторы не хотят меня пускать. Спасибо звонок от Анны Михайловны решает это дело, и я уже на нужном этаже.

Кирилл! Вот он. Его я даже со спины узнаю.

Но он уже не один, а в компании представительных мужчин, которые входят в широкие двери какого-то зала.

Как же мне его позвать, не привлекая лишнего внимания. Как?

— Простите, дайте это мне. Мне нужно начальнику документы отдать, — говорю официанту и тут же выхватываю у него бутылку с водой. А пока он соображает, что вообще за бешеная на него кинулась, я просачиваясь к месту Кирилла, опускаю перед ним воду и тут же папку.

— Лера? — хмурится он. — Ты что тут делаешь?

Говорит тихо, наши голоса не слышно за разговорами господ.

— Вы забыли документы, — шепчу я, указывая на папку.

Он хмурится, будто вообще не понимает, о чем я. А затем взглядом указывает на папку в своих руках.

Взял все таки?

— Господа, начнем. — обращается мужчина в дорогом черном костюме и все спешат занять свои места.

— Сядь там, — кивает мне Кирилл на ряд стульев у стенки, и я послушно теряюсь среди другой массы помощников.

Тендеры всегда казались мне чем-то сложным и непонятным как китайский язык. А на деле оказались очень увлекательным зрелищем. Разве что долгим.

Но на демонстрации предложения Кирилла я забыла о времени. Да и вообще поймала себя на мысли, что болею за него как за любимую футбольную команду.

Мда. Только вот я та, кто в итоге забьет мяч в свои же ворота. Не доложила Антону про тендер. Он с меня шкуру сдерет.

Надо будет что-то придумать. Сказать, что сама не знала, в архиве сидела. Это если он не узнает, что я была тут.

Ну, скажу, что в последний момент узнала и не успела доложить.

Да, так и поступлю.

— Поздравляем, Кирилл Александрович. Завтра наши юристы посмотрят договора и подпишем. А сегодня давайте отметим это дело, — предлагает солидный мужчина, и Кирилл пожимает ему руку.

— Помощницу свою тоже с собой возьмите. Так бежала к вам, а потом три часа нервничала вместо вас. Самоотверженных сотрудников нужно награждать, — смеется мужчина, а мне становится от этого дико неловко.

Неужели было так заметно, что я нервничала? Да и не нужна мне такая награда. Это скорее испытание. Надеюсь, Кирилл найдет способ избавить меня от него.

Нет. Он соглашается, и начинается самый непростой ужин в моей жизни.

Элитный ресторан в том же здании. Шикарный вид на столицу. Изысканная еда, манящая аппетитным ароматом.

Вот только я места себе не нахожу. Не знаю, куда смотреть, то ли на этих высокопоставленных господ, которые сейчас, кажутся мне чуть ли не актерами из Голливуда, а я какой-то мелкий фанат случайно затесавшийся среди них. То ли на Кирилла.

Нет. На него не нужно. В этом полумраке под эту грустную музыку скрипки, душу

терзают воспоминания. Я уже мечтаю, чтобы этот ужин поскорее закончился, но господу спокойно беседует о бизнесе, а затем решают поболтать о жизни.

— Слышал ваш брат женится, — выдаёт один из них, и я напрягаюсь до кончиков пальцев.

Не дышу, глядя на Кирилла.

— Все верно, женится. — выдает ровным голосом, а сам сжимает вилку так, что та обещает согнуться.

— Дата пока не назначена\?

Кирилл переводит взгляд на меня. Это твоего взгляда все внутри переворачивается.

— Насколько мне известно, нет. — чеканит он и вновь отворачивается.

— А вы Кирилл Александрович, когда планируете обзавестись семьей?

— А я убежденный холостяк, Вячеслав Андреевич.

— Да новое поколение, куда свободнее, чем мы. Взгляды у вас другие. Амбиций больше и тестостерона. Но семья — это семья. Без уютного логова даже самому сильному хищнику тяжело в этом мире.

Они ещё пять минут сравнивают бизнес с животным миром, а затем этот ужин, наконец-то заканчивается рукопожатиями у лифтов.

Заказчики уходят первыми, а мы ждем следующий свободный “рейс”.

И если до этого мне было неловко, то сейчас, когда мы с Кириллом заходит лишь вдвоем в пустой лифт, мне вдвое не по себе. Аж ладошки потеют.

— Ты живешь там же или переехала? — спрашивает он меня.

— Что? А, нет. С мамой, — отвечаю я и стараюсь на него не смотреть. — А что?

— Я отвезу.

— Не нужно, — хочу поспорить, но один его взгляд заставляет слова застыть в горле.

Молча следую за боссом, и с каждым шагом нервы зашкаливают все выше. В одной машине с ним. Я это выдержу?

Я не хочу.

— Ты садишься? — спрашивает Кирилл, и я понимаю, насколько глупо сейчас выгляжу.

Мы взрослые люди и учимся жить в новых условиях. Кирилл, видимо, справился со своими демонами, и я для него лишь помощница. А я со своими справится до сих пор не могу.

А надо.

Присаживаюсь в салон, и носа тут же касается этот запах. День пыток какой-то.

Мы едем в тишине. Я пару раз подумываю о том, чтобы попросить включить музыку и избавиться нас от неловкости, но так и не решаюсь. И смотреть на Кирилла не решаюсь.

— Почему он позволяет тебе жить здесь? — спрашивает Кирилл, сворачивая к знакомым обшарпанным пятиэтажкам.

— Что? — не понимаю я, но тут же вспоминаю, что я невеста магната. — А что нельзя? Слишком стремное место?

— Небезопасное, — отвечает он. Блин, а я думала что, как Антон начнет помойкой обзывать.

— Мне так удобнее. Хочу подольше побыть с семьей, — лгу, как могу.

— Понятно, — Кирилл, кажется, верит.

Останавливает автомобиль у подъезда, а я почему-то не хочу уходить. Чувство, будто это тот самый шанс на примирение, когда все можно было бы спокойно объяснить. Вот

только... мой рот запечатан неустойкой.

— Доброй ночи, — хочу сказать ему, но Кирилл жмет на кнопку, и моя дверь блокируется. — Ты чего?

Глава 39. Во что ты вляпалась, Лера?

— Зачем ты принесла мне документы? — спрашивает Кирилл, пронзая таким взглядом, что я места себе не нахожу.

— Что? — хмурюсь, не понимая, с чего вдруг такой вопрос. — Анна Михайловна мне сказала.

— Я с ней говорил. Ты сама вызвалась, — опровергает Кирилл. — При том бежала Лера. Зачем?

— Так тендер ведь, — жму плечами, но понимаю, что он ждет совсем другой ответ.

— Тебе есть дело до того, выиграю я или нет? Разве это не противоречит планам твоего жениха? — кидает в меня такой пристальный взгляд, что все внутри вздрагивает.

Боже, и что ему говорить?

— Не понимаю, о чем ты, — лгу я. — Это ведь не только твоя компания, но и Антона. Я делала это ради него.

Кирилл аж скрипит зубами, когда слышит последнее предложение. Меня и саму передергивает от такой лжи, но нервы слишком зашкаливают, чтобы найти ту тонкую грань во лжи, достаточную, чтобы поверили, и при этом не переборщить.

— Так значит, — усмехается, но как-то слишком холодно. — Вот только я тебе не верю. Не знаю, какого ты черта с ним связалась, но я это выясню.

От его слов по телу идут мурашки, но это далеко даже рядом не стоит с тем, что он собирается сказать дальше.

— В какую игру ты играешь, Лера? — выдает Кирилл, и я вздрагиваю.

— Что? — срывается шепот с губ и я во все глаза смотрю на грозное лицо Соколова.

— Если ты во что-то вляпалась, расскажи. Я все еще могу помочь.

Не верю своим ушам. Он, в самом деле, говорит это?

Боже, как же я хочу сейчас во всем ему признаться. И зареветь в голос, выплеснув все то, что удушает меня изнутри. Но, ведь, нельзя... По крайней мере, не сейчас.

А, может, он вообще испытывает? А я наивная душа готова верить всему, в чем так отчаянно нуждаюсь.

— С чего ты взял? — растерянно шепчу я.

— С того, что слишком много “но”. — выдает ровным голосом и не сводит с меня подозрительного взгляда.

— Например?

— Например, этот дом, твоя одежда и даже то, что он позволил тебе работать на меня. Антон тебя чем-то шантажирует, Лера?

Боже... Как мне сейчас быть? Как повернуть язык, чтобы сказать то, что должна сказать вместо того, что хочу?

— Нет, Кирилл. Меня никто не принуждает. — с трудом выдавливаю из себя, а я голос предательски пытается сорваться на хрип. Прочищаю горло, надеюсь, что не прокололась. Или же, я хочу проколоться? Нет! Нельзя. Не сейчас, Лера! — Я сама так решила. А здесь я именно потому, что хочу побыть с семьей.

— В самом деле? Ты не устала врать?

— О чем ты?

— О том случае в клубе. Ты заменила заболевшую гоу-гоувщицу, ведь так? Единичный

случай.

— Откуда ты...?

— Выяснил, да. Это мои проблемы. Почему ты не сказала?

— Потому что ты не слушал.

— И тогда назло мне ты согласилась выйти за моего брата? — выдает он.

— Не назло.

— Лера, не ври, что он тебе дорог. Я вижу, как ты смотришь на меня.

— Я не делала этого тебе назло. Я сделала это для себя. Когда решила, что с тобой все потеряно.

— Ты специально хочешь меня довести?

— Нет. Он предложил мне беззаботное будущее в обмен на брак и только!

— Так у вас фиктивный брак? — щурится Кирилл, и я понимаю, как опасно подошла к правде.

— В нем фиктивного только то, что каждый знает о своей выгоде. Нет секретов, нет любви. Но брак, как брак, — выдаю ему, и сама не верю, что говорю такое.

Боже, лучше бы я язык себе откусила. И Кирилл, видимо, того же мнения. Отворачивается, а руки и так и скрипят на руле.

Почему он задает мне эти мучительные вопросы сейчас? Почему не подождет, пока операции Вари случиться? Тогда мне не придется так жестоко лгать.

— Кирилл, — шепчу я, сама не знаю, зачем. Не могу ему сказать правды, но так хочу, чтобы он понял все по взгляду. А он даже не смотрит на меня.

— Иди. Поздно уже. — говорит он, и я с болью закусываю губу.

— Доброй ночи, — шепчу и силой сейчас заставляю себя покинуть его автомобиль. Дохожу до подъезда, а он все так же смотрит перед собой, а не на меня.

Как же все это тяжело.

Дверь за моей спиной закрывается. Сердце бьется как бешеное. Слезы топят глаза. Как же хочется кинуться обратно, пока не поздно, все ему рассказать. Уткнуться в его плечо и плакать, пока вся боль не выйдет наружу. Пока я не стану пустой и готовой возродить веру в светлое внутри себя.

Или, все-таки, поздно? Что означало то резкое прощание?

Могу ли я позволить себе надеяться, что Кирилл еще даст мне шанс объяснить все позже. Мне всего-то нужно продержаться несколько дней до операции. А неустойка... черт с ней?

Или не черт?

Могу ли я настолько доверять Кириллу, чтобы открыться и подставить себя под удар? Он ведь не играет? Не манипулирует мной, лишь бы изжить брата?

Боже, я с ума сойду.

Полночи мучаюсь мыслями, но, в конце концов, засыпаю и вижу чудный сон.

Я, мама, Варя. Мы сидим в саду какого-то красивого загородного дома. Это не просто дом, а целый особняк. Тут даже бассейн есть, но сейчас достаточно прохладно, и мы кутаемся в пледы, попивая чай за круглым столом с белой скатертью.

— Мам, там затек твой любимый пришел, — подкалывает меня Варя, а я тут же срываюсь с места и бегу в дом.

В груди такое восторженное чувство, такая радость, что я чуть ли не парю.

Но увидеть лицо своего суженого из сна не успеваю, просыпаюсь из-за трели дурацкого

будильника.

Неохотно выбираюсь из постели, и полчаса плескаюсь в ванной, чтобы наконец, проснуться и прийти в себя. Опять пешая прогулочка с утра, метро, толкучка. Уже хочется ненавидеть утро, но сообщение от мамы греет душу. “Обследования закончены. Почка Варе подходит”.

Я даже взвизгиваю от таких новостей, за что получаю негодующие взгляды. Ну, простите. Посмотрела бы я на вас, будь у вас такое. Тьфу-тьфу-тьфу, конечно. Лучше все будьте здоровы.

Ух! На крыльях радости лечу из подземки в офисное здание. Пытаюсь скрыть улыбку, но все равно при этом свечусь. Видимо, слишком ярко, потому что меня опять замечает дамочка, которую не заметила я.

— Лера? — преграждает мне путь та самая блондинка с вечеринки.

Боже, как же ее зовут?

— Привет, — решаю обойтись без имен. Надеюсь, она ради этого меня остановила, а не чтобы....

— Надо поговорить, — выдает достаточно жестко, чтобы сполна ощутить претензию.

Глава 40. Поверь мне

— Если это не срочно, то давай после работы или в обеденный перерыв. Я опаздываю, — сообщаю блондинке, но она сдаваться, явно, не намерена.

— Здесь и сейчас, — выдает таким тоном, что я ловлю легкий шок. Когда это она решила, что может мне указывать, точно начальница? Мне и так хватает тех, кто решил, что может управлять моей жизнью точно игрушкой.

— Не трись возле Кирилла, — выдает мне дамочка, и легкий шок переходит в стадию поглубже. У меня даже челюсть отвисла.

— Что?! — может мне послышалось?

Это что еще за наеды?

— Говорю, чтобы ты держалась от него подальше. Это мое единственное предупреждение, — чеканик красотка с важным видом и скрещивает руки на груди. Голову задирает вверх, а меня начинает бесить тот факт, что она выше и приходится смотреть на нее снизу вверх.

— Если ты не в курсе, то мы расстались, а сейчас я просто на него работаю, — выдаю ей жестко, но звучит нелепо, как оправдание. Да что это со мной. — И вообще, это не твое дело!

— Ошибаешься, еще как мое! — Искрятся ревностью глаза блондинки. — Он мой. Понятно? А продолжишь крутиться, пожалеешь. Дважды я не предупреждаю.

Выдает в полной уверенности в своей победе и преспокойно уходит в закат. То есть к лифтам, а я продолжаю хлопать ресницами пытаюсь это переварить.

Вот же блин! Нужно было ей нагрубить!

Ну а что? Они все почему-то думают, что об меня можно вытирать ноги. И если от Антона я завишу, а Кирилл не случайный для меня человек, то эта дамочка в моей жизни вообще роли не играет. Так и хочется кинуться ей в след и вырвать волосы.

О боже, Лера, ты так с ума сойдешь. Пусть идет. В закат. И не возвращается.

Решение принято, а на душе гадко. Снова вспоминаю, как эта красотка захаживала к Сколову в кабинет и поправляла ему воротник своими острыми ловкими пальчиками с идеальным маникюром. Уф!

Хотя, чего я злюсь. А я ведь даже понятия не имею, что между ними. Может быть, это я была той, кто заполнил паузу в их отношениях, а потом они снова сошлись....

Все, не хочу думать об этом. Я опоздать, вообще-то, могу.

А с лифтами сегодня не везет. Пробки под стать тем, что в метро. Зато есть время разглядеть маникюр. Лака, ясное дело, нет. Он и дня не держится, если мыть посуду и заниматься домашними делами, но за формой и заусеницами я тщательно слежу. Люблю, чтобы все было опрятно. Красивые ногти, и я это я сейчас себя не хвалю.

И волосы у меня красивые. Свои. А у этой блондинки крашенные. И губы накаченные. И вся она не настоящая.

Так, Лера, выдохни. Уже твой этаж, а ты вся взвинченная.

— Доброе утро, — стараюсь звучать бодро, когда подхожу к столу Анны Михайловны. Вообще-то, мне в другой отдел, но поскольку здесь опен-спейс, пройти мимо очень некрасиво.

— Доброе, — отзывается женщина.

Боже, мне это чудится или она, в самом деле, рада меня видеть?

— Анна Михаловна, организуйте кофе? — выходит из своего стеклянного царства босс, и как только женщина ретируется, я стараюсь сбежать следом, бросив скомканное вежливое приветствие.

Хотелось бы, конечно, поздороваться достойно, но после вчерашнего и встречи с блондинкой, даже смотреть спокойно не могу. Внутри все клоочет.

— Ты опоздала, — отчитывает меня вместо приветствия Соколов.

— Потому что твою кикимору встретила, — хочу сказать, но так ведь нельзя.

— Прошу прощения. Я отработаю в конце дня. — заверяю его, а сама поглядываю на часы. Три минуты разве опоздание? Какой он вредный иногда бывает.

Это потому что мы вчера поругались?

— Отлично, — заверяет он, а я не дожидаясь следующей реплики убегаю к своему столу.

Как назло, он крайний в отделе и почти граничит с местом секретаря, что означает, что меня прекрасно видно. А я вижу раздражение Кирилла. И чем же недоволен господин?

— Лера, — подходит он.

Голос звучит иначе. Совсем как вчера в момент разговора. Ой, не нравится мне это. И то, что все начинают глазеть, тоже нехорошо.

— У тебя есть минутка?

Ого, даже так? Точно что-то плохое задумал.

— По работе? Да, конечно, — киваю я, но тут же понимаю, что вывод мой ошибочный.

— Зайди в кабинет.

Вот же черт!

— Секундочку. Простите, мне срочно нужно в уборную, — говорю ему и тут же хочу себя укусить за язык. Вот же придумала, идиотка.

Но раз сказано, нужно делать.

— Простите, — пишу еще раз и убегаю.

Но даже закрытая за спиной дверь уборной не спасает меня от нервов. Сердце колотится как бешеное. Чего это он задумал? То злится, то подкрадывается как хищник, решивший прикинуться травоядным.

Не нравится мне все это. Но вернуться придется. И зайти к нему в кабинет тоже.

Чуть ли не на цыпочках крадусь обратно, как звонит телефон.

Антон, чтоб его. Хоть одно утро может обойтись без его надменного Величества?

— Алло, — отвечаю, вновь вернувшись в коридор.

— Лера, какого черта? — это нормально. Я привыкла. К сожалению.

— И тебе доброе утро.

— Доброе? Ты издеваешься? Ты почему мне про тендер ничего не сказала? Я тебя сейчас придушу! — орет Антон, как не в себе, и мне становится страшно.

Не от того, что он свои костлявые гадкие пальцы к моей шее потянет, а потому что может снова начать шантажировать Варей.

— Я не знала. В архиве сидела. В последний момент только до меня дошло, — стараюсь прикинуться душой, а заодно поглядываю по сторонам. Не слышит ли кто. Вот так скандал будет.

А если Кириллу доложат, то... Не хочу об этом думать.

Жму на кнопку громкости, чтобы хоть как-то заглушить ор Антона. А его прекрасно слышно в этой тишине.

Он посыпает меня всеми матами, что может, но, к счастью, про сестру не вспоминает. Лишь грозит, что лично со мной разберется, а затем кидает трубку.

Стою взмокшая будто после пробежки. Или нет. Будто меня только что неожиданно толкнули с края высотки, а потом поймали.

Трясу головой, скидывая гадкие чувства и спешу в офис.

К счастью, босс занят разговором с Анной Михайловной в своем кабинете, и я юркаю на рабочее место.

Но долго необнаруженной не остаюсь. Как только секретарь возвращается к своему столу, ловлю на себе взгляд Соколова и тут же отворачиваюсь, будто бы не видела. Сама не знаю, от чего я бегу.

Боюсь, что он снова заговорит про фиктивный брак, и я не выдержу и все испорчу? Или боюсь убедиться в том, что достаточно вчера наврала, чтобы убедить Кирилла больше не давать мне шанс?

Что одно, что другое — плохо!

Отчаянно пытаюсь погрузиться в работу, которая нарастает, как снежный ком. Девчонки будто годами макеты хранили или разом уволили сторонних подрядчиков, а теперь я должна все выполнить щелчком пальца. Но я не жалею. Я рада.

Потому что это помогает мне хоть на минутку забыть о боссе, который отчего-то сегодня сверлит меня взглядом. Вот. Встал.

Так, нужно выйти.

Пробиваюсь к девчонкам, которые идут на кухню. Он, ведь, не пойдет к толпе? Вроде, вообще вышел. Уф...

Опускаюсь на диванчик и терпеливо жду своей очереди к кофе машине. Тем временем массирую виски, а девчонки подшучивают. Странно, но мне с ними легко и шутки у них приятные. Даже в какой-то степени хвалебные.

— Ты только заболеть не вздумай, а то без тебя все встанет, — говорит мне Света, и я смеюсь в ответ. Как же с ними просто.

— Тебя подождать? — говорят девчонки, когда наполняют свои чашки, а я мотаю головой. Хочу побыть хоть немного одна.

— Нет. Я тут немного побуду.

— Как знаешь. На обед вместе пойдем? — спрашивают они, а мне интересно куда? Ибо я кроме пирожка ничего и не потяну.

— Я с собой взяла. В другой раз, — сообщаю им, и коллеги, хоть и вздыхают, но уходят, а я, наконец-то, пробиваюсь к кофе машине.

Она приятно журчит, а пространство заполняет запах кофе. Молоко греть не хочется, потом нужно будет ждать, чтобы кофе остыл. А я могу заработать и хлебнуть по невнимательности горячий. Плескаю холодное.

— Ты от меня прячешься? — раздается голос Кирилла за спиной, и я так вздрагиваю, что чашка свежесваренного кофе едва вылетает из рук.

Черт! Блазка. Вся в пятнах!

Не успеваю скорчить гримасу отчаяния, как Кирилл с молниеносной скоростью припечатывает салфетку прямо к моей груди.

О боже! Я застываю на месте. Надеюсь, он не слышит, как сейчас грохочет мое бешеное сердце. Хотя краску на щеках точно замечает.

— Вы что делаете?! — сержусь я, отходя от него на безопасное расстояние и прикрывая руками грудь, к которой в прямом смысле прилипла мокрая ткань.

— Не обожглась? — игнорирует мой выпад Кирилл.

— Нет. Молоко холодное в кофе залила, — сообщаю я, и только сейчас он отвлекается от моей груди и смотрит теперь на мои алые от стыда щеки и хмурые брови.

А затем соизмеряет меня каким-то странным взглядом с ног до головы и выдает:

— Ты чего такая шуганная?

— А чего вы подкрадываетесь так тихо?

— Подкрадываюсь?

— А как еще это назвать? — выпаливаю я, и тут же прикусываю язык.

Блин, он ведь босс. Надо бы повежливее говорить. Но Кирилл вроде отчитывать за субординацию не собирается. По его строгому лицу вообще не понятно, о чем он думает.

— Пойдем. — заявляет мне.

— Куда?

— Узнаешь, — только и говорит и в полной уверенности, что я не посмею послушаться, ступает к... выходу? Не в кабинет?

Нет. Точно взял курс на удаление. Что, черт возьми, он задумал?

Лечу к столу за сумочкой, ею и прикрываю пятно на груди и спешу к лифту. Вот тоже, блин, приспичило ему прямо сейчас! Не видит разве в каком я виде для всякого рода выхода в люди?

А народа тут куча. Благо, им нет дела до прохожих. Все в телефонах и делах. А кто и додумывается глянуть в мою сторону, видит лишь девчонку, зачем-то прижимающую сумку к груди.

— И все-таки, куда мы? — нервничаю я, когда мы выходим из здания на улицу.

— Сюрприз, — продолжает скрытничать упертый и приводит меня к соседнему зданию. А там на эскалатор и прямо в бутик женской одежды.

Он ведь не заставит меня сейчас помогать выбирать подарок для блондиночки, чтобы позлить?

Нет. Он затеял совершенно другое, от чего у меня челюсть со звоном падает на пол.

— Зачем это? — охаю я, когда Кирилл велит стилисту подобрать мне несколько офисных образов.

— Я ведь тебе блузку испортил.

— Это не причина! — злюсь я. Особенно это все кажется странным после его вчерашних слов. Или он считает, что я не вписываюсь в местные нормы стиля?

Да, брендов у меня в шкафу не водится, но выгляжу я стильно, даже консультант это отмечает. Надеюсь, не врет.

— Одна из, — заверяет он, пока девочки стилисты бегают по рядам с вешалками.

— А какая еще?

— Сегодня ужин с заказчиками. Хотят видеть тебя.

— Но ведь вчера..., — хмурюсь я. — Они, что, каждый день ужинают?

— Привыкай, — смеется Кирилл, а я руку готова дать на отсечение, но он сейчас просто жульничает.

Никакие заказчики меня никуда не звали. Сдалась я им.

Тогда зачем это? Что он задумал?

— Поторопись. У нас мало времени, — подгоняет Кирилл, когда к нам подходит девушка с пятью комплектами.

Меня ведут в раздевалку, а сам босс усаживается на зелененький диванчик. Мне всегда импонировали моменты из сериалов, когда девушка примеряет кучу нарядов, а ее мужчина помогает с выбором. Вот сейчас не тот случай, ибо выходить из кабинки и дефилировать я смертельно не хочу. Девушке меня уговорить не удастся.

— Подошло что-нибудь? — раздается голос Кирилла, и наши ответы с консультанткой кардинально разнятся. Моё “нет” против ее “все идеально подходит!”.

— Тогда выбери что-нибудь сейчас и пойдем, — велит мне Кирилл, а дальше просит девушку завернуть остальное.

— Мне это не нравится, — шиплю я, когда все же выхожу из примерочной в зал, и тут же забываю обо всех протестах, когда ловлю на себе взгляд Кирилла.

Будто на мне не костюм с брюками палаццо бежевого цвета, а бальное платье.

В общем, шеф одобряет, а я краснею и продолжаю упрячиться.

— Ты испортил только блузку. Остальное лишнее. Даже если учитывать ужин, одного костюма для этого хватит, — привожу я доводы, но он будто не слышит. Хватает бумажные пакеты и смело выходит наружу, а мне приходится догонять.

— Кирилл! — шиплю, потому что меня не хотят слушать.

— Лера, как ты согласилась на брак по расчету, если даже элементарные подарки не умеешь принимать? — спрашивает он, и я тут же подвисяю.

Он что меня проверял?!

Боже! Уму непостижимо....

Застываю, как повисший от вируса компьютер и ума не приложу, что ему сейчас говорить. Боже, почему этот мужчина всегда идет напролом? Он не оставляет даже шанса на манёвр.

Вот и сейчас смотрит так, будто все уже знает. И, черт возьми, хочу, чтобы он знал....

— Стерва! — раздаётся такой громкий женский вопль, что хочешь не хочешь отреагируешь даже в такой напряженный момент.

Едва успеваю повернуть голову, как тут же автоматически пячусь. На меня несется фурия. Ни ее лица, ни фигуры разглядеть не успеваю. Все, что вижу, это злость и искаженный криком рот.

— Дрянь! Потаскуха! — она цепляется в мои волосы. Больно! — Он женатый мужчина, сучка! Я тебе патлы все выдеру.

— Тихо! Прекрати! — вклинивается между нами Кирилл, но женщина точно сумасшедшая не прекращает попытки кидаться на меня.

Кирилл силой оттаскивает ее, а она горлопанит так, что все прохожие останавливаются.

— Успокойся! — давит взглядом Кирилл, и только сейчас до женщины доходит.

Кидаться она перестает, зато кидает в меня гневный взгляд.

А что я? Стою, в ужасе потирая больную голову и смотрю на клочок своих волос в ее руке. Она сумасшедшая?

— Эта дрянь спала с моим мужем! — тыкает в меня пальцем женщина.

— Я?!

— Ну не я же! — орет, как потерпевшая, собирая еще больше зрителей.

— Вы с кем-то меня перепутали. — говорю ей, а она как не в себе, продолжает

горлопанить.

— Да, Лерочка Звягина, тебя не спутаешь! — выдает она, и я вздрагиваю. И не только я.

Эти ее слова приходится не одним ведром ледяной воды, а сразу двумя. Одно на голову мне. Второе — Кириллу.

Глава 41. Все пропало

— Что? — в ужасе шепчу я, но смотрю уже не на женщину, а на Кирилла.

Он ведь ей не поверит? Не поверит?

Я не дышу, пытаюсь понять, что значит, это хмурое выражение лица?

— Женщина. За клевету сажают, прекратите этот цирк, — говорит ей Кирилл, и я с моих плеч слетает такая тяжесть, что слезы наворачиваются от счастья. Боже, как штормит от эмоций.

— Цирк? А как тебе это?! — заявляет она и лезет в сумочку за телефоном.

Понятия не имею, что она там показывает, но выражение лица Кирилла становится мне приговором.

Он ей верит? Верит?

— Нет, — мотаю я головой, отступая назад.

Я столько ему врала, какой только не выглядела в его глазах, но я отчаянно хочу, чтобы сейчас он верил мне, а не ей.

— Я ничего не делала, — шепчу ему, а его грозный взгляд, вдребезги разбивает все мои надежды.

— Не делала? Тогда что все это значит? — орет дамочка, но я ее почти не слышу. Я ничего не слышу, будто мир погружается в вакуум. А лица ошарашенных прохожих с осуждением в глазах затираются в пятна. Я вижу только Кирилла. И его приговор.

— Нет, — мотаю головой, отступая все дальше.

Его взгляд меняется. Глаза округляются и он тут же летит ко мне. Что? Почему?

— Лера! Машина! — доносятся словно в замедленном действии его слова, я кидаю взгляд в сторону, но не успеваю ничего понять. Вижу только свет, а затем все кружится и темнеет.

Мне... больно....

Я просыпаюсь под монотонный поиск прибора, отсчитывающего пульс. Это мое сердце он отслеживает? Ой. Голова трещит так, будто ее сначала на части раздавили, а потом собрали. Точно! Скандал! Авария! Кирилл!

Едва открываю глаза, как чуть ли не слепну от яркого света, но я заставляю себя вглядываться сквозь рябь зрения, надеясь увидеть Кирилла. Больничные стены, пищалки, капельница. А его нет! Нет!

Зато тут другой Соколов.

Антон! Тот самый ночной кошмар, который, едва заметив, что я открыла глаза, начинает орать.

Благо, слова сливаются в монотонный гул, и я почти не слышу его упреков и обвинений. Мне больно. Не только в локте и колене.

Пытаюсь пошевелить пальцами — работают. Руки и ноги двигаются, значит, я не калека. Вообще легко отделалась, кажется.

На смену физической боли, приходит душевная... Все мысли о Кирилле и о том, что произошло. Он не поверил мне. Не поверил.... От этого невыносимо больно.

— Ты меня вообще слышишь?! — рычит Антон, вырывая из мыслей.

— Слышу, — киваю, к собственному сожалению.

Вот только ничего нового он не говорит. Поет оды моей бездарности и глупости.

— А что за скандал там был с чужим мужем? — рывкает он. — Я, кажется, говорил тебе про репутацию!

— Не знаю. Женщина сумасшедшая. — едва нахожу силы, чтобы произнести слова. Будто всю энергию выкачали.

— Черт с тобой! С этим сам разберусь и женщину твою найду. — фыркает Антон. — Ток попробуй еще с кемнибудь переспать! Тем более с Кириллом, Лера!

— Что? — охаю я и ловлю такой шок, что забываю о слабости собственного тела.

— Что? Думаешь, я не знаю, как ты таскалась с ним по бутикам? Как щенок на поводке! — плюется он, а я у меня руки чешутся влепить ему пощечину.

— Это для ужина. — цежу сквозь зубы.

— Не смей мне врать! — орет он, замахивается, и надо бы сжаться, а мне все равно.

Больнее уже не будет.

Смотрю на него, как на кусок мусора, и Антона аж передергивает, но руку свою он убирает.

— Плевать! Свадьба будет в субботу, Лера. Так что зализывай синяки, как знаешь или я тебя сам зашпугаю, — выдает этот гад.

— А операция Вари?

— Что операция Вари?! — рывкает так, что аж подпрыгивает.

Обезьяна недоделанная с претензией на хищность льва все равно остается обезьяной. Пусть и опасной.

— Пока не будет операции, замуж не пойду. — ставлю условие так четко, что сама невольно удивляюсь твердости в голосе.

Не знаю откуда она, но чувство, что терять больше нечего. Этот Антон уже в печенках сидит.

— Ты с дуба рухнула? Мозги все растеряла? — верещит как потерпевший. Меня сейчас стошнит от его голоса!

— Под колеса попала. И мозги на место встали. — отвечаю ему так спокойно, что сама не верю себе. — Операция, потом свадьба.

— Глянь, как осмелела! Это потому что защитничек нашелся? — чуть не плюется мне в лицо.

Фу, гадость!

— Это потому что защитить меня некому. Самой приходится.

— Да что ты. Тогда кто ради тебя под колеса кинулся? — рывкает он, и я вздрагиваю.

Что? Что он только что сказал?

— Повтори.

— Ох, какая гримаса. — ерничает Антон.

— Повтори, что ты сейчас сказал! — голос срывается на крик. Все внутри дрожит так, что вот-вот пальцы ходуном пойдут.

Я помню скандал. Помню, как шагнула на дорогу в полном шоке, помню, как ко мне летел Кирилл.

Нет! Нет. Он бы не стал рисковать собой ради меня. Тем более в тот момент!

— Что амнезия или послушать о подвигах хочется? — кривляется Антон.

— Скажи нормально, что ты имеешь в виду! — теряю терпение, а гада это забавляет.

— А то, что Кирилл оттолкнул тебя из-под машины. Сам чуть не подох.

Что?

Нет-нет-нет! Не может быть!

— Где он?! — слетаю с постели и тут же не падаю на ватных ногах.

— Сядь дура! Не зли меня еще больше! — рывкает Антон, хватая меня за предплечья и чуть ли не швыряет на больничную койку. — Что ты сейчас творишь, по твоему?

Орет, но я его почти не слышу, а тело, как назло слишком слабое, чтобы идти.

— Что с ним? — требую ответа, а гаденыш вспыхивает пуще прежнего.

— Живучий этот сын, ясно? Прохлаждается в другом конце коридора в вип-палате. Вот только тебя это не касается! Ты моя, заруби себе на носу. И только попробуй к нему приблизится, почка не только твоей сестре понадобится, но и матери! — угрожает он мне, а мне словно крышу сносит.

— Слушай ты, ублюдок. Пытай меня сколько хочешь, но семью не трожь. Не будет операции, не будет свадьбы, понял? — рычу я. Вот бы еще встать, чтобы были силы. Но я его и взглядом сейчас убить готова.

— Так, значит, заговорила? Может, мне сейчас все отменить? — делает ход конем, и я застываю, когда он подносит телефон к уху. — пусть Варенька подохнет, раз ее сестричка не хочет больше подчиняться.

— Сукин сын, — шиплю я едва слышно и закусываю губу. Знает гад, куда бить. Знает, что я не смогу отбить эту карту!

— Стой! — шепчу на выдохе. Голова идет кругом. Как же больно. Как обидно. Гад!

— Не слышу! — третирует меня подонок.

— Не надо звонить....

— А, вспомнила, с кем говоришь, — самодовольно заявляет он. — Только поздно, детка. Ты уже столько наговорила, что даже не знаю, как тебя простить.

Простить? Это он меня должен прощать? Ненавижу!

— На колени! — приказывает он.

— Что?!

— На колени, я сказал!

Ублюдок. Он это серьезно?! Совсем с катушек съехал? Нет.....

Задирает голову, ждет. Знает, что я сломаюсь....

— Что тут происходит? — раздается голос в дверях и в палату тут же влетает мужчина в белом халате. — Вы что тут устроили. Быстро на выход. Пациентке приписан полный покой.

— Доктор, вы, видимо, не знаете, с кем вы говорите.

— Зато вы верно подметили. Из нас с вами двоих, доктор тут я. И я решаю, кто что будет делать. Сами выйдите или охрану позвать? — заявляет мужчина, и Антон фыркая и грозя расправой плетется к выходу.

— Стой. Варя! — кидаюсь я следом, опасаясь, что этот придурок отменит операцию. Он ведь на все способен. Отбитый.

— Сядьте. Куда вы? Да вы же на ногах не стоите! — летит ко мне врач и спасает от падения.

— Нет. Пустите! Его нужно остановить!

— Это вас нужно остановить! Вы не в себе! — выносит вердикт доктор, а я вижу, как захлопывается за спиной Антона дверь.

Он ушел. Ушел... а Варя. Меня так пробирает истерика, что я не могу ее сдерживать. Ааа!

— Успокоительное! — кричит врач, и тут же бегут медсестры и санитары.

— Нет! — мотаю головой. — Мне нельзя сейчас спать. Мне нужно спасти Варю. Мне нужно увидеть Кирилла.....

Но они меня не слушают. Силой укладывают на кровать и держат, пока медсестра вводит иглу, царапая кожу.

Воздух густеет, и все погружается в темноту.

Варя.... Кирилл....

Глава 42. Свадьба

— Почему она все еще спит? — слышу недовольный женский голос сквозь пелену, затягивающую сознание. — Сделайте что-нибудь!

Что? О чем это она? И голос кажется знакомым. Мама Антона? Здесь, в больнице?

— Антон Юрьевич велел утром вколоть ей еще седативного, накопительный эффект пошел, — лепечет девчонка.

— Ну так уколите что-нибудь еще. Адреналин какой-нибудь или что у вас там есть.

— Нельзя же. Сердце....

— Нельзя ей свадьбу собственную проспать!

О чем они говорят?

С трудом открываю глаза и сонным мутным зрением разбираю облака. То есть рисунок на потолке. Не помню такого в больничной палате. И стены буди другими.

— Очнулась, слава тебе господи! — рявкает дама.

Вся заряженная, будто на вручение оскара собралась. Синее платье сверкающие камни в ушах и вычурном колье. А лицо кислое, как лимон.

Я не ошиблась, полагая, что это мама Анона. Только вот не в палате, а где?

— Я позову Антона Юрьевича, — подпрыгивает девчонка в больничной униформе и выбегает в высокие двери. Приметные такие. Дом Соколовых?

— Что происходит? — Хмурюсь я.

— Свадьба твоя происходит, наконец-то. — выдает она, и будь я в себе, а не под толщей препаратов, то наверное бы уже подпрыгнула.

— Она же в субботу.

— Сегодня суббота. — выдает дама. Как такое возможно, я же в четверг под колеса угодила. Как? — Лицо попроще сделай и одевайся. Сейчас помощниц пришлю.

Выдает дамочка, и цокая толстыми каблуками уходит прочь.

Мне все еще кажется, что я сплю, и это все кошмар. Эта комната, музыка за окном, это белоснежное платье на манекене. Такое же вычурное, как колье мамам. Все переливается до ряби в глазах. Я бы выбрала что-то более элегантно. Пожалуйста, Пусть это будет сон.

— Очнулась? — вваливается Антон, и у меня от одного его вида сводит зубы.

Вырядился, как настоящий жених Еще и во всем белом, аж глаза режет.

Так. Стоп. Это не сон? Они, что меня полутора суток под успокоительным держали и сюда привезли? Совсем сумасшедшие?

— Тихо ты. Не пугайся. — говорит Антон, как-то очень спокойно. — В прошлый раз я перегнул. Давай по-нормальному.

— По-нормальному? — переспрашиваю я, потому что спокойный Антон это точно нереально.

— У нас был уговор. Вот и следуем ему. Сегодня ты выходишь за меня замуж, а твоей сестре делают операцию, — выдает он, а я гадаю.

Если это не сон, то с чего он вдруг передумал?

— Не забывай, что должна улыбаться и вести себя непринужденно, чтобы ни у кого не возникло сомнений, что все это добровольно.

Ах, вот в чем дело. Силой меня можно поставить на колени, а вот к венцу через публику под плетью вывести не удастся. Вот откуда дует ветер.

— С чего мне тебе верить? — шурюсь я, не ожидая от него ничего хорошего. — Вдруг ты врешь про операцию?

— Позвони и узнай, — дает мне мой же мобильный.

Кошусь на блондина с недоверием, но номер мамы набираю. Она вся на нервах, говорит невнятно, и я сначала пугаюсь, но вскоре выдыхаю.

— Да солнышко, Ее прямо сейчас везут в операционную. — говорит мама, и я чуть ли не плачу. Не верю, что это наконец-то случилось.

— Все хорошо? — беспокоится мама.

— Все прекрасно. — шепчу я ей, не знаю, верит ли она, но отключается. Ей нужно быть там. Быть с Варей.

Убираю от уха онемевший телефон. Варе сделают операцию. Мне это не снится.

— Убедилась? Считай это свадебным подарком. Теперь ты выполняй свою часть и помни, что я в любой момент могу все остановить, если выкинешь финт. — говорит он, но, видимо, не знает, что у врачей помимо прайса есть еще и клятва Гиппократова. — Поняла?

— Поняла, — киваю я, а сама все еще мыслями с мамой и Варей.

— И еще. Хоть раз в будущем позволишь себе такую истерику, и сильно пожалеешь. Не забывай. Операция это пол дела. Твоей сестре нужно восстановление, — вот сейчас он дело говорит. — Собирайся. Гости и пресса начинают пребывать.

— Уже? — Хмурюсь я, и в комнату тут же входят две женщины с чемоданчиками. Только с рейса? Это гости? Нет. Косметологи, которые тут же велят мне умыться, чтобы приступить. А я как в тумане.

От мыслей о Варе тут же кидаюсь в другую крайность Кирилл. Антон сказал, что он цел. Он будет здесь? Почему ни разу не пришел? Его не смутило, что я пропала чуть ли не на два дня? Или ему стало плевать на меня, после шоу той женщины?

Даже если и так, я хочу знать, что он цел. Мне это жизненно необходимо!

Тянусь к телефону, но женщины велят не дергаться. Тянут за волосы щипцами.

— Дайте минуту, — прошу их, но едва беру своего “старичка”, как в комнату входит еще одна гостья.

Ей-богу, сегодня здесь все, кого я видеть не хочу. Проходной двор какой-то!

— Ух ты, какое платье, — отмечает блондинка. Та самая, что немногим ранее мне угрожала.

— Ты что тут делаешь? — шиплю на нее, и опять мне больно, потому что дернувшись, опалю кожу головы щипцами.

— Пришла поздравить. Лучше бы ты сразу сказала, что выходишь замуж за Антона. Тогда не было бы этого недопонимания, — выдает она.

— Недопонимания? — хмурюсь я, а в моей заторможенной голове наконец-то начинают собираться картинки. — Та женщина. Ты ее подослала?

— Прости, — как-то не искренне кривится она. — Я же не знала, что ты замуж собралась за другого. Сама виновата. Любая за своего мужчину будет бороться.

— А ничего, что в ходе твоей борьбы, мы чуть не погибли? — злюсь я.

— Ну сейчас-то все хорошо. Ты с Антоном, Кирилл со мной, — выдает она, и меня передергивает.

— Тише, — просит парикмахер, а мне сейчас все равно, даже если волосы спалит.

Кирилл с этой блондинкой? Не болен? Цел, как и сказал Антон? Просто забил на меня?

Не знаю почему, но я ей не верю! Хоть убейте!

— Где он? Как он?

— Отлично, — заверяет блондинка. — Вычеркнул тебя из жизни и вполне счастлив. Не думай о нем, о своем будущем муже так переживай. А то слухи еще пойдут. Ой-ой, — хихикает она.

А у меня снова чувство, будто я нахожусь в каком-то бесконечном кошмаре.

Но так больно, что это не может быть сном. Даже дышать тяжело. А раз я не сплю, то тогда проснулась в другой реальности. Иначе я никак не могу все это объяснить.

— Косметика, — напоминает одна из дам, которая все это время находится здесь, все слышит, но делает вид, что все в порядке.

Завидую ее железным нервам и умею так плевать на людей. Я тоже так хочу.

Блондинка спрашивает, нужна ли ее помощь, а затем с чистой совестью уходит, напоследок окинув взглядом меня и белое свадебное платье. Я уже ненавижу эту тряпку.

— Давайте оденемся, — торопят дамы, а я задыхаюсь. И вовсе не из-за корсета.

Мне кажется, что я тону. Что воздух больше недоступен.

— Мне нужно в туалет, — говорю я, отмахиваясь от фаты.

— Уборная здесь, — кидают дамы вслед, но я все равно иду в коридор. Если не выдохну, то сейчас взорвусь.

Кирилл забыл обо мне. Так просто. После всего?

Не верю!

— Кирилл очнулся три часа назад, мам, — слышу голоса за одной из дверей и резко торможу. Что?

Что Антон только что сказал?

— Вышел из комы? — переспрашивает женщина, и внутри все замирает. Что значит, вышел из комы? Он был в ней? Тогда что несла эта блондинка? — Так и знала, что это случится. Неугомонный мальчишка. Он все испортит.

— Что он может испортить, через полчаса я буду женат и при наследстве.

— Ты идиот, как и твой отец. Он еще до аварии собирал отчетность по финансам. Точно что-то заподозрил. И в свадьбу вашу он не верит. Не ты ли говорил, что он к юристу твоему подходил? Такой и свадьбу сорвать может.

— На одной ноге? — усмехается Антон.

Боже! Что значит, на одной ноге?

— Ты как будто его не знаешь. Он и без ног приползет, если захочет. Он бомба замедленного действия. Значит, мы сами эту бомбу взорвем. И подальше от нас, — говорит она пугающие вещи, и все внутри застывает.

— Что ты имеешь в виду? — напрягается Антон и вместе с ним я.

Внутри все холодеет от опасных предположений, я почти не дышу, пока ожидаю страшный ответ.

— Если кто-то не умеет останавливаться, нужно самим его остановить, — заявляет женщина — Все уже готово, сынок. Сегодня мы решим сразу две проблемы.

— Как?

— Маленькая автомобильная авария.

Что? Что она только что сказала? Ноги подкашиваются так, что я едва ли не падаю.

Нельзя, Лера. Не сейчас. Слушай! Слушай все!

— Мам, ты чего? Если ты повредишь тормоза, полиция найдет улики.

— Гоша умеет работать грамотно. Все ведь до сих пор считают, что твои дядя и тетя

погибли случайно.

— Что?! — охает Антон, а у меня голова идет кругом.

Боже, эти люди сумасшедшие. Нет. Они не люди, они звери!

А Кирилл знает, что случилось с его семьей? И они хотят сделать это же с ним? Нет!

— Все уже сделано, сынок. Как только Кирилл сядет за руль, его песенка спета.

Ее слова звучат как выстрел в голову. Я теряюсь между небом и землей, ведь возможно, в эту самую минуту, Кирилл садиться за руль. А если нет....

Боже! Боже! Боже!

В шоке бегу от двери, набираю номер Кирилла, а он не отвечает. Возьми трубку! Умоляю, ответь! Не берет! Что делать?

Что мне делать? Хоть бы он спал или был на обследовании, хоть бы никуда не пошел. Он ведь только очнулся. Но это же Кирилл! Боже!

Нужно бежать к нему. Прямо сейчас.

— Кирилл, тебя хотят убить. Ни за что не садись за руль! — кидаю голосовое на ходу и бегу по лестнице вниз, чудом не падая из-за пышного платья.

— Лера, что ты тут делаешь? Кому ты звонила?! Отдай сюда! — нагоняет Антон, выхватывает телефон прямо у входа.

Его взгляд вспыхивает, когда он видит голосовое.

— Ты это зря, — рычит он, и бьет меня по щеке так, что я падаю на консоль, с которой валится ваза, она разбивается с грохотом.

Глава 43. Вместе

— Ах ты тварь! — кидается он на меня.

— Помогите! — кричу, надеюсь, что меня услышат, и кидаюсь в сад, полный людей в самых разных нарядах и десятков мужчин в черных костюмах с проводами в ушах — охрана. Они не дадут мне уйти.

Да, верно. Пока гости пребывают в шоке, оглядывая мое потрепанное платье и опаленную щеку, громилы готовы меня сцапать и только ждут приказ.

— Остановить ее! — рычит охране Антон, едва я пытаюсь сделать шаг.

Идет ко мне, как разъяренный зверь. Его даже не смущает куча свидетелей.

Он словно спятил.

Он меня убьет?

Рев мотора заглушает возгласы и приметный серый “Мустанг” выскакивает на газон, прокатывая Антона на капоте.

Кирилл? Живой!

Да, он. Выходит из машины. Весь в ссадинах, но идет на своих двоих. Идет ко мне с горящими глазами, не замечая вообще ничего вокруг.

Касается щек, осматривает с головы до ног, будто я самая большая ценность на свете.

— Девочка моя, прости, — шепчет он мне, а мне не за что его прощать.

Я плачу. Потому что счастлива. Он — жив! Как так? А тормоза?

— Сукин сын! Все не сдохнешь! — орет Антон, вставая с земли и кидаясь на Кирилла. Не успеваю вздрогнуть, как мой спаситель одним ударом ломает году нос, а затем добавляет по ребрам так, что в толпе визжат:

— Охрана! Охрана!

И бугаи рыпаются в сторону Кирилла.

— Назад! — командует он, и все застывают. Даже не дышат, и тишину разбавляет лишь гул сирен полицейских машин.

— Ты за все ответишь! — истерит несостоявшаяся свекровь, подбегая к побитому сыночку.

— Нет, тетушка. Это вы ответите. И за махинации со счетами, и за смерть моих родителей.

— Что? — охает она.

— От Гоши вам привет, — передает Кирилл, берет меня за руку, и тепло его тела скользит невидимыми лентами в мое онемевшее сердце, вновь заставляя его биться и верить.

— Пошли домой, — говорит он мне и уводит меня из этого ада.

— Не плачь, — просит меня Кирилл, протягивая чашку ароматного горячего чая.

Я сижу в его квартире, в его белой рубашке, как когда-то давно, и смотрю на его ссадины на его прекрасном, по-мужски красивом лице. На новые и на старые.

— Лучше поколоти меня, — горько усмехается он.

— На тебе уже живого места нет.

— Тело заживет. С твоим сердцем сложнее. Знала бы ты, как хочется тебя отчитать за

то, что не рассказала правду. Но если кого и отчитывать, то меня.

— Я ждала, когда Варе сделают операцию, — шепчу я, глядя на телефон. Мама полчаса назад сообщила, что операция прошла успешно. Слава богу. Как гора с плеч. Целый Эверест.

— О ней не беспокойся. Я все возьму на себя. А если хочешь утром мы полетим к ней.

— Мы?

— Мы, — кивает Кирилл. — Если ты не хочешь прогнать такого идиота. Но предупреждаю, я все равно поеду за тобой.

Не знаю почему, но от его слов мне становится радостнее на душе.

— Как же ты все тут оставишь?

— Полиция сама разберется. Там есть нужные люди. Компания за пару дней не рухнет. Плюс, врачи дают хорошие прогнозы. Ее истинный хозяин скоро придет в себя, — сообщает Кирилл новости, от которых теплеет в душе.

— А мне нужно замаливать грехи перед одной прекрасной женщиной. Хочу начать с моря солнца и полного антистресса. Что скажешь?

— Звучит заманчиво. — соглашаюсь я.

— Все для тебя, — смеется он, но я чувствую, что на душе у него все еще не спокойно.

— Как ты?

— Мм?

— И у несокрушимых есть сердце. Что чувствует твое? — шепчу я, а Кирилл улыбается и как-то странно смотрит на меня. Будто прямо в душу.

— А я все думал, почему меня так к тебе тянет.

— Почему? — хмурюсь я.

— Ты видишь во мне то, что не видят другие. Чувствуешь меня.

— И всего-то? — смеюсь я. — А я то думала, тебя моя красота привлекла.

— Что есть, то есть. Но красавиц много, а ни одна из них не такая, как ты, — говорит он, и все внутри замирает. — Знаешь, как сложно было выкинуть из головы?

— Да уж. Кем ты только меня не считал, — грустно усмехаюсь я и тут же замираю. — И все равно кинулся под колеса из-за меня.

— А ты сбежала со свадьбы, чтобы меня спасти.

— Я не знала, что ты в коме.

— Отдохнуть не дали. Не мог же я спокойно спать, когда ты замуж выходишь, — подкалывает он, а я злюсь.

— Я думала, что ты умрешь.

— Исключено, — шепчет Кирилл, касается своими теплыми пальцами моих щек, вынуждая посмотреть в его бездонные глаза, и все внутри замирает. — Все было схвачено, и рано или поздно я бы поймал их. Прости, что не рано. Прости, что позволил тебе через это пройти.

Он говорит, а у меня на глаза наворачиваются слезы. Он тянется ко мне, чтобы поймать одну такую беглянку губами, опаливая щеку невинным поцелуем.

— Я сделаю все, чтобы ты никогда это не вспоминала. Я сделаю тебя самой счастливой, если ты мневеришь еще хотя бы раз.

Боже, что за слова он говорит. Как пара предложений может заставить сердце так прыгать внутри?

— Я не переставала верить, — шепчу ему.

Он отстраняется и смотрит мне в глаза так, что весь мир угасает. Все теряет смысл,

кроме нас двоих

— Ты будешь со мной самой счастливой, — обещает он, и я верю.

Я уже чувствую себя счастливой. И впервые в безопасности, как за каменной стеной. Вот бы это чувство никогда меня не покидало.

Кирилл касается моих губ поцелуем, и все тревоги, все мысли растекаются. Есть я и он и пламя, которое разгорается в каждом нас с каждой секундой.

Как же давно я его хочу.

Забавно. Говорят, в жизни нет магии, но я отлично помню тот сон, где я, мама и Варя сидели во дворе загородного дома за круглым столом с белой скатертью.

Помню, как Варя подшутила надо мной, сказав, что мамин любимый зять вернулся. Тогда я не увидела его лица. А сегодня вижу.

В том самом доме, который одним из первых показал нам с Кириллом риэлтор после свадьбы. Вот только сегодня я к мужу не бегу, а ползу, как каракатица, потому что большой живот не позволяет делать резких движений.

Нет, я не располнела, хотя после первой беременности мне пришлось скинуть лишних восемь килограммов, я снова беременна. В этот раз девочкой.

А Кирилл как раз привез от бабушки нашу старшенькую Риту. Ей недавно исполнилось два. Уже бегает во всю и до безумия обожает папу.

— Папина дочка. — шепчу я ей в шутку, утыкаясь в ее кудряшки носом, а она хохочет и визжит. А потом ее зверски похищает тетушка и идет играть. Варя полностью здорова, учится в ВУЗе и почти не вспоминает о болезни.

У мамы тоже все наладилось. Мы работаем вместе в моей маленькой уютной фирме по дизайну, которую спонсирует некий красавец Кирилл Соколов. Но мы на берегу договорились, что это инвестиция, а не покровительство. Он конечно важно кивнул в тот момент, но деньги все-таки давал на хобби. Зато потом гордился мной больше, чем я сама.

Мой муж, моя опора, моя защита.

Девочка, выросшая при отце-алкоголике, не верившая в то, что счастливые семьи бывают, сейчас благодарю вселенную за то, что прокатила меня когда-то на капоте Кирилла.

Он заставил меня поверить в то, что любовь есть и она не угасает с годами. Он наказал всех, кто хоть как-то обидел меня, правда с блондиночкой я хотела поквитаться сама. Кто ж знал, что она дизайнер. Это было отличным стимулом переманить у нее всех клиентов.

Ну а на иске за клевету настоял Кирилл. Впрочем, родственникам сильно досталось, и они все дружно переехали туда, где небо в клеточку, а свидания только по выходным. Кирилл упек их надолго.

Самым сложным было преподнести это все бабушке. Он жив здоров, и более того, моя мама со временем отпустила обиды и часто навещает его. Теперь она ему, как дочь.

А я... я просто счастлива мама, счастливая жена любимого мужа. Его тыл, его дом, его уют. И... его страсть, которая никогда не стихает.

Больше книг на сайте - Knigoed.net